

В. Д. Гранов, П. С. Гуревич, А. Т. Семченко

В ПОИСКАХ ДУХОВНОЙ ОПОРЫ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Научный совет по проблемам
зарубежных идеологических течений АН СССР

В. Д. Гранов, П. С. Гуревич, А. Т. Семченко

■

В ПОИСКАХ ДУХОВНОЙ ОПОРЫ

■

ОБЩЕПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
АСПЕКТЫ БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ
"РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ"

МОСКВА "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ" 1981

Введение, главы I—III и заключение написаны д-ром филос. наук В. Д. Грановым, главы IV—VIII д-ром филос. наук П. С. Гуревичем, главы IX—X А. Т. Семченко

Отв. редактор д-р филос. наук В. Д. Гранов

Гранов В. Д., Гуревич П. С. и Семченко А. Т.

Г 77 В поисках духовной опоры: Общеполитические и международные аспекты буржуазных концепций «реидеологизации». — М.: Междунар. отношения, 1981. — 208 с. (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма).

В монографии анализируется процесс «реидеологизации», то есть усиление внимания правящих кругов капиталистических стран к идеологической обработке масс в условиях духовного кризиса буржуазного общества.

Исследование показывает, как под влиянием глубоких сдвигов в международных отношениях правящие круги, крупнейшие буржуазные партии стран Запада обосновывают «реидеологические» установки.

Для специалистов-международников, преподавателей вузов, лекторов.

Г 11105-048 8-81
003(01)-81

0804000000

ББК 66.4 (08)

ВВЕДЕНИЕ

«Поиски идеологии» стали на Западе в последние годы подлинным поветрием. «Новые философы» и «новые экономисты», «новые правые», «новые левые» и даже «новые новые левые», неоконсерваторы и неолибералы, наперебой предлагают свой идеологический товар, не скупясь на рекламу.

Еще недавно западные «духовные авторитеты» шумным хором уверяли, что идеологические системы — это всего-навсего пережитки дней минувших, что мир присутствует при «конце века идеологий», что «отказ от идеологии» — это знамение времени, а «деидеологизация» сознания, науки и вообще всей духовной жизни — наконец-то понятая учеными мужами истина, которую они дарят человечеству.

И вот в 70-х годах, когда еще не были распроданы тиражи сочинений о «всемирной деидеологизации», из тех же самых кругов буржуазного общества, а нередко — и те же самые люди в драматических красках живописуют «духовный хаос», царящий на обетованной земле «свободного мира», приходят в ужас от «кризиса веры» и требуют от своих жрецов науки создания новых «духовных ценностей» и даже — подумать только! — новой идеологии. Теперь они призывают к «реидеологизации» западного общества, видя в этом средство его спасения от духовного и морального кризиса.

70-е годы стали той полосой в мировом развитии, когда капитализм вступил в новый период жестоких потрясений. Не оправдались расчеты его сторонников на то, что научно-техническая революция снимет остро-

ту классовых противоречий и обеспечит буржуазному строю неограниченное восходящее развитие. Капиталистическая экономика испытала в 1974—1975 годах кризис такой силы, какого она давно не знала. Последовавшая за ним затяжная депрессия так и не завершилась до конца десятилетия новым хозяйственным бумом. Наоборот, на экономическом горизонте стали сгущаться новые грозные тучи.

Вместе с экономическими ударами рушатся надежды на упрочение внутреннего «классового мира». Подъем рабочего движения, рост численности и влияния коммунистических партий во многих странах развитого капитализма, небывалый накал студенческих волнений на рубеже 60—70-х годов, революция в Португалии, конец фашистских диктатур в Греции и Испании свидетельствовали о нарастании политического кризиса, подрывающего устой международного капитала.

Ослабление капитализма шло на фоне гигантского взлета могущества социализма, его воздействия на все стороны развития мировой цивилизации. Силы национально-освободительного движения в Азии, Африке, Латинской Америке поднялись на новый уровень в борьбе против империализма, за подлинную национальную свободу и прогрессивное развитие.

Все эти процессы нашли многообразное, разноречивое отражение в духовной жизни буржуазного мира. Одним из них стал процесс, именуемый в литературе «рендеологизацией» и означающий тенденции, действия в среде правящего класса, его политических партий, теоретиков, пропагандистов, направленные на усиление влияния буржуазной идеологии на жизнедеятельность капиталистического общества, и прежде всего на сознание трудящихся масс. В более узком плане этим понятием обозначается совокупность буржуазных концепций, выявившихся особенно заметно в 70-х годах и доказывающих жизненно важное значение мировоззренческих, идеологических принципов и ценностей для судеб буржуазного мира. Волна «рендеологизаторских» концепций в буржуазной общественной науке оттеснила на второй план весьма распространенные в 50—60-х годах теории «дендеологизации» с их утверждениями о «конце идеологии», о якобы неминуемом и уже происходящем упадке значения идеологического фактора в странах развитого капитализма.

Как никогда прежде, монополистическая буржуазия нуждается в теоретической ориентировке, чтобы выбраться из лабиринта внутренних и международных противоречий. Как никогда прежде, ей необходимо идеологическое оружие, чтобы укрепить духовный контроль над массами, преодолеть поразивший всю буржуазную социальную структуру духовный кризис, упадок веры в капитализм, его будущее.

Провал «холодной войны» и начавшаяся на рубеже 60—70-х годов разрядка напряженности в международных отношениях обусловили изменение в соотношении факторов классовой борьбы. Укрепление мирного сосуществования государств с различным общественным строем определило повышение роли невоенных форм противоборства социализма и капитализма, в том числе идеологической борьбы. Разработка идеологической стратегии и тактики империализма в новой обстановке стала крайне насущным делом. Отсюда — возникновение многочисленных концепций «рендеологизации», которые пытались на свой лад определить пути, методы решения этой задачи.

Провал империалистических расчетов, связанных с разрядкой, дальнейшее ослабление позиций империализма и рост противостоящих ему сил социализма, демократии и национального освобождения привели на исходе 70-х годов к новому повороту империалистической политики, к подрыву разрядки и попыткам вернуть мир к временам «холодной войны». Такой поворот потребовал дальнейших перемен в содержании и методах идеологической войны против сил мира и прогресса. С приходом к власти администрации президента Рейгана в Вашингтоне отбрасывают либеральные вывески, вроде той, какой была доктрина о «правах человека», и предпочитают более откровенный язык политики беспрепятственных действий для американских монополий. Таким подходом продиктовано появление на свет доктрины «борьбы против международного терроризма», призванной создать «обоснование» для подавления освободительной борьбы народов против империализма. Процессы «рендеологизации», приспосабливаясь к новой ситуации, продолжают неослабевающими темпами.¹

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, подчеркивалось, что фактом

международной обстановки является «заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление»².

Советскими учеными и зарубежными марксистами в последние годы проведена большая работа по критическому анализу многочисленных буржуазных теорий идеологии¹. В трудах Л. Н. Москвичева, М. В. Яковлева, Н. М. Кейзерова, Л. В. Скворцова и ряде других дана оценка различных аспектов «деидеологизации», исследовалась специфика идеологии как социального явления, ее форм и особенностей в социалистическом и буржуазном обществе. Вместе с тем немало вопросов здесь нуждается в дальнейшем изучении. Это особенно относится к новейшим процессам «реидеологизации», значение которых в духовной жизни буржуазного мира заметно усиливается. Актуальность изучения этих процессов с позиций марксистско-ленинской науки очевидна.

Предлагаемая читателю работа посвящена критическому разбору буржуазных концепций «реидеологизации», появившихся в 70-х годах. Авторы ограничили свою задачу рассмотрением главным образом методологических основ «реидеологизации», анализом обоснования этого курса различными течениями буржуазной и мелкобуржуазной общественной мысли, разбором общеполитических и международных аспектов «реидеологизации».

Этим определяется структура книги. Первый раздел анализирует исторические и социальные предпосылки возникновения концепций «реидеологизации», отражение этого процесса в политическом курсе группировок крупного капитала и социал-демократов, а также в буржуазной науке. Второй раздел исследует конкретное содержание различных концепций «реидеологизации». В заключительном разделе рассматриваются «реидеологизаторские» тенденции в теориях и практике буржуазной пропаганды, а также роль буржуазного государства в условиях, когда значение идеологического фактора в жизни капиталистического общества возрастает.

РАЗДЕЛ I

«РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» — ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ВЕРСИЙ «ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ»

В ходе поступательного процесса мировой цивилизации, по мере усложнения общественной жизни, с ростом производительных сил, науки, культуры увеличивалась потребность и одновременно расширялись возможности более полного, всестороннего ориентирования людей в окружающем мире, осмысливания различных сторон бытия, то есть формирования, углубления миропонимания. От столетия к столетию, от эпохи к эпохе возрастало значение идеологического фактора в общественной жизни.

В наше время величайших революционных перемен, в эпоху всемирного перехода от капитализма к социализму значение мировоззрения, идеологии для всех классов современного общества велико, как никогда. Необходимость ориентации в сложнейшем переплетении социальных процессов, потребность убеждения людей в правильности пути, избранного теми или иными политическими силами, определяют актуальность разработки противостоящими классами идеологических воззрений, то есть системы взглядов на природу, общество и личность.

В максимально глубоком выяснении закономерностей развития природы и общества заинтересован прежде всего самый революционный класс, главная движущая сила современной эпохи — рабочий класс. Этот класс безбоязненно смотрит в будущее, которое несет победу его интересов, его исторических задач: упразднение всех классов, построение общества без классов. Рабочий класс поднял над миром знамя теории научного социализма, созданной титанами мысли и дейст-

вия — Марксом, Энгельсом, Лениным. Эта теория одержала победы на огромном пространстве планеты, социализм стал реальностью для сотен миллионов людей. Марксизм-ленинизм переживает бурную пору творческого развития, непрестанно вбирает в себя и анализирует и обобщает разнообразие новейшего исторического опыта, достижения передовой научной мысли и прогрессивной культуры. В руках рабочего класса марксизм-ленинизм стал могучим орудием преобразования мира.

Противостоящая пролетариату буржуазия, и особенно ее господствующая часть — государственно-монополистическая верхушка, также остро нуждается в теории, которая дала бы этому классу более надежную ориентировку в быстро меняющейся и становящейся все более неблагоприятной для капитализма картине современного мира. Такая теория должна удерживать трудящееся большинство населения в рамках буржуазного строя, буржуазного сознания.

Правящий капиталистический класс не скупится на трату миллиардных сумм для содержания небывалой по размерам идеологической машины: «мозговых» и пропагандистских центров, информационных служб и т. д. Однако роковой факт состоит в том, что буржуазия является сходящим с исторической сцены классом. Ее интересы несовместимы с поступательным ходом истории. Поэтому она страшится достоверного, идущего до конца исследования закономерностей и перспектив всемирной истории. Встать на путь объективного исследования означает для нее подписать себе смертный приговор.

Буржуазная мысль вращается в заколдованном кругу. Она силится найти путь спасения, но страшится истины. Ей нужна теория, но создаваемые во множестве рецепты «модернизации» капитализма один за другим обнаруживают свою нежизнеспособность.

Отсюда противоречивые тенденции в отношении буржуазии к идеологии, мировоззрению, его роли в жизни общества. Отсюда то колебания, шатания буржуазной мысли в сторону декларированного и «мотивированного» отказа от всякого целостного, последовательного мировоззрения, то призывы к поиску «идейного знамени», которое могло бы поднять слабеющий дух защитников буржуазных порядков.

В далекую пору молодости оружием поднимавшейся против феодализма буржуазии была воинствующая идеология. Сам термин «идеология» впервые получил широкое хождение во времена великой французской буржуазной революции и обозначал в ту пору совокупность мировоззренческих установок, моральных ценностей, общих взглядов на развитие человечества. Он был лишен тогда негативного значения, которое позднее стала придавать ему буржуазная наука.

Для великих мыслителей французского материализма, немецкой классической философии, английской политэкономии наука и мировоззрение всегда были единым, органическим целым. Родоначальники буржуазной идеологии уже тогда расходились друг с другом по многим существенным вопросам, закладывая основы будущих неразрешимых противоречий буржуазного сознания. Но до общего кризиса буржуазной мысли было еще далеко.

Однако уже в первой половине XIX века, когда стала выявляться историческая ограниченность капитализма, когда лицемерный, бесчеловечный характер общества частной наживы стал очевидным, — уже в то время Огюст Конт писал об «интеллектуальной анархии» современного ему буржуазного строя, о воцарившемся уже в ту пору разброде буржуазной мысли по фундаментальным социальным вопросам. Духовные противоречия внутри буржуазного общества, углубляясь и расширяясь, сопровождали последующее развитие капитализма, предвещая всеобщий кризис буржуазной веры.

Часть исследователей пыталась преодолеть этот разброд, противопоставляя ему очередные «системы», долженствовавшие открыть всеобъемлющую и, главное, приемлемую для буржуазного мира «истину» всеобщего развития. К такого рода создателям «систем» принадлежал и О. Конт, ставший отцом буржуазной социологии («науки наук», по его мнению) и творцом философского позитивизма.

Другие теоретики хотели возвести беду в ранг добродетели и доказывали, что «интеллектуальная анархия» свидетельствует не об упадке, а, наоборот, о духовном богатстве и интеллектуальном расцвете буржуазного общества, что всякий целостный подход к развитию природы и общества, любая единая идеология лишь сковывают «бесконечно свободную» мысль и

что единственно нормальным состоянием является духовный плюрализм, то есть одновременное существование разноречивых, взаимоисключающих друг друга воззрений.

Такого рода утверждения могли лишь на время затемнить главное: теоретическое бессилие буржуазной мысли становилось все более очевидным и тревожным. Этот факт закономерно рождал в буржуазной среде недоверие к идеологии вообще. Там, где кончалась буржуазная идеология, виделся конец всякой идеологии.

Представители обеих тенденций сосуществовали рядом друг с другом во всех фазах буржуазного развития, как сосуществуют и по сей день. То одна то другая тенденция выходила на первый план.

Обычно бывало так, что в трудную пору кризисов, крутых поворотов в судьбах буржуазного общества чаще и громче начинали звучать призывы к идеологическому «обновлению» и «объединению» буржуазного лагеря, которое могло бы послужить духовной опорой для действий против внешнего, а в еще большей мере против внутреннего врага — возмущения масс против власти капитала. Необходимость в «идейном знамени», способном увлечь массы, властно давала себя чувствовать всякий раз, когда буржуазные устои оказывались под угрозой.

В периоды же относительно «спокойного» развития, временного ослабления накала классовой борьбы нередко оживлялись «деидеологизаторские» настроения. Убыстрявшие темпы хозяйственного роста укрепляли надежды на восстановление «социального равновесия», на то, что «восходящее» развитие капитализма будет продолжаться дальше «естественным» путем.

Подкрепленные теоретической «аргументацией» разговоры об отступлении идеологической борьбы на второй план порождали успокоительные иллюзии насчет прочности буржуазного порядка, смягчения классовой напряженности, служили дезориентации общественности, особенно многочисленных промежуточных мелкобуржуазных слоев. Проповеди о «многообразии» социальных взглядов как о якобы неременном условии «процветающего» общества, предлагавшие, казалось, широкий выбор внешне самых разнообразных, а по сути — только буржуазных взглядов, помогали удерживать интеллигенцию, средние слои в пределах буржуаз-

ного сознания. В какой-то части самой буржуазии концепции о «конце идеологий» охотно воспринимались в качестве своеобразного духовного наркотика, помогавшего ослабить чувство тревоги за непрочность капиталистических устоев.

Так было и в десятилетия, последовавшие вслед за окончанием второй мировой войны.

Начавшийся в 50-х годах период относительно высокой хозяйственной конъюнктуры породил немало иллюзий о возможностях бескризисного развития капитализма. Волна научно-технической революции несла с собой, казалось, неограниченные возможности для капиталистического производства и вместе с тем надежду на воцарение долгожданного «социального мира». В правящих верхах Запада рассчитывали, что эти факторы, так же как и повышение в 50—60-х годах уровня жизни довольно широких слоев населения, придадут капитализму «новое дыхание». «В наших экономических решениях сегодня, — возвещал в 1962 году президент США Дж. Кеннеди, — ставка делается не на какую-то всеобщую войну соперничающих идеологий, а на практическое управление современной экономикой. Мы нуждаемся не в идеологических ярлыках и клише, а в более фундаментальных дискуссиях по более общим вопросам, разрешение которых необходимо для успешного развития огромного экономического механизма...»¹.

Тезис Кеннеди о том, что улучшений в «практическом управлении» капиталистической экономикой вполне достаточно для решения социальных проблем США и буржуазного мира в целом, соответствовал широко распространенным тогда умонастроениям западных политических и деловых верхов. Что же касается утверждения об отказе от «войны соперничающих идеологий», то оно, мягко говоря, имело мало общего с действительностью.

В Вашингтоне, разумеется, не собирались складывать оружие в идеологической борьбе с главным противником — социализмом.

Наоборот, именно администрация Кеннеди предприняла новые меры по развертыванию американской пропагандистской машины для ведения «психологической войны» против Советского Союза. Не кто иной, как Кеннеди призывал к поискам более эффективных путей

идеологической борьбы против социалистических государств. «Гордо провозглашенная восемь лет назад политика «освобождения» (т. е. реставрации капиталистических порядков в социалистических странах. — *Авт.*) оказалась обманом и заблуждением, — объяснял он свою позицию. — Мы должны развивать применительно к Восточной Европе более гибкий и более приспособленный к действительности способ действий... Через любую щель, которая возникает в железном занавесе, должны мы питать зародыши свободы»². По мнению Кеннеди, все средства следовало использовать для этой цели: наряду с информационными службами, также экономическую «помощь», торговые отношения, туризм, обмен студентами и преподавателями и т. д.³

Оказавшись перед фактом провала «холодной войны», буржуазный мир искал новые методы воздействия, новую тактику в идеологической борьбе против социализма. Расчеты строились на том, что достигнутая Западом экономическая мощь обеспечит решение мировых социальных, политических, идеологических проблем в его пользу. Дальнейший хозяйственный подъем, стимулируемый и направляемый гибким государственно-монополистическим регулированием, представлялся надежным путем для достижения этих целей. «Нужно создать Америку, — восклицал Кеннеди, — которая могла бы стать живым примером свободы для всего света»⁴. Переделка всего мира по американскому образцу, очередной вариант «американского мира» — вот что фактически скрывалось за этими словами.

Их смысл более детально был раскрыт в те же 60-е годы З. Бжезинским, подвизавшимся в ту пору в качестве члена Совета планирования политики госдепартамента США. Официальный бюллетень этого ведомства поместил его доклад, прочитанный 3 июля 1967 г. на организованном госдепартаментом совещании для работников прессы и радио. Докладчик претендовал на стратегический анализ внешней политики США и ее планов на будущее. «Каков характер нашей эры? — ставил он вопрос перед своими слушателями. — Что в сущности изменяется в международной политической жизни?» Первое важнейшее изменение, открытое Бжезинским, — это «ослабление идеологических конфликтов среди более развитых стран мира», к которым причислялись как государства развитого капитализма,

так и Советский Союз и ряд других социалистических стран.

Подтверждение столь необычной уверенности в якобы происходящем ослаблении идеологической борьбы на мировой арене докладчик находил в «сдерживающем» воздействии ядерного оружия на «идеологическую ненависть». Иными словами, взаимный страх перед ядерной катастрофой оказывал, как уверял Бжезинский, благотворное воздействие на смягчение идеологической борьбы. Да и социальные изменения в мире представлялись ему слишком сложными для человеческого понимания, исходя из «простых» идеологических формул.

Наиболее важным фактором в мировом развитии в целом и в мировой идеологической ситуации в частности Бжезинский объявлял «превращение Соединенных Штатов в преобладающую на мировой арене державу». Рост экономической и военной мощи США сделал эту страну, по его мнению, недостижимой для других. «Американский образ жизни, наш стиль, наши обычаи во все большей мере служат примером, — не скрывал он собственного энтузиазма. — Сейчас если есть в мире какое-то творчески созидающее общество, то это — Соединенные Штаты...»

Из сказанного следовал вывод для внешней политики США: «Прежде всего нам не следует предаваться идеологии. Мы всегда представляли собой прагматическое общество, свободное от идеологических оков. Было бы печально, если бы теперь мы поддались внутренней и внешней идеологизации...»

Но что же все-таки означает в устах Бжезинского отказ от «идеологизации» политики? Оказывается, в первую очередь — самый решительный отказ от... изоляционизма во внешних делах. Отстранение США от активной внешней политики вызвало бы «международный хаос огромных масштабов». Следует как-то ужиться с «революционным национализмом» в развивающихся государствах, поскольку его «во многих случаях нельзя избежать». Однако Бжезинский в недвусмысленной форме резервирует за США право на вмешательство во внутренние дела этих государств, если события будут разворачиваться в нежелательном для американского империализма направлении. «В виде общего положения, — философствует докладчик, — можно сказать, что

вмешательство оправдано (!) в тех случаях, когда отказ от него создает региональную неустойчивость расширяющихся масштабов». Критерии же «распространяющейся региональной неустойчивости» надлежит, по Бжезинскому, определить опять-таки Вашингтону и никому другому. США, таким образом, открыто и без церемоний должны взять на себя роль верховного судьи и жандарма в Азии, Африке, Латинской Америке.

И, наконец, говоря об отношениях с социалистическими государствами, Бжезинский не скрывает своего крайнего раздражения. Советский Союз он готов признать разве лишь в качестве «региональной державы», а коммунистическое учение объявляет «утратившим жизненную силу». Тем не менее и ему ясно, что внешнеполитический курс обернулся для США и их союзников жестокими просчетами. Он не видит другого выхода, кроме как «постепенно прекратить холодную войну» и «приспособить атлантическую концепцию к периоду, идущему вслед за периодом холодной войны». Приспособление это, как выясняется, должно состоять в том, что США обязаны еще теснее сплотить вокруг себя Западную Европу и Японию и на этой основе добиваться создания «более независимой от Советского Союза» Восточной Европы и более «конструктивного», с точки зрения США, «вовлечения» Советского Союза в отношения с США и Западной Европой. Конечной целью должно стать, по Бжезинскому, создание «мирового сообщества развитых стран», где будут по-прежнему главенствовать Соединенные Штаты Америки.

Вот так выглядит на деле американский отказ от «идеологизации» политики в устах теоретика из Вашингтона. Словесный призыв «не предаваться идеологии» прикрывает выдвижение на авансцену политико-идеологической доктрины глобального господства США. «Ослабление идеологических конфликтов» в мире оказывается в действительности лишь сменой тактики. Обанкротившаяся «холодная война» должна быть заменена более гибкой линией действий, сохраняющей ту же самую стратегическую перспективу: обеспечить верховенство американского капитала в первую очередь экономическими и другими «мирными» средствами, отнюдь не отказываясь при этом в случае необходимости от военной силы. Лицемерные призывы к «сдерживанию идеологической ненависти» едва драпируют на-

сквозь антикоммунистическое, антисоветское содержание взглядов автора.

В обосновании более соответствующих «духу времени» путей борьбы с социализмом и состоит назначение этой, равно как и других концепций, появившихся в 50—60-х годах под аккомпанемент рассуждений насчет «деидеологизации» западного общества и международной жизни в целом. Это относится не только к доктринам, открыто обслуживающим потребности официальной политики. Это верно и для множества социологических, философских, экономических и других теорий общего и специального характера, появившихся на свет в то время. «Любая политическая философия Запада определяется тем смыслом, который ей придает существование коммунизма и Советского Союза»⁵ — это признание Р. Арона, одного из ведущих западных политологов, может быть распространено и на экономическую, историческую науку, социологию, право — практически на все отрасли буржуазного общественного знания. Вне борьбы с марксизмом и реальным социализмом, вне их воздействия на все сферы международной жизни невозможно понять содержание и тенденции развития буржуазной мысли, в том числе концепции «деидеологизации».

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что пора самых шумных разговоров насчет «деидеологизации» оказалась, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, порой «теоретического бума» на Западе. Именно в 50—60-х годах появляется на свет пестрый букет разноликих социальных концепций, рожденных как на официальной почве правительственных инстанций, так и на ниве «свободной» науки, как плод творения ученых-интеллектуалов.

Речь идет о бесчисленных вариантах «народного капитализма», «общества всеобщего благосостояния», «потребительского общества», «сформированного общества», затем «индустриального» и «постиндустриального» общества, о появлении новых ответвлений позитивистского и иррационалистского толка в философии, «неокейнсианского» и «неоклассического» направления в экономической науке и т. д. и т. п. Словом, буржуазная социальная наука развила небывалую активность как раз в ту пору, когда ее ведущие «авторитеты» провозглашали «конец века идеологий».

Между тем идеологический характер всего этого бесчисленного множества теорий, выброшенных буржуазной наукой на поверхность общественной жизни, несомненен. Все они претендуют на теоретическое осмысление всеобщих процессов мирового развития. Все они так или иначе противопоставляют свои положения и выводы марксизму-ленинизму, то есть выступают как идеологические, партийные концепции.

И тем не менее их создатели единодушно отказываются признавать идеологический характер собственных творений. Как раз теоретики, чьи сочинения удостоились наибольших похвал как особо удачные «альтернативы» марксизму-ленинизму, выступили в роли ведущих глашатаев «дендеологизации». Р. Арон, один из отцов теории «индустриального общества», пишет специальную работу, где именует идеологию «опиумом интеллектуалов»⁶. Д. Белл, творец одного из наиболее нашумевших рецептов «постиндустриального общества», развивает свои мысли в книге под не менее выразительным заголовком — «Конец идеологии»⁷. Обе работы стали своего рода манифестами всей «дендеологизаторской» волны.

В чем причины такой, на первый взгляд, труднообъяснимой позиции? О некоторых из них уже говорилось. «Дендеологизация» — одно из направлений всеобщего кризиса буржуазной идеологии. Буржуазная наука, исходящая из традиционных представлений о главенствующей роли идей в мировой истории, к ужасу своему, убедилась в том, как одна за другой идут к банкротству «вечные» и «незыблемые» идеи буржуазного общественного порядка.

Это глубочайшее потрясение буржуазного сознания поднимало множество вопросов, в том числе и вопрос о пересмотре социальной роли идеологии, подталкивало на поиски спасения буржуазного порядка вещей на «неидеологических» путях. Теория не могла найти удовлетворительных ответов на «проклятые» для капитализма вопросы действительности. Так, может быть, поиск таких теоретических ответов не так уж и важен? Может быть, вообще можно обойтись без теории, без идеологических мудрствований?

Некоторые особенности социально-экономического развития на Западе в 50—60-х годах как будто давали почву для таких рассуждений. «Хозяйственный бум»

привел к колоссальному обогащению монополий и давал правящему классу возможность выделить часть сверхприбылей для удовлетворения некоторых требований трудящихся. Такая политика принесла частичные результаты. Забастовочная волна в ряде стран пошла на убыль. Развернувшаяся в это время научно-техническая революция, казалось, должна была превратить экономический подъем в постоянный «органический» процесс, придать капитализму «второе дыхание».

Трудности роста мирового социализма, неизбежные издержки и проблемы, связанные с приходом в революционное движение новых сотен миллионов людей, преподносились как свидетельство «упадка марксизма», а заодно использовались в качестве дополнительного «аргумента» в пользу «деидеологизации». Закономерно, что правые ревизионисты, например, действовавшие вокруг югославского журнала «Праксис», а также чехословацкие ревизионисты в конце 60-х годов в свою очередь не только слово в слово повторяли, но и старались «развивать» буржуазные взгляды о «конце идеологий», о том, что любая идеология есть не больше чем «ложное сознание» и пр.

В свете этих расчетов следует оценивать то направление поисков «теорий без идеологии», которое определилось в буржуазной социальной науке в 50—60-х годах. Многочисленные «индустриальные» и «постиндустриальные» концепции, разнившиеся между собой в тех или иных частностях, имели общую основу: все они старались свести к минимуму, если не к нулю, воздействие идеологического фактора на общественное развитие. Все они уповали на развитие техники и технологии как на единственную силу, способную будто бы автоматически решить не поддающиеся ни политическому, ни идеологическому решению антагонизмы буржуазного общества. Все они в ту пору были полны надежд на то, что научно-техническая революция открывает «путь спасения».

Ирония же сложившейся ситуации заключалась в том, что создатели теории «оптимистического капитализма» попытались положить в основание своих построений самую идеологическую из всех идей, задолго до них высказанную основоположниками научного социализма. К. Марксу и Ф. Энгельсу принадлежит открытие основного закона материалистического понимания исто-

рии о решающей роли производительных сил в общественном развитии. Теоретики «индустриализма» и «постиндустриализма» предприняли попытку приспособить великую идею к потребностям буржуазной теории.

В советской литературе проанализированы эти устремления в очередной раз фальсифицировать марксизм⁸. Здесь достаточно напомнить о том элементарном положении марксизма, что не производительные силы непосредственно, а характер производственных отношений, то есть прежде всего отношений собственности, определяет экономические законы, политическую и социальную структуру общества в каждую эпоху. Что касается производительных сил, то их развитие неумолимо ведет к перевороту в общественных отношениях, к замене узких рамок частной собственности общественным владением средствами производства.

Теоретики «оптимистического капитализма» игнорировали проблему производственных отношений как несущественную для понимания исторических процессов. Идея социального переворота, социалистической революции при таком подходе исчезала как «излишняя», «ненужная». Капитализм же объявлялся «естественным» порядком вещей, которому под влиянием развития техники суждено лишь «трансформироваться», оставаясь в том, что касается принципов, вечным и неизменным.

Псевдоматериалистический упор на технику как на единственную силу исторического движения дал авторам этих концепций возможность «избавиться» от идеологии как от несущественного фактора исторического процесса. Поскольку техника «все сделает сама», то в идеологии как ориентире в окружающем мире уже нет больше надобности. Ей остается разве лишь роль представителя каких-нибудь частных интересов отдельных социальных групп или даже отдельных личностей или еще более жалкая функция прибежища для иллюзий, заблуждений, предрассудков и т. п.

Спонтанное, стихийное развитие капитализма, и прежде всего буржуазная экономика, должно было совершить то, перед чем оказалась бессильной буржуазная теория: доказать жизнеспособность и непреложность буржуазного строя.

Отныне техника берет на себя функции, которые прежде отводились идеологии. Представитель «нео-

марксистской» Франкфуртской школы Ю. Хабермас так и озаглавил свою работу: «Техника и наука как „идеология“»⁹.

Он начинал с утверждения, будто еще с конца прошлого столетия в странах развитого капитализма обозначились и в наше время стали господствующими две тенденции. С одной стороны, это «рост государственного вмешательства с целью стабилизации системы», а с другой — «растущая независимость исследований и техники, сделавшая науку первой производительной силой». В результате действия этих тенденций марксистская идеология, фундаментом которой, в понимании Хабермаса, является свободный товарный обмен, якобы утратила свою силу. Ныне господствует «эрзацпрограмматика», цель которой — осуществление повседневных, текущих реформ государственного регулирования зарплаты, занятости, стабильности доходов и т. п. Речь идет, таким образом, о «решении технических вопросов», а оно не требует «идеологических публичных дискуссий». Наоборот, такая политика государственного вмешательства требует «деполитизации массы населения».

Но как будут реагировать на такое требование сами массы? Оказывается, они не только не окажут серьезного противодействия, но и сами проявят склонность к «деполитизации». В согласии с другим теоретиком Франкфуртской школы Г. Маркузе Хабермас считает: это случится потому, что «техника и наука берут на себя отныне функции и роль идеологии»¹⁰. «В то время как научно-технический прогресс становится независимым источником прибавочной стоимости, единственный ее источник, который принимался в расчет Марксом, — рабочая сила непосредственного производителя все больше теряет свое значение». А следовательно, «выявляется перспектива, при которой развитие общественной системы будет, по-видимому, определяться логикой научно-технического прогресса». И вообще, как полагает западногерманский буржуазный социолог А. Гелен, а вместе с ним и «неомарксист» Ю. Хабермас, «весь круг функций целенаправленного воздействия (т. е. управления общественными делами. — Авт.) будет шаг за шагом переходить от человеческого организма на уровень машин». Конечно, успокаивает читателя Хабермас, это «технократическое намерение нигде еще не осуще-

ствляется даже в начальной стадии», но оно тем не менее уже «служит в качестве идеологии».

«Технократическое сознание, — говорится далее, — с одной стороны, менее идеологично, чем все предшествующие идеологии... Но, с другой стороны, оно является сегодня доминирующей, хотя и стоящей в сознании людей где-то на заднем плане идеологией, которая делает науку фетишем, более неотразимым и всеобъемлющим, чем идеологии старого типа»¹¹.

Хабермас подводит свои рассуждения к логическому завершению: «В результате воздействия обеих названных тенденций капиталистическое общество изменилось в такой степени, что две ключевые категории механизма, а именно: классовая борьба и идеология, уже не могут более применяться при любых условиях... Государственно-регулируемый капитализм свертывает классовый конфликт». Классовые противоречия существуют отныне только в «латентном (скрытом, невидимом) состоянии».

Хабермас пытается как-то примирить нарисованную им идиллическую картину «бесконфликтной» классовой борьбы с реальной действительностью. Он вспоминает о расовых волнениях в США, вылившихся во «взрыв, подобный гражданской войне». Но, уверяет он, хотя это и конфликт, но не классовый конфликт, «так как дискриминируемые группы — это не социальные классы... Их бесправие и пауперизация, — поучительно наставляет он, — более уже не связывают с эксплуатацией, поскольку система существует не от их труда»¹².

Как видим, политический пафос Хабермаса устремлен в одном-единственном направлении. «Свертывание идеологий старого типа» означает для него устранение только одной идеологии — теории научного социализма. В идеологической сфере он видит единственного настоящего противника — идеологию марксизма.

Что же касается «опровержения» марксизма по существу, то оно и в данном случае не отличается ни новизной, ни убедительностью. Хабермас, подобно другим «неомарксистам», выступает в роли «имманентного» критика, то есть пытается атаковать научный социализм, так сказать, изнутри, выступая в качестве «дружественного» и «объективного» критика, в роли «наследника» и даже «продолжателя» Маркса.

Его аргументы свидетельствуют о вульгарном, искаженном понимании марксизма. Считать великое революционное учение пригодным лишь для либерально-буржуазной эпохи свободного товарного обмена значит оказаться на уровне самых заурядных представлений буржуазной мысли.

Остается удивляться поразительной несуразности рассуждений о научно-техническом прогрессе как о «независимом источнике прибавочной стоимости», в сравнении с которым «рабочая сила непосредственного производителя все больше теряет свое значение». Автоматизация, электроника, новые источники энергии и другие факторы научно-технического прогресса внесли колоссальные изменения в процесс капиталистического производства. Они оказывают огромное воздействие на массу и норму прибавочной стоимости. Все это — очевидные истины. Но они не меняют главного: вся техника, все средства научно-технического прогресса рождаются на свет в итоге действий «рабочей силы непосредственных производителей» и никак иначе. Рабочая сила, как и во времена Маркса, остается в капиталистическом мире единственным источником прибавочной стоимости. То, что в наше время большее количество материальных благ производится автоматами, без вмешательства физического труда рабочих, не меняет существа дела, потому что сами автоматы в конечном счете созданы «непосредственными производителями». Да и любой самый совершенный и полный автоматический процесс производства так или иначе требует применения рабочей силы для заправки, пуска, наладки, ремонта и т. д. Это обстоятельство прекрасно было известно уже более 100 лет назад, когда К. Маркс создавал «Капитал». Уже тогда он указывал на перевероты, которые капитализм принес в процесс производства, в частности на то, что при капитализме машины все в большей мере производятся с помощью машин без применения ручного труда.

Нелепо абсолютизировать науку и технику как независимые факторы социальной жизни и тем более приписывать им роль «новой идеологии». Как и прежде, идеология в наши дни не стоит над классами. Не было и нет нейтральной идеологии. Она — продукт и одна из форм классовой борьбы, которую западногерманский социолог столь самонадеянно признает существующей

отныне лишь в латентном состоянии. Расовые волнения в США были одним из ее бесчисленных проявлений. Это было движение угнетенных, задавленных эксплуатацией, бесправием и нуждой низов против власти, представляющей монополистические верхи, подлинных хозяев сегодняшней Америки.

Хабермас называет идеологией то («технократическое сознание»), что Д. Белл, З. Бжезинский пытались считать «неидеологией».

Взгляды Хабермаса целиком идут в русле рассуждений теоретиков «постиндустриализма» и «деидеологизации». Оригинально у него только то, что, добросовестно повторив их тезисы, он делает из них внешне противоположный вывод. То, что «постиндустриалисты» именуют «деидеологизацией», он объявляет... «новой идеологией». Круг замкнулся. «Деидеологизация» вернулась к идеологии. Хабермас отдает себе отчет в нелепости буржуазных представлений насчет возможности «обойтись без идеологии». Он понимает, что идеологию нельзя устранить заклинаниями, что ее нельзя упразднить, что она является неотъемлемым, органическим фактором общественной жизни. Хабермас невольно раскрывает смысл «деидеологизации» как формы идеологической борьбы, как уловки в этой борьбе со стороны буржуазии.

Но все остальные его построения ничуть не более состоятельны. «Технологическое мышление», или «технократическое сознание», которое возводится в ранг «новой идеологии», на самом деле — лишь еще один из бесчисленных вариантов существующей «старой идеологии» буржуа. Всеми своими корнями уходит оно в почву капиталистических отношений и нигде не покидает пределы буржуазного мышления.

Теоретические построения Хабермаса делают еще более зримой шаткость рассуждений насчет «деидеологизации», обнажают их подлинное назначение — сформулировать тактическую линию борьбы с социализмом. На деле «деидеологизация» ставила целью деполитизацию масс, обосновывала и поощряла их неучастие в действиях по изменению существующего порядка вещей.

Пропагандистская кампания вокруг «деидеологизации» должна была убедить общественность капиталистических государств в том, что неспособность буржуазной теории дать ответ на коренные вопросы внутрен-

ней и международной жизни не имеет в конце концов существенного значения, что развитие капиталистической экономики само по себе приведет к выходу из лабиринта противоречий и свершит, таким образом, то, что оказалось не под силу теоретическим прогнозам.

Насквозь идеологические собственные построения выдаются буржуазными теоретиками за «неидеологические». Взгляды, обращенные против идеологии, оказываются направленными против одной определенной идеологии. «Деидеологизация» ни в малейшей мере не препятствует произрастанию буржуазных концепций, которые давно уже привыкли прятаться за «неидеологическими», «нейтральными» вывесками. Весь ее пафос устремлен единственно против марксизма-ленинизма.

«Деидеологизация» никак не означала снижения активности идеологической борьбы против социалистических государств. Наоборот, разговорам о «конце идеологии» отводилось важное место в усилиях по дезориентации общественности стран социализма. Таким способом творцы «деидеологических» построений намеревались придать большую убедительность кампании о якобы неминуемой «конвергенции» социализма и капитализма в каком-то «гибридном» обществе, о необходимости отказа народов социалистических стран от марксизма-ленинизма и перехода на позиции «идеологического перемирия», а точнее — капитуляции перед идеологией капитализма. Интенсивность пропагандистских кампаний против реального социализма в эти годы не только не ослабевала, но непрерывно усиливалась. Туман «деидеологизации» прикрывал активизацию буржуазной идеологии, переход к более гибкой, утонченной тактике в борьбе против реального социализма.

Эта тактика выступила на авансцену в условиях экономического подъема в центрах развитого капитализма и сопровождавшего его оживления иллюзий о возможности «классового перемирия». Вместе с концом «бума» пошла на спад и волна «деидеологизации».

«РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» — ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ ДУХОВНОГО КРИЗИСА

На рубеже 70-х годов обозначился перелом в послевоенном развитии капиталистической экономики. Более чем 20-летнее поступательное развитие ее подходило к концу. О приближении поворотного пункта возвещали уже во второй половине 60-х годов валютно-финансовые потрясения, глубокие диспропорции в развитии отдельных стран, регионов, хозяйственных отраслей. Развернувшийся в 1974—1975 годах небывалый по глубине за последние 40 лет и охвативший в той или иной мере все центры мирового капитализма экономический кризис положил конец иллюзиям о его «неограниченном восходящем развитии».

Прогремевшая по Западу волна выступлений рабочего класса и студенчества, кульминацией которой стали события 1968 года во Франции, доказала тщетность расчетов на «классовый мир». Международные отношения также претерпевали обширные сдвиги. «Холодная война», спланированная для того, чтобы остановить и опрокинуть победоносно развивающийся социализм, выявила слабость империализма, его неспособность диктовать всем народам угодную ему линию поведения. Разрядка в отношениях с социалистическими странами ставилась в порядок дня. Вместе с нею рушились идеологические заграждения «холодной войны»: доктрины «массированного ядерного удара», «балансирования на грани войны», «отбрасывания коммунизма» и пр. В «третьем мире» разворачивались грандиозные процессы высвобождения народов от засилья монополий, одна за другой на путь социалистической ориентации вступали новые страны. Крушение политического, а вместе с ним идеологического курса империализма определилось по всем линиям.

Новый пересмотр его стал неизбежным. Одними из первых теорий, которые пришлось подвергнуть переоценке, стали теории «деидеологизации». «Кризис веры», обострившийся во всех слоях буржуазного общества, срочно требовал поисков «идейного цемента», способного скрепить это общество, сдержать процесс духовного распада.

Признание Западом принципа мирного сосуществования в качестве нормы международного права вело к повышению роли идеологического фактора, как и других невоенных средств, в международном классовом противоборстве с социализмом.

Установки на «деидеологизацию» в новой обстановке явно не срабатывали. Наоборот, они вносили дезориентацию в ряды самого буржуазного лагеря, который остро нуждался в достаточно определенном идеологическом курсе для ориентировки в новых, ухудшившихся условиях. Такой курс должен был учитывать настроения различных слоев общественности на Западе и в других странах.

Разрядка в международных отношениях вынудила правящие круги западных государств приподнять занавес дезинформации, расширила возможность более объективного ознакомления населения этих государств с положением в странах социализма. Развертывался широкий процесс «открытия» Советского Союза, всех братских социалистических государств, их опыта плановой экономики, развития науки, литературы и искусства, воспитания молодежи, охраны окружающей среды, здравоохранения, градостроительства, в решении многих других проблем. Это был имевший далеко идущие последствия процесс духовного прозрения миллионов людей, процесс переоценки буржуазных ценностей. Он вынуждал правящие верхи капитализма к лихорадочным поискам контрмер, идеологического ответа на происходивший процесс полевения масс.

Одно из направлений таких поисков вскоре определилось. В литературе оно в противовес «деидеологизации» стало обозначаться как «реидеологизация». Резкое ухудшение положения капиталистического мира требовало, с точки зрения правящего класса, решительного усиления идеологического контроля над массами. Нужен был более целостный идеолого-политический курс, способный предотвратить нарастание опаснейшего духовного брожения во всех слоях буржуазного общества. Установки на «деидеологизацию» с их демонстративным пренебрежением к мировоззренческим вопросам, проповедями неограниченного идейного плюрализма плохо отвечали новым задачам. Несколькими годами позже известный американский ученый-лингвист Хомский так оценивал сложившуюся к началу 70-х годов

идеологическую ситуацию: «В течение 60-х годов контроль над населением, прежде всего в Соединенных Штатах, сильно ослабел: дело дошло до массовых политических движений, идеологически вышедших из-под контроля государства и отказавших ему в повиновении, которое еще незадолго перед этим даже не ставилось под вопрос. Так возник очень серьезный кризис, который необходимо было во что бы то ни стало преодолеть. Правительства (главных стран капитализма. — Авт.) были вынуждены принять все меры для того, чтобы вернуть население своих стран в прежнее состояние пассивности и послушания, если они хотели и дальше агрессивно и энергично следовать капиталистической перспективе развития»¹. Хомский добавляет, что «лучшее средство создания послушной и пассивной общест-венности состоит в том, чтобы вновь пробудить впечатление, будто Соединенные Штаты являются поборником прав человека»².

Итак, правящим верхам на Западе пришлось при-знать провал попыток уклониться, уйти от обсуждения коренных идеологических проблем. Пришлось заняться публичной переоценкой роли этих вопросов в современ-ном мире, подчеркивать их непреходящее значение. Пришлось подвергнуть критике представления о «конце идеологий», как абсурдные. Но главное — и это как раз и было самым трудным — пришлось призывать к разра-ботке собственных идеологических концепций, дающих ответ на возникшую ситуацию. Откровенно заявлялось о необходимости найти буржуазную альтернативу марксистско-ленинскому подходу к решению коренных проблем нового времени.

Отсутствие такой альтернативы, «духовная нищета», особенно ощутимая в условиях экономического кризи-са, усиливали настроения пессимизма даже на самых высоких уровнях правящей иерархии. Государственный секретарь США Г. Киссинджер, например, не скрывал собственных мрачных предчувствий в телеинтервью, переданном компанией Эн-би-си 6 мая 1975 г. «Утвер-ждают, — спрашивал его без обиняков обозреватель телекомпании, — что вы настроены сугубо пессимисти-чески в отношении того, что вы считаете деградацией и эрозией свободного мира. Правда ли, что у вас дей-ствительно такое ощущение?». «Говоря по совести, — признался Киссинджер, — это отчасти так... Если по-

смотреть, что происходит во всем мире, увидишь, что во многих странах крепнут позиции марксистской идеологии, идущей вразрез с нашими идеалами...» «...Придет ли это и к нам? Дойдут ли они до нас?» — продолжал допытываться обозреватель. «Произойдет ли это? — переспросил Киссинджер. — Соединенные Штаты не могут быть больше неким островом в этом мире... Я склонен считать, что интеллектуальные и философские течения в мире так или иначе отразятся на Соединенных Штатах». «Я не думаю, что мы становимся на позицию социализма здесь, в Америке, — успокаивал Киссинджер встревоженного обозревателя. — Но в Америке произошел довольно острый раскол; прежде это было в основном из-за Вьетнама, но на самом деле Вьетнам — это только символ раскола...»

Действительно, грязная война во Вьетнаме обнажила уже давно существовавшие противоречия американского общества. Она и довела этот клубок противоречий до точки кипения, она возбудила такой взрыв общественного негодования, что стала для господствующих верхов подлинным кошмаром. «Нью-Йорк таймс» писала в те дни: «Когда в школе мы изучали 30-летнюю войну, ее причины и происхождение казались выше нашего понимания. Так долго вести войну, разрушать центр Европы из-за религиозных соображений и вражды между династиями — это казалось каким-то безумством XVII века. И вот теперь, в конце XX века, мы заканчиваем почти 30-летнюю войну. Именно столько времени сражались вьетнамцы. Вина за эту войну и за чудовищные страдания, которые она принесла, в значительной мере ложится на Соединенные Штаты. Смогут ли в будущем школьники понять ее? Можем ли мы сами понять ее?»³.

Соединенным Штатам пришлось с позором убраться из Вьетнама и пережить самое крупное военное поражение за всю 200-летнюю историю своего существования. Война вызвала потрясение, оставившее неизгладимый след в общественном сознании американского народа.

Духовный разброд и смятение неудержимой волной распространялись по всему буржуазному миру. Тот же Киссинджер заявлял в интервью журналу «Бизнес уик»: «Политическая проблема состоит в том, что весь западный мир, за исключением, может быть, Соединенных

Штатов, страдает политическим недугом, чувством неуверенности, отсутствием целенаправленности. Это отражается и на экономическом положении, поскольку означает, что у нас нет определенных надежд на будущее, и поэтому снижается наша готовность идти на риск»⁴.

Оговорка госсекретаря США насчет «исключения» для Соединенных Штатов так явственно отдает казенным оптимизмом или, вернее сказать, казенным лицемерием, что ее не стоит принимать всерьез. Достаточно сравнить ее с приведенным выше телеинтервью того же Киссинджера, сделанным всего четыре месяца спустя. Куда более многозначительным выглядит его замечание о том, что экономические и политические недуги уменьшают готовность США «идти на риск». Руководитель внешнеполитического ведомства не скрывает сожаления по поводу того, что неблагоприятная обстановка уменьшает возможность для новых авантур, подобных интервенции во Вьетнаме.

На вопрос корреспондента «Бизнес уик», не приведут ли экономические затруднения Запада к политическим осложнениям, Киссинджер, не колеблясь, отвечает: «Безусловно... По мере роста числа голосов, которые отдают коммунистам, гибкость политической системы (капитализма. — Авт.) уменьшается. Поэтому экономический упадок в Европе имел бы самые серьезные политические последствия»⁵.

О том, как глубоко укоренились настроения пессимизма в Западной Европе, свидетельствует лаконичная характеристика положения, данная канцлером ФРГ Г. Шмидтом: «Сейчас нет великих людей, способных расшевелить других, и нет великой движущей идеи»⁶.

Неотложная необходимость «движущих идей» как средства спасения от обрушившегося со всех сторон кризиса стала очевидной. Не хватало лишь самих «идей». Но одна, великая идея в начале 70-х годов была найдена и, казалось, получила не только мощную общественную поддержку, но и официальное признание. Это была идея разрядки. Родилась она не в недрах правительственных кабинетов и не из-под пера буржуазных теоретиков. Ее инициаторами стали социалистические государства. В их предложениях по укреплению мира эта идея приобрела конкретное содержание. Отвечавшая самым глубоким чаяниям народов, она стала

огромной силой. К ее принятию вела логика международных политических и хозяйственных отношений, военно-стратегического соотношения сил.

Провал «холодной войны» был признан и наиболее влиятельными группировками крупного капитала. Рубеж 60—70-х годов ознаменовался подписанием крупных соглашений, укреплявших международную безопасность. Разрядка создала новый психологический климат в мире, открыла дорогу для еще более обширных действий по укреплению доверия между народами.

Однако чем дальше продвигался процесс разрядки, тем больше препятствий встречала она со стороны империалистических сил. С согласием на разрядку там связывали далеко идущие собственные цели, имевшие мало общего с интересами укрепления мира. В Вашингтоне и других западных столицах открыто говорилось о том, что и в условиях разрядки там настроены продолжать борьбу против социализма «мирными» средствами и требовать от социалистических государств некоей «платы» за разрядку.

Потребностями борьбы против прогрессивных сил определялся характер «идеологического перевооружения» официальной политики и средств массовой информации на Западе. Прежде всего был поднят на щит тезис о «сохранении социального статус-кво», как якобы основополагающем условии разрядки. Речь шла о том, чтобы закрепить и увековечить позиции монополистического капитала в тех районах национально-освободительного движения, которые монополиям угодно было считать сферой своего влияния.

Идеологическим прикрытием этого замысла должна была стать тема «советской угрозы», которая и до этого не сходила со страниц буржуазной прессы, а теперь все более массированно выдвинулась на передний план. Ей отводилась роль краеугольной идеи. Она должна была сплотить буржуазный лагерь. Подогревание враждебных чувств к Советскому Союзу должно было стать идеологическим барьером на пути проникновения идей социализма в умы населения несоциалистической части мира, оправданием гонки вооружений. Была развернута яростная кампания, дабы внушить международной общественности, будто солидарность социалистических народов с антифашистской революцией в Португалии, с народами Анголы, Мозамбика, Эфиопии и других

стран является нарушением «духа Хельсинки» и несовместима с разрядкой напряженности. В то же время руководящие деятели США и их союзники по НАТО не скупилась на заявления, в которых фактически стремились добиться от Советского Союза и его друзей признания за империалистами «свободы рук» для расправы с прогрессивными силами в освободившихся странах. Дело доходило до прямых угроз покончить с разрядкой, если Советский Союз и другие страны социализма не откажутся от помощи народам, отстаивающим свободу и независимость.

Но разве есть такие силы, которые могли бы заставить трудящихся Запада отказаться от борьбы против фашистских диктатур, против буржуазной эксплуатации, а развивающиеся государства — прекратить борьбу против империализма за право стать хозяевами своей судьбы и своих природных богатств? Не выдуманная «советская угроза», а логика исторического развития ведет к поражению империализма. Разрядка касается международных отношений. Она не может отменить законы классовой борьбы.

Требования «платы» за разрядку не ограничивались претензиями на хозяйничанье в развивающихся странах. Одновременно формулировались и «теоретически» обосновывались притязания, означающие не что иное, как посягательство на суверенные права социалистических народов.

Именно таковы обращенные к социалистическим государствам требования «идеологических уступок» в качестве цены за расширение экономических связей с Западом. Особенно активно в ходе подготовки совещания в Хельсинки развернулись дискуссии о весьма специфической форме «свободного обмена идеями, людьми, информацией». Те самые органы печати, которые совсем недавно ратовали за продолжение «холодной войны» и встречали в штыки предложения о расширении культурных, научных контактов, развернули крикливую кампанию за «свободу информации». Владея прессой, информационными агентствами, радиовещанием, телевидением, кино и другими каналами информации, буржуазные правительства и крупнейшие монополии хотели бы получить свободу для антисоциалистической пропаганды на территории Советского Союза и братских государств.

Социалистические страны выступают за самый широкий обмен культурными и научными ценностями. Советский Союз, например, издает произведений зарубежной научной и художественной литературы значительно больше, чем любое капиталистическое государство. В кинотеатрах, по телевидению и радио нашей страны демонстрируется, передается намного больше фильмов, программ из западных стран и по произведениям западных авторов, чем советских фильмов и программ по каналам информации любой из капиталистических стран. Советские средства массовой информации ежедневно дают огромное количество материалов о жизни народов мира, о проблемах международных отношений. На этой основе формируется глубокий интерес всего советского населения к вопросам мировой политики, экономики, культуры. Таков курс всех стран социалистического содружества.

Но обмен информацией и вообще культурный обмен должен проводиться в жизнь при соблюдении основных принципов равноправных международных отношений — при условии уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга. Именно так было решено в Хельсинки. Двери социалистических государств раскрыты для всех, кто едет туда с чувствами дружбы и мира, но не для продавцов ядовитого «идеологического товара», начиненного семенами враждебности к нашему строю, к его культуре, к моральным принципам и нормам социалистического общества. Обмен информацией должен расширяться и углубляться, но он должен служить взаимопониманию и доверию между народами.

Дальновидные буржуазные деятели понимали, что одного только «негативного антикоммунизма», то есть отрицания социализма, проповедей тотальной враждебности к Советскому Союзу, недостаточно для «идеологического перевооружения». Постулаты вроде «сохранения социального статус-кво» были реакционны в такой же мере, как и утопичны. «Подрыв нашего господствующего положения в экономике, — признавал, выступая в университете штата Юта 12 декабря 1978 г., влиятельный американский сенатор Ф. Черч, — на мой взгляд, прямо и непосредственно связан с наблюдаемым со времен второй мировой войны односторонним сосредоточением внимания на нашей глобальной борь-

бе с Советским Союзом. Затяжная холодная война в такой мере поглощала нашу энергию и наше внимание, что мы не заметили подспудного сдвига в соотношении экономических сил в мире... Поскольку наша борьба против СССР носит еще и идеологический характер, мы сочли необходимым тратить дополнительные миллиарды на помощь иностранным государствам — как предполагалось, для того, чтобы их правительства оставались проамериканскими. С 1946 года мы потратили на подобную помощь, предоставленную 145 иностранным правительствам, примерно 200 миллиардов долларов». Однако, признает Черч, огромная часть этих средств ушла на «бесплодные попытки укреплять антикоммунистические правительства, которые были слишком репрессивны и слишком продажны, чтобы удержаться у власти». Черч признал необходимым «кардинальное изменение общего курса» американской политики.

В том же духе, хотя и под другим углом зрения, высказывался один из самых влиятельных политиков ХДС, заместитель председателя этой партии К. Биденкопф. «Не исключено, — не скрывал он тревоги, — что население (ФРГ. — Авт.) все больше будет свыкаться с современной восточной политикой (правительства социал-демократов и свободных демократов. — Авт.), ее зримыми возможностями и с отношением к Советскому Союзу. Это приведет к тому, что каждая попытка со стороны союза (ХДС/ХСС. — Авт.) изменить их политику будет расцениваться как опасная»⁷. Биденкопф приходил к выводу, что у ХДС нет необходимой сейчас программы действий: «Партия в значительной степени ушла от формулирования собственных ответов на новые вопросы, которые ставит современное развитие»⁸.

Биденкопф, таким образом, так же как сенатор Черч, признает, что ключевая проблема идеологической борьбы, вставшая в очередной раз перед капиталистическим миром на рубеже 70-х годов, осталась нерешенной. Убедительных, «конструктивных» идеологических программ не оказалось. Между тем их поиском заняты бесчисленные «мозговые центры», политические организации, самые высокие сферы буржуазного общества. Одни из них предлагают очередные варианты «реформированного» капитализма, другие ищут новые рецепты «конвергенции», третьи рассуждают о том, как приспособить «христианские ценности» к становящемуся все

более атеистическим современному миру. Интенсивность поисков велика, как никогда, а результат их скуден.

Приведем еще один образчик таких поисков, относящихся к сфере международных отношений. Выше уже говорилось о том, как в конце 60-х годов Бжезинский убеждал руководителей средств массовой информации США в том, что роль идеологического фактора в международных отношениях якобы сокращается. Прошло не так много времени, и стало очевидно, сколь поспешными и неосмотрительными оказались его суждения. Это явствует, например, из опубликованной в 1976 году журналом «Форин афферс» статьи Б. Меннинга, президента совета международных отношений, одного из самых влиятельных «мозговых центров» по разработке внешней политики США⁹. В совете сотрудничают видные ученые и дипломаты. В качестве одного из самых активных деятелей там подвизался и З. Бжезинский.

Поводом для статьи Меннинга, по заявлению самого же автора, послужило всеобщее мнение, что «американская нация утратила чувство своих национальных и идеологических целей»¹⁰. Но ведь как раз такой «утрате чувства» старался посылить содействовать и Бжезинский, уговаривая американцев «не предаваться идеологии».

Меннинг смотрит на вещи более реально. Он вспоминает времена 50—60-х годов, когда «вскоре после того, как выкристаллизовались очертания холодной войны, господствующим фактором во внешней политике США начал становиться антикоммунизм и глобальное противопоставление Советскому Союзу». Одной фразой Меннинг дает откровенную характеристику сущности американской внешней политики.

Однако теперь, должен констатировать Меннинг, обстановка изменилась. «Холодная война — по крайней мере в ее первоначальной форме, — предусмотрительно добавляет он, — отходит в прошлое». И к тому же «значительно уменьшилась относительная моральная, политическая и экономическая сила США». Страх американцев перед «коммунистической угрозой», усердно подстегиваемый правительством и органами пропаганды во время «холодной войны», стал уступать место пониманию того простого факта, что у США нет возможности «изменить мир сообразно их собственным представлениям»¹¹.

В сложившейся обстановке, приходит к заключению Меннинг, реальные внешнеполитические проблемы США не сводятся к «обыкновенной политике», то есть к прагматическому урегулированию повседневных вопросов. Жизнь выдвигает ряд дополнительных проблем, которые относятся к ожидаемым результатам, управлению и тактике, ценностям, приоритетам и т. д., то есть содержат, как он говорит, «идеологический компонент». Меннинг полагает, что лишь XX век внес в международные отношения «новый элемент» — «идеологическую борьбу за справедливые принципы», к которым относятся «экономическое распределение между членами общества» и «правильные отношения между индивидом и коллективом (государством)». Нетрудно видеть что речь идет о принципах социализма и капитализма и об идеологической борьбе, ведущей начало от Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года в России.

И другие главные вопросы международной деятельности США, такие как политика в отношении развивающихся государств, охрана окружающей среды, использование космоса и океана, отношение к создаваемым многосторонним международным органам, имеют, отмечает Меннинг, «идеологическое содержание». Основной вопрос, по его убеждению, состоит не в том, чтобы включить некоторые идеологические компоненты во внешнюю политику, а в том, чтобы эти идеологические компоненты были значительно увеличены или даже превратились в доминирующие.

Но какие именно «идеологические компоненты» следует положить в основу американской внешней политики для того, чтобы она была успешной? И вот на этот коренной вопрос Меннинг не находит убедительного ответа. Он отдает себе отчет в том, что «идеологические компоненты» во внешней политике США лишь в том случае могут быть устойчивыми, если они имеют за собой поддержку американской общественности. Но «в современных условиях совсем не ясно, какие идеологические требования могут получить согласие со стороны американского общества и зажечь моральный крестовый поход», ибо «атмосфера в стране после Вьетнама» такова, что «сегодня всякие усилия с целью начала новой идеологической атаки разделяют, а не объединят американский народ».

Меннинг не находит ничего другого, кроме того, чтобы предложить вернуться к «традиционным» американским ценностям, в первую очередь к идеям «свободной рыночной экономики» и «индивидуальной свободы»¹².

Но что означает возврат к идеям «свободной рыночной экономики»: отказ от государственного вмешательства в хозяйственное регулирование, или, иными словами, отказ от государственно-монополистического капитализма? Охотников порассуждать на эту тему в последние годы на Западе немало. Их можно понять: государственно-монополистическое регулирование не только не предотвратило, но в немалой мере усугубило экономические беды. Однако возврат капитализма в XIX век — это еще одна иллюзия из числа тех, которые в таком большом числе производит на свет буржуазное сознание. Это понимают в капиталистическом лагере. Словно отвечая единомышленникам Меннинга, журнал «Тайм» писал в апреле 1980 года, не скрывая сарказма: «Хотя предприниматели продолжают превозносить достоинства свободного предпринимательства в послеобеденных речах, американские капиталисты нередко оказываются в рядах самых опасных противников капиталистической системы. Вместо того чтобы неукоснительно придерживаться принципа опоры на рыночные силы и конкуренцию, многие из них с тоской устремляют свой взор к обществам, прежде всего к Японии, где правительство регулярно вмешивается, чтобы организовать производство, субсидировать или иным способом облегчить его. Эти «приверженцы принципа свободного предпринимательства» в США требуют, чтобы наше правительство оградил сбыт их продукции от иностранных или даже от внутренних конкурентов, резко возражают против любых мер, ведущих к отмене всевозможной регламентации, когда эти предложения ограждают протекционистскими барьерами их собственный бизнес, и настойчиво добиваются всевозможных субсидий от федеральных или местных властей»¹³.

Следует отдать должное этой оценке: она метко характеризует никчемность мечтаний нынешних буржуа, разглагольствующих о «золотом веке» свободного предпринимательства, но ищущих спасения под прикрытием государства всякий раз, как только из мира грез приходится вступать в реальную действительность.

Что же касается «индивидуальной свободы», то, как известно, именно эта идея была избрана президентом Картером в качестве главной линии идеологической атаки империализма против социалистических стран. Спланированная на самом высоком правительственном уровне и скоординированная с деятельностью пропагандистских ведомств и спецслужб других стран Запада, кампания вокруг «прав человека» преследовала далеко идущие цели. С одной стороны, она должна была вернуть США утраченную инициативу в идеологической борьбе, подорвать авторитет социализма среди общественности капиталистических стран, укрепить идейно-политические позиции капитализма в собственном лагере. С другой стороны, шумиха о «правах человека» была задумана как диверсия против социалистических государств. Открыто заявлялось, что цель кампании — вызвать «постепенные перемены» в социалистическом обществе, ведущие к перерождению социалистического строя.

Кампания по «правам человека» была очередной попыткой справиться с хроническим идейным кризисом, поразившим буржуазное общество. Об этом поведал не кто иной, как Бжезинский, еще недавно восхвалявший достоинства «деидеологизации». Теперь в его речах звучали совсем другие ноты. Будучи первым советником президента, Бжезинский из всех задач, стоящих перед правительством Картера, выдвигал на первое место проблему «преодоления духовного кризиса в США»¹⁴. В качестве поборника «реидеологизации» Бжезинский принял первостепенное участие в кампании по «правам человека». Небезынтересно его собственное объяснение причин подоплеки этой кампании. В статье, опубликованной английским журналом еще в 1976 году¹⁵, он писал, что мировые сдвиги в пользу сил, противостоящих капитализму, укоренение «идеи равенства» среди народов привели к опасности беспрецедентной в истории Америки «философской изоляции» ее от остального мира. Наступившая идеологическая и политическая изоляция США грозила превратиться в изоляцию экономическую и социальную, то есть стать всеобщей и полной.

Выход из «философской изоляции», то есть восстановление Соединенными Штатами утраченных идеологических позиций, приобретал, таким образом, жизнен-

но важное значение. Вот здесь-то Бжезинский и пришел к «наиболее важному» заключению, что общественность как США, так и за пределами США с готовностью поддержит усилия, направленные на борьбу за «права человека». Этот лозунг в собственном истолковании в Вашингтоне вознамерились поднять в качестве своего рода идейного знамени, дабы увлечь международную общественность в желательном направлении, то есть подальше от социализма. «Моральный» капитализм, основанный, как уверяли, на «законности» и «индивидуальной свободе», противопоставляется «аморальному» коммунизму, якобы попирающему права человека.

В своем практическом воплощении кампания по «правам человека», прикрывавшая империалистическое вмешательство во внутренние дела других стран, оказалась бумерангом, обернувшимся против ее инициаторов. Действительность на каждом шагу обличала лицемерие империалистической пропаганды. Кровавый террор в Чили, Южной Корее и Сальвадоре, развязанный при открытой поддержке США, расовые бунты в самих США, «запрет на профессии» в ФРГ, драма Ольстера в Великобритании, массовая безработица во всех развитых капиталистических странах, лишившая миллионы людей элементарного права — права на труд, на обеспечение своего существования, — эти и множество других событий стали суровой политической школой для всех честных людей, раскрыли подлинное положение с «правами человека» в «свободном мире».

«Свобода личности» была лозунгом буржуазных революций той поры, когда рождались Соединенные Штаты. Тогда с ней связывались надежды на избавление от феодальных оков, от английского владычества. Это время ушло. С тех пор как в США воцарился буржуазный строй, «индивидуальная свобода» в буржуазном понимании выражается прежде всего в неограниченном праве частной собственности. Все другие «права» и «свободы» действительны только в той мере, в какой они не противоречат этой главной «свободе». А «свобода собственности» предполагает экономическое и социальное неравенство, она отрицает индивидуальную свободу для подавляющего большинства людей и означает их зависимость от меньшинства, владеющего богатствами страны.

Возврат к подлинной индивидуальной свободе означает в наше время отказ от капитализма. Ни о чем подобном Меннинг, Бжезинский и их единомышленники, естественно, не помышляют. Но тогда повисают в воздухе их поиски «идеологической опоры» для американской политики.

Буржуазные деятели наших дней охотно афишируют себя в качестве либералов даже тогда, когда стоят на откровенно консервативных позициях. Либеральная вывеска доктрины «прав человека» маскирует их подлинные взгляды. Сдвиг влево в сознании общественности Запада вынуждает монополистические круги к маневрам под либеральным и даже «демократическим» флагом.

Вместе с тем нельзя не видеть, что вторая половина 70-х годов с ухудшением общего положения капитализма привела к поправлению буржуазной идеологии, к новой активизации антикоммунизма и антисоветизма. Волна «реидеологизации» оживила концепции откровенно консервативного и крайне правого толка. В первую очередь следует назвать здесь широкое и рыхлое течение, получившее на Западе наименование «неоконсерватизма», не имеющее цельной системы взглядов, но тем не менее отражающее тенденцию к консолидации реакционных сил. В рядах течения подвизаются и ультраправые, и «традиционные» консерваторы. Характерно, что идеологическое обновление консерватизма активно осуществляется недавними либералами вроде Д. Белла или С. Липсета, отрекающимися от либеральных иллюзий.

Смысл своей идеологической программы «неоконсерваторы» видят в том, чтобы попытаться соединить «индустриальный» капитализм с якобы утраченными ценностями прошлого. Пафос «неоконсерваторов» обращен к «потерянному раю» раннего периода свободного предпринимательства. Некоторые из них рассуждают даже о «возврате к началу человеческой истории». «Неоконсерваторы» рьяно защищают «коренные общественные устои»: собственность, порядок, авторитет и т. п. Одни из них отрицают любые формы общественных преобразований. Другие выступают в роли адвокатов либерально-правовых принципов: конституции, права, свободы. «Неоконсерваторы» не скрывают пессимизма в оценке человеческой природы, презрения к

массам, к плебсу, и восхваляют сильную власть, основанную на иерархическом делении общества во главе с технократической элитой. Неотъемлемыми чертами «неоконсерватизма» являются враждебность к социализму, антикоммунизм, широко распространенный национализм и завуалированный или даже откровенный расизм.

«Реидеологизаторские» варианты либерализма и «неоконсерватизма» будут подробнее рассмотрены в последующих главах. Здесь хотелось бы обратить внимание на «реидеологизаторские» маневры социал-демократических партий. Повторяя зигзаги буржуазной идейной моды, они тоже включились в этот процесс. Обстановка и их вынуждает к пересмотру ряда прежних идейных позиций. «Нам нужна идея...»¹⁶ — взывал уже в 1969 году центральный орган западногерманских социал-демократов. Ему вторила социал-демократическая пресса других стран.

Если в 50—60-х годах реформистские лидеры не уставали повторять, что их партии навсегда «освободились от идеологии» во имя «реализма», то уже в конце 60-х годов председатель социалистической партии Австрии Б. Крайский заявлял во всеуслышание, что социал-демократы «снова должны были бы начать разговор об идеологической надстройке»¹⁷.

«Идеологический нейтралитет», провозглашенный социал-демократией после второй мировой войны, имел вполне определенную направленность. Он означал официальный разрыв с марксизмом, но происходил под флагом «освобождения» социал-демократии от всякой идеологии вообще как от ненужного балласта, якобы мешающего сосредоточиться на единственно достойной и важной задаче — политике частичных реформ, определяемой от случая к случаю в зависимости от капризов социальной конъюнктуры.

«Мировоззренческий нейтралитет» явился очередной ступенью в процессе превращения правой социал-демократии в важнейшую идейную и политическую опору буржуазии внутри рабочего класса. Провозглашение этого курса, конечно, не вело к освобождению социал-демократии от идеологии. Оно лишь «освобождало» ее от марксизма и завершало ее переход на позиции идеологии мелкобуржуазной.

«Реидеологизация», о которой заговорили социал-демократические лидеры на рубеже 70-х годов, не была возвратом на путь решительной борьбы с капитализмом. Она шла в том же основном направлении и была порождена в результате тех же причин, которые вели и буржуазную мысль к пересмотру прежних духовных концепций. События 70-х годов ускорили развенчание социал-демократических мифов о возможности обеспечить буржуазному обществу бескризисное развитие на основе «классового партнерства». Полевение тех слоев рабочего класса, а также мелкобуржуазных и примыкающих к ним средних слоев города, которые образуют массовую базу социал-демократии, углубляло и расширяло процессы политической и идеологической дифференциации в социал-демократических партиях. Все это не могло не вызывать тревоги в верхах этих партий.

Считаясь с ростом антикапиталистических настроений в собственных рядах, руководители социал-демократических партий проявляют определенный реализм в вопросе о сохранении разрядки и расширении деловых связей с социалистическими государствами. Социалистический интернационал стал выступать с заявлениями о поддержке некоторых национально-освободительных движений. Однако эта поддержка носит преимущественно словесный характер.

Что же касается внутривнутриполитической области, то усилия социал-демократических руководителей не шли дальше «модернизации» давно известных положений «демократического» социализма — мелкобуржуазного варианта «усовершенствованного», «облагороженного» капитализма. Словесный акцент здесь в большей мере, чем раньше, делается теперь на слове «социализм», но предлагаемые реформы нигде, ни в одном вопросе не затрагивают основ капиталистического порядка.

В ряде социалистических партий получили более определенное организационное и теоретическое оформление «левые» течения, связывающие так или иначе реформистский путь к социализму с классовой борьбой против буржуазии, выступающие против «социального партнерства» рабочих и предпринимателей, в той или иной степени тяготеющие к марксизму.

При всех этих изменениях, которые, очевидно, будут крепнуть, социал-демократические партии в основных вопросах остаются ныне в русле буржуазной политики.

Наметившийся в конце 70-х годов отход влиятельных буржуазных кругов от курса на разрядку, попытки вернуть мир на дорогу «холодной войны» не замедлили сказаться на политике социал-демократических партий, ослаблении их контактов с коммунистическими партиями, усилении антикоммунистических, антисоветских выпадов.

Поставленная на рубеже прошлого десятилетия цель «реидеологизации» социал-демократического курса по-прежнему далека от осуществления. Жалобы на отсутствие «вдохновляющих идей» повторялись и в конце 70-х годов столь же часто, как и в начале десятилетия.

В 1971 году Ганс Яничек, бывший в ту пору генеральным секретарем Социалистического интернационала, не скрывая горечи, признавал: «Не будет преувеличением сказать, что социал-демократические партии Европы пережили за два последних десятилетия идеологический кризис». Социал-демократические политики, отмечал Яничек, после «отказа» от марксизма оказались не в состоянии развить какие-либо «зажигающие» политические идеи. Вместо этого «развилась своего рода оборонительная идеология, которая больше упирает на то, чем социал-демократия не является, чем на то, что она собой в действительности представляет». Яничек призывал к созданию более эффективной «новой идеологии»¹⁸.

Однако в конце десятилетия преемник Яничека на посту генерального секретаря Социалистического интернационала Берндт Карлссон смог зафиксировать все тот же итог: «Социал-демократическое мировоззрение в значительной мере зашло в тупик»¹⁹.

Иначе не могло быть. Реформистская идеология обречена на пребывание в тупике, поскольку она не решается преступить границы буржуазных отношений. По тем же причинам обречена на безысходный кризис вся буржуазная идеология. Никакая «реидеологизация» здесь не поможет. Красноречиво свидетельствовал об этом не кто иной, как нынешний экс-президент США Картер. Выступая в июле 1979 года по телевидению и обращаясь к американскому народу, он говорил: «Подлинные проблемы нашей страны гораздо глубже, чем очереди за бензином или нехватка энергии, глубже, чем даже инфляция или спад». Суть этих проблем, продолжал президент, — «кризис доверия, кризис, который по-

ражает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли», что, по его словам, является серьезной угрозой для американского образа жизни.

«Симптомы этого кризиса, — констатировал Картер, — проявляются повсюду вокруг нас. — Большинство нашего народа полагает, что следующие пять лет будут хуже, чем последние пять лет. Две трети нашего населения даже не участвуют в выборах. Производительность труда американских рабочих сокращается. Растет неуважение к правительству, церкви, школам, средствам информации и другим институтам».

Последующие слова звучали как крик отчаяния: «Федеральное правительство находится в изоляции от основного потока жизни нашей страны. Вашингтон превратился в остров. Разрыв между нашими гражданами и нашим правительством никогда не был таким большим. Мы видим, как конгресс раздирается на части во всех направлениях сотнями влиятельных и богатых группировок, преследующих свои интересы. Нередко мы наблюдаем полное бездействие, застой и скатывание по наклонной плоскости»²⁰. Поистине трудно представить себе большее саморазоблачение, показывающее всю глубину духовного брожения и распада в главном центре буржуазного мира.

Наступивший на рубеже 70—80-х годов открытый поворот в политике США в сторону возврата к «холодной войне» необходимо рассматривать в связи и с этими процессами обострения идеологических антагонизмов внутри американского общества.

Наиболее реакционные группы монополистического капитала видят выход в раздувании страха перед «внешней угрозой». Нагнетая напряженность, США раскручивают спираль гонки вооружений, отказываются от выполнения ряда договоренностей и соглашений с СССР, сокращают торговлю и другие деловые связи с ним.

Потребность в более эффективных идеологических средствах упрочения государственно-монополистического строя, необходимость «реидеологизации» американской внешней и внутренней политики в этих условиях становятся еще более неотложными. О том свидетельствует новый взрыв яростной антисоветской кампании, которая на рубеже 70—80-х годов затопила эфир, всю буржуазную прессу, все каналы информации. Об этом

говорят и неумолкающие призывы к «идеологическому обновлению» капитализма. О том, какую остроту и неотложность приобретает эта задача, свидетельствует, например, заявление П. Кэддела, руководителя службы по изучению общественного мнения США: «Что нам нужно, так это не латание старой, а создание новой идеологии. К сожалению, четко сформулировать такую идеологию превыше интеллектуальных сил вашего покорного слуги. Нам нужен новый синтез идей. Говоря языком философии познания, нам отчаянно нужна идеологическая «парадигма» (т. е. концептуальная схема. — Авт.) на смену „модели капитализма свободного предпринимательства“»²¹.

Заявление, надо признать, столь же знаменательное, сколь и бесполезное. Знаменательно оно в том отношении, что в высших эшелонах власти признается историческая несостоятельность «свободного предпринимательства», невозможность жить дальше, следуя его принципам и представлениям. Бесполезно же оно потому, что никакой другой «парадигмы», кроме «парадигмы капитализма», ни Кэддел, ни его единомышленники и хозяева изобрести не в состоянии. Новая идеология, принципиально иная «парадигма», чем «свободное предпринимательство», давно существует, развивается и крепнет. Это идеология социализма. Но как раз ее меньше всего принимают Кэддел и его покровители. По этой причине обречена на бесплодие в решении коренных социальных проблем и буржуазная наука.

ГЛАВА III

«РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» И БУРЖУАЗНАЯ НАУКА

«Реидеологизация» означала признание кризиса буржуазной социальной науки. Банкротство основных ее отраслей, философских, социологических, экономических течений и школ констатировалось теперь представителями самой высокой официальной элиты, равно как авторитетами ученого мира.

Следствием и вместе с ним проявлением этого кризиса стали внутренние процессы в самом научном мире, активные, а порой ожесточенные дискуссии о перспективах развития науки, ее месте в обществе, социальных

последствиях научных открытий, наконец, о месте и роли ученого в социальных процессах.

Предшествующая этим событиям волна «дендеологизации» находила естественную почву в традиционных буржуазных представлениях о «чистой» науке, как якобы «не зависимой» от социальных бурь, об отсутствии связи политики с «истинной» наукой, о «нейтральности» ученых в социальных конфликтах. Идеи «нейтральности» науки безусловно господствовали в буржуазном науковедении в 50—60-х годах, в пору процветания «дендеологизаторских» настроений. Сама дисциплина — науковедение, так же как близкие к ней и получившие широкую рекламу «философия науки», «социология науки», занимающиеся методологическими, психологическими, этическими проблемами науки, вопросами ее организации и управления, всегда и неизменно считала своей задачей опровержение марксистско-ленинских взглядов о партийности науки.

Именно эти «незыблемые» представления теперь переоценивались и пересматривались. В 70-х годах появилось немало работ, принадлежавших как обществоведам, так и представителям естественных и технических наук, авторы которых стремились определить активную гражданскую позицию по коренным проблемам цивилизации и одновременно высказать мнение о роли науки и ученого перед лицом этих проблем.

В 50 — начале 70-х годов выходят в свет работы К. Поппера, Т. Куна и их многочисленных последователей из числа «социологов науки», которые, при всех различиях между ними в подходах и частностях, в общем были едины в том, что рассматривали науку, эволюцию знаний фактически в отрыве от других общественных отношений, только как процесс развития внутренней логики самого научного познания¹.

В 70-х годах эти взгляды вызывают оживленную полемику среди ученых Запада. Характерно, что в ходе дискуссий крепнет мысль о социальной обусловленности науки, о тесной взаимосвязи между ней и развитием общественных отношений при ведущей роли последних. Точка зрения буржуазных обществоведов по этим вопросам будет подробно рассмотрена в следующей главе. Здесь же хотелось бы остановиться на вопросе о том, как эти взгляды получили отражение в сфере

естественных испытателей и представителей технических наук.

Отношение к науке как к деятельности, которая должна быть «не зависимой» от других сфер общественной жизни, и сегодня широко распространено среди ученых США и других стран Запада².

Главный аргумент при этом обычно сводится к рассуждению о том, что целью науки является познание законов природы, а законы природы действуют независимо от национальной, расовой, политической, религиозной или классовой принадлежности ученого.

Конечно, всеобщий характер законов природы не подлежит сомнению. Но их открытие, а в еще большей степени — применение и использование самым тесным образом связаны с общественными условиями, в которых действуют исследователи. Научные открытия в наши дни, по мере развития и усложнения исследований, в огромной мере зависят не только от индивидуальных усилий ученых, но во все большей и решающей степени от того, насколько общество, то есть данная страна, государство, заинтересовано в исследовании тех или иных закономерностей природы и общества, какие ресурсы (финансовые средства, оборудование, кадры и т. д.) оно в состоянии выделить в распоряжение ученых. Вряд ли, например, господствующие классы буржуазного мира заинтересованы в объективном, идущем до конца исследовании современных социальных процессов, поскольку такое исследование не сулит им ничего хорошего. Далеко не всем государствам под силу в наши дни фундаментальные исследования, требующие крупных затрат. И, наконец, от господствующих в обществе сил в первую очередь зависит, в каком направлении научные открытия будут служить людям.

Способ высвобождения энергии атома и атомного ядра открыли ученые. Но вопрос о том, для каких целей будут направлены новые открытия, — этот вопрос решался не ими, а правительством, высшей господствующей властью, вполне определенной по своему социальному, классовому характеру.

И эта власть монополистического капитала не случайно, а в силу своей социальной природы направляет возможности использования атомной энергии в буржуазном мире в первую очередь не на мирные цели во благо всего человечества, а на создание небывало

смертоносного оружия, грозящего самому существованию мировой цивилизации во имя своекорыстных социальных целей, во имя классовых интересов, не имеющих ничего общего с подлинными потребностями народов.

Подобно тому как на исходе средневековья интересы науки вступили в непримиримый конфликт с феодальным строем и его могущественным идеологическим институтом — церковью, так современный ход исторического развития ведет неумолимо ко все более глубокому и всеобъемлющему конфликту науки с капитализмом, с его главным порождением — государственно-монополистическим капитализмом и неизбежно также — с буржуазной идеологией, освящающей и защищающей этот строй. Противоречия капитализма, охватывающие все сферы жизнедеятельности, в наибольшей степени приобретают идеологический характер. Следствием этого являются неутихающие дискуссии, растущие брожения и разногласия среди буржуазных ученых.

Даже среди сторонников «чистой» науки проявляются различные тенденции. Многие из ученых утверждают, что работают они во имя «чистой» науки и что все остальное, в том числе и последующее применение этих открытий, их не касается, что это исключительно дело государства, корпораций и т. д. Таким способом эти люди стремятся уйти от «проклятых» вопросов о том, кому они в действительности служат и во имя каких целей оплачивается их труд. Так они хотели бы примирить совесть ученого со своей зависимостью от монополий и стоящего на страже их интересов буржуазного государства.

Другие же, отстаивая «независимость» науки, стремятся найти прикрытие от засилья монополий и буржуазного государства, от их хозяйничанья в науке, от их своекорыстных интересов. Здесь заложен скрытый протест против буржуазных принципов отношения к науке как «служанке» капитала, выявляется начальная форма протеста против капитализма и подчиненного, противоречащего коренным общественным интересам положения науки в буржуазном мире.

Однако на этом общем фоне все более пристальным становится внимание ученых к вопросам связи науки с социальными процессами, выражается стремление ученых определить свою гражданскую позицию.

Такое идеологическое самоопределение идет по-разному. Некоторые ученые занимают крайне правые, открыто антикоммунистические позиции. Есть исследователи — число их постепенно растет, — выступающие с антимонополистических, антибуржуазных позиций. Преобладают, однако, либеральные взгляды абстрактного гуманизма, «чистой» демократии, пацифизма, реформизма.

Характерна позиция президента Американской ассоциации по развитию науки, известного химика Г. Сиборга³. Соединенные Штаты, отмечал он, переживают психологический кризис, выход из которого невозможен без кардинальной переоценки целей развития. Вывести страну из тупика способны, по мнению Сиборга, лишь силы науки и культуры, ибо революция в науке сопровождается, по Сиборгу, революцией общественного мировоззрения. Наука, став мощным революционизирующим фактором, может направить свои силы не только на развитие технологии, но и на управление всеми сферами жизни.

Каким же представляется практическое осуществление этой задачи? Наиболее важным, по мнению Сиборга, является усиление роли государства в планировании и кооперировании развития и взаимодействия естественных, технических и гуманитарных наук, и особенно поощрение государством развития гуманитарных наук, искусства, литературы. Нельзя пускаться на самотек воспитание научной молодежи. Необходимо, чтобы выпускники вузов обладали, как он говорит, широким спектром социальных взглядов.

Этот всемирно известный ученый отдает себе отчет в значении мировоззрения, общественной позиции ученого. Но он ничего не говорит о том, какие цели должно ставить перед собой американское общество, какой, следовательно, спектр социальных взглядов следует прививать будущим инженерам и исследователям. Ответ на этот вопрос следует, очевидно, искать в практическом курсе возглавляемой Сиборгом Американской ассоциации по развитию науки. Во всех основных аспектах своей деятельности она активно содействовала решению задач внешней и внутренней империалистической политики США.

По мнению французского науковеда Ф. Саломона, отношения между наукой и политикой кардинально

изменились со времени создания атомного оружия. Зависимость науки от политики, то есть от государства, резко возросла прежде всего потому, что государство стало основным источником финансирования науки. Но одновременно растет и зависимость государства от науки. Политические и стратегические аспекты исследования стало невозможным отделить от чисто технических. Анализируя взаимозависимость науки и государства, французский ученый приходит к важному заключению: государство определяет критерии социальной полезности науки и в соответствии с этим финансирует науку и определяет основные направления научного исследования⁴. Казалось бы, за этим должен последовать решающий вопрос: каким образом определяет государство, в данном случае французское государство, свои критерии социальной полезности науки, какие обстоятельства в социальной природе самого государства обуславливают направленность и существо этих критериев? Ответа на вопрос не дается. Анализ зависимости науки от политики заканчивается на том месте, где как раз и начинается политика, то есть на существе дела. Пойти дальше означало бы заняться выяснением вполне определенной классовой направленности действий этого государства, его роли как политического инструмента крупного капитала и вытекающих отсюда требований к развитию науки. На такое исследование ученый не решается.

В отличие от Ф. Саломона, анализирующего взаимодействие науки с политикой, его американского коллегу В. Вейскопфа интересует связь науки и морали. В настоящее время надо учитывать не только познавательный, но этический и социальный аспекты науки, считает он. Например, когда речь идет о загрязнении окружающей среды, ученым во многих случаях известны и причины этого, и пути их устранения. Неизвестно лишь, сокрушается Вейскопф, как убедить общество в необходимости принятия мер.

Но что имеет в виду автор, когда ведет речь об обществе? Оказывается, прежде всего те силы, которые занимают в нем господствующее положение. Это — крупнейшие корпорации и послушное им государство, преследующие вполне определенные экономические и политические цели. Результаты убеждения их в целесообразности того или иного мероприятия по охране ок-

ружающей среды целиком зависят от того, насколько эти мероприятия соответствуют их интересам. Ученый говорит о морали, а дело упирается в политику.

Вместе с переоценкой представлений о «независимости» науки идет пересмотр взглядов о «нейтральности» ученых. Профессор Монреальского университета Ф. Нельман отмечает, что ученые все более интенсивно используются в качестве проводников политики правительства в области науки. Но было бы наивно ожидать, заявляет Нельман, что это приведет к переориентации политики правительств, определяемой рядом социальных, в первую очередь экономических, интересов. Все, что может предложить канадский ученый, сводится к идее создания еще одной новой научной отрасли, специально анализирующей воздействие науки на социальную и природную среду. Ничего не говорится о том, какими критериями должна руководствоваться такая наука. Дело опять сводится лишь к либеральной фразе⁵.

Половинчатый, непоследовательный, противоречивый характер либеральных идеологических «переоценок» действительности наглядно иллюстрирует проект известного французского эколога Ф. Сен Марка. В 1978 году вышла в свет его книга «Прогресс или упадок человека?»⁶. Он считает, что источником всех бед современного человечества является материалистическая идеология, которая, по его представлению, сводит благосостояние к бесконечному накоплению материальных благ, то есть к неограниченному повышению уровня жизни. Приоритет же, считает Сен Марк, должен быть отдан нематериальным благам: свободе, дружбе, красоте, здоровью и т. п. Вместо «материалистического общества», к которому Сен Марк относит в равной мере и капитализм, и реальный социализм, он предлагает сформировать «гуманистическое общество», где будет господствовать «экологическая экономика», основанная на приоритете нематериальных благ. Критериями «гуманистического общества» должны быть, по рекомендации Сен Марка, не цифры экономического роста и валового национального продукта, а показатели «коллективного счастья»; уровень уменьшения преступлений, потребления препаратов, воздействующих на психику (транквилизаторы, антидепрессанты и т. д.), а также табака, алкоголя и наркотиков, сокращения

количества прогулов, разводов и самоубийств, снижения общего процента заболеваемости, дорожно-транспортного и производственного травматизма и т. д.

Вряд ли нужно подробно говорить здесь о том, что у французского исследователя существует, мягко говоря, упрощенное представление о социализме и материалистической идеологии. Реальный социализм для него — всего лишь вариант «потребительского общества», столь известного ему по западным образцам. Духовные идеалы социализма и, самое главное, огромные результаты их практической реализации, судя по содержанию книги, мало знакомы автору.

Более удивительно то, что и многие оценки положения в хорошо ему знакомом западном обществе тоже далеки от реальности. Нищета на Западе, убеждает Сен Марк, изменила свое лицо. Из экономической она превратилась в экологическую, связанную с возрастающим упадком среды обитания. Главное зло западного общества — «упадок человека» — является уже не следствием «экономической бедности или неравенства в доходах, а есть следствие деперсонализации, вызванной новой формой пауперизации — экологической нищетой».

С большой выразительностью Сен Марк рисует картины этой «новой нищеты»: загрязненности среды, упадка городов, царящей в них преступности, земельных спекуляций, ведущих к росту цен на жилье, коммунальные услуги и пр. С горечью говорит он о разбазаривании экологических богатств, о появлении «пролетариев зелени», живущих в районах, полностью лишенных зеленых насаждений. С сарказмом оценивает он положение в самой богатой стране — США, граждане которой ходят по Луне, однако не решаются выходить на улицу⁷. Все это — верные наблюдения.

Но кто же все-таки повинен в «экологической нищете?» Неужели фатальное развитие техники и бездумное, недальновидное использование людьми ее достижений, как это следует из книги? Ведь техника в современном западном мире принадлежит вполне определенному и немногочисленному классу людей, которые используют ее в интересах извлечения прибыли, собственного обогащения, а отнюдь не в интересах всего общества. В этом факте — ключ к пониманию процессов развития западного общества, в том числе и его «экологической нищеты».

В самой западной литературе различных политических направлений, например, давно уже установлена прямая связь между упадком городов и своекорыстной политикой крупнейших промышленных и финансовых корпораций. Даже буржуазная пресса то и дело приводит все новые бесчисленные данные на этот счет. И разве не очевидно, что миллионы «пролетариев зелени» — жертвы все того же экономического неравенства, при котором большинство людей вынуждено жить в задымленных, зашумленных кварталах, в то время как имущее меньшинство может позволить себе жить в комфортабельных условиях хорошо озелененных пригородов.

Предложенные Сен Марком показатели «коллективного счастья», конечно, дают представление о социальном благополучии общества. Но являются ли они решающими для его характеристики? Нет, конечно. Потому что все определяется тем, кому, какому общественному классу принадлежит реальная власть, в чьих руках находится преобладающая доля общественного богатства. Прежде всего социально-экономические, а не экологические характеристики определяют и сегодня действительность западного общества, как и всякого другого общества.

В этом пункте выявляется вся слабость теоретических конструкций французского ученого. Как только дело подходит к выявлению путей преодоления бедствий, становится зримой ограниченность, непоследовательность его позиций. Основной целью общества, констатируется в книге, должно стать улучшение здоровья, человеческих отношений, окружающей среды, культуры, увеличение свободного времени и улучшение его использования. Это благородные цели, а их конкретное содержание, как оно изложено в книге, нередко остается туманным, призрачным.

Как же предлагает Сен Марк реализовать эти цели в задуманном им «гуманистическом обществе»? Он видит выход в структурных социальных реформах, ведущих к «объединению» капитализма, сохраняющего и в «гуманистическом обществе» свои частнособственнические основы, с некоторыми социалистическими идеалами и целями. Таким образом перед нами — «конвергентный» вариант, каких в великом множестве произвела на свет в последние десятилетия буржуазная социаль-

ная наука. Предлагая «соединить социализм и демократию», Сен Марк хотел бы это сделать путем отказа от «марксистских догм»: во-первых, от признания ведущей роли классовой борьбы и, во-вторых, от «коллективизации всех средств производства»⁸. Экономическое неравенство, считает Сен Марк, должно сохраняться и в будущем «гуманистическом обществе», но его следует компенсировать равенством экологическим — «социализмом бесплатных нематериальных благ». Иными словами, французский эколог питает надежду прийти к своему варианту «социализма», оставаясь по существу на путях капиталистического развития. Каким образом ему удастся реализовать свою надежду, естественно, остается загадкой для читателя.

Правда, он перечисляет большое число конкретных мер, ведущих, по его мнению, к экологическому равенству: снижение налогов, улучшение здравоохранения, питания, создание зеленых пространств в городах, сокращение рабочего дня и т. д. вплоть до цензуры кинематографа и перехода от автомобильного транспорта к железнодорожному, экологически менее дорогостоящему.

Нетрудно заметить, что все эти меры не меняют основ буржуазного порядка вещей. Даже если реформы будут в той или иной мере проведены в жизнь, они не компенсируют для большинства людей решающего, экономического неравенства. Если последнее сохранится, если сохранится разделение общества на два полюса: капитал и наемный труд, тогда неизбежно сохранится и обострится то, что Сен Марк именует «экологическим неравенством», то есть различия в пользовании нематериальными благами, в том числе благами природной среды. И, следовательно, сохранятся в традиционных и видоизмененных формах бедствия, которые стремится устранить Сен Марк. Они закономерно порождены буржуазным обществом и сохранятся до тех пор, пока оно существует.

Работа Сен Марка не выходит за пределы либеральных утопий, содержащих немало благих пожеланий, но обходящих далеко стороной реальные пути их претворения в жизнь.

И все же социальные проблемы неудержимо врываются в храм «чистой» науки, вынуждают к политическим оценкам. Борьба партий прокладывает себе путь

и в среде ученых. Эти процессы особенно зримы в научной среде развивающихся государств, где становление науки очевидным образом на каждом шагу наталкивается на проблемы экономической и культурной отсталости, тормозится и искажается засильем иностранных монополий и охраняющих их интересы империалистических государств.

А. Эррера, автор известной модели глобального развития, разработанной аргентинским фондом Барилоче, решительно критикует популярную на Западе концепцию, будто научная и техническая отсталость стран Латинской Америки объясняется приверженностью народов этих стран отсталым традициям, преобладанием мелких, не заинтересованных в технических нововведениях хозяйств в аграрном секторе, а также организационными дефектами, низкой эффективностью правительственных и частных организаций, плохо использующих помощь из стран Запада⁹.

Эррера показывает ложный характер подобных утверждений. Крупных очагов так называемой традиционной культуры, указывает он, в Латинской Америке уже не осталось. Масса населения состоит из крестьян, которым земля не принадлежит, и пролетариев, сосредоточенных в пригородах крупных городов. Спротивление изменениям исходит от правящих классов латиноамериканских государств, и объясняется оно не культурными традициями, а стремлением сохранить в неприкосновенности социально-экономическую структуру, на которой покоятся их привилегии. Официальные институциональные дефекты имеют значение лишь постольку, поскольку они отражают общие тенденции развития общества, обусловленные нынешней социальной структурой.

Существует, признает Эррера, глубокое противоречие между интересами правящей элиты латиноамериканских государств и потребностями общества. Это противоречие создает непроходимое препятствие для развития науки, отвечающего коренным интересам латиноамериканских обществ. Программа полной индустриализации, соответствующая требованиям большинства населения, не может быть реализована, потому что для этого требуется новый тип социальной и политической организации общества. Построение же этого общества невозможно, пока у власти находятся правя-

щие ныне классы. Их интересам соответствует использование науки в первую очередь для усиления аппарата политического подавления и для исправления некоторых наиболее вопиющих недостатков существующей социальной системы. Другие же направления и цели научного развития активно преследуются. Беспрепятственное развитие науки и техники в Латинской Америке возможно, по убеждению Эрреры, лишь после радикального изменения теперешних национальных проектов, то есть избранных господствующими классами путей национального развития.

Эррера ведет анализ вплоть до выяснения конечных факторов. Его идеологическая позиция достаточно отчетлива и органически вытекает из результатов его исследования. Со своих позиций он приходит к тому общему выводу, который сделан передовой общественной мыслью нашей эпохи: выводу о необходимости коренной ломки господствующей капиталистической структуры.

Резко по тональности и социальной остроте отличается от либеральной фразеологии Сен Марка позиция бразильского ученого Х. Кастро, президента Всемирной ассоциации по борьбе с голодом¹⁰. Вопреки утверждениям Запада, заявляет Х. Кастро, самые тяжелые экологические последствия обрушились на «третий мир», на экономически слабо развитые страны. Голод и нищета в этих районах — это та цена, которую человечество платит за достигнутый высокий уровень развития в нескольких районах высокоразвитого капитализма. Экономический упадок слаборазвитых стран следует рассматривать как загрязнение их социальной среды в результате экономического насилия со стороны доминирующих капиталистических государств. Современная технология, указывает Х. Кастро, не является для развивающихся стран плохой или хорошей, все зависит лишь от ее использования. Если она и причиняет вред этим странам, то только потому, что ее используют с единственной целью — для получения максимальной прибыли.

Х. Кастро решительно не согласен с докладом «Римского клуба» (так называется группа буржуазных ученых, которая в конце 60-х годов приступила к изучению глобальных продовольственных, энергетических, экологических, демографических проблем и суммирует свои

выводы в форме специальных исследований-проектов), подготовленным Массачусетским технологическим институтом в 1972 году, авторы которого, оценивая вредное воздействие развития техники и индустриализации, предполагали в будущем прекратить рост мировой экономики, так же как и рост населения. Самая серьезная ошибка доклада, отмечает Х. Кастро, состоит в том, что в число факторов, определяющих рост, не были включены экономическая, социальная и политическая структуры.

Выход из положения Х. Кастро видит в том, чтобы ликвидировать отрицательное влияние рыночной экономики на хозяйство слаборазвитых стран и любыми средствами противоборствовать стремлению капитала затормозить экономический рост этих стран.

Бразильский ученый, таким образом, видит в капитализме не только основного виновника экологических бедствий. Он видит в нем главное препятствие в решении коренных проблем современного человечества.

Подводя итог, следует сказать, что в разноречивых взглядах ученых буржуазного мира доминируют растущая тревога, сомнения, все чаще — неверие в способность капитализма решить социальные вопросы, реализовать во благо человечества достижения науки и техники. Противоречия капитализма неразрешимы — эта мысль все глубже проникает в сознание даже приверженцев буржуазного порядка. И в среде ученых развертывается переоценка идеологических ценностей, отражающая глубину кризиса буржуазного общества.

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ВАРИАНТЫ «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ»

ГЛАВА IV

«РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Самый общий смысл «реидеологизации» обозначен приставкой «ре», предполагающей возрождение идеологии, усиление ее роли в современном мире. Конкретизируя это положение, буржуазные исследователи демонстрируют пестрый набор различных, зачастую противоречивых и направленных друг против друга воззрений.

Откровенные апологеты капитализма, ведущие поборники «реидеологизации» (Р. Арон, О. Лемберг, Р. Низбет и др.) широковещательно и громогласно объявили, что в современном мире происходит якобы бурное «обновление духа», обнаружены и задействованы дремавшие до сей поры мировоззренческие ресурсы, укрепляется утраченная в минувшие десятилетия вера в мобилизационную мощь идеологии империализма. «Реидеологизация» понимается как развернувшееся уже сегодня массовое приобщение широких слоев населения к идеалам и ценностям буржуазного общества, подвергшимся нападкам со стороны безответственных «левых» мыслителей.

«Начинается новый идеологический век»¹, — заявляет французский социолог Р. Арон. Западногерманский социолог О. Лемберг предостерегает против односторонней критики «мифологического сознания» (так он именует идеологию), подчеркивая, что люди испытывают трудноутолимую потребность в идеологии, в спасительной вере. Идеи творят историю, сдвигают горы², умозаключает он. Американский социолог Р. Низбет, полемизируя с «социальными критиками», то есть с теми, кто, напуганный размахом антиимпериалистических движений, поставил под сомнение традиционные буржуазные

ориентации, утверждает, что капитализм будто бы обладает множеством неоспоримых преимуществ перед любой иной социально-экономической системой. Об этом, по его мнению, свидетельствует и присущий данному строю неисчерпаемый духовный потенциал³.

Более осмотрительные буржуазные социологи придерживаются несколько иной точки зрения. Они полагают, что процесс «реидеологизации» еще не начался, он находится у самых истоков. Успешному развитию данного процесса может содействовать некоторая критика капитализма, стремление придать ему более четко выраженные «неоконсервативные» (Д. Белл), «неолиберальные» (Д. Уилхелм) или умеренно радикальные очертания (Ж. Леметр).

Социологи этой ориентации готовы порассуждать о том, в каком идейном и культурном тупике находится буржуазный Запад, о нынешнем мировоззренческом «вакууме», об упадке веры и т. д. Однако эти констатации нужны им вовсе не для того, чтобы изобличить отживший социальный строй. Напротив, они убеждены в том, что судьбы империализма зависят от того, насколько успешно будут осознаны и затем устранены негативные процессы, мешающие разворачиванию «реидеологизации», которая как раз и предполагает привнесение новых ценностей, соответствующих динамике современного мира.

Таким образом, проводится мысль о том, что кризисные духовные явления современного капитализма преходящи. Важно лишь своевременно понять их пагубность и открыть шлюзы для новых воззрений, способных выявить таящиеся резервы империализма, принести миру искупительное откровение, указывающее на «истинную нерастраченность духа». Буржуазные социологи стремятся ускорить «реидеологизацию», которая будто бы уже началась, но нуждается в подстегивании, в решительной поддержке со стороны правящей элиты, политиков, широких слоев западной интеллигенции.

«Подлинная проблема современности, — заявляет Д. Белл, — это проблема образа мысли»⁴. Глубокую основу кризиса капиталистического общества он предлагает искать не в экономике, а в недостатке политической воли, в моральной и интеллектуальной неподготовленности правящей элиты, подверженной духовному кризису. Особенность нынешней ситуации, по Беллу, со-

стоит как раз в том, что старые мировоззренческие опоры буржуазного общества утратили свое значение, а относительно новые (либеральные), основанные на вере в исторический прогресс, рациональность, науку, социальную революцию, доказали ныне, как полагает американский социолог, свою утопичность. Стало быть, нужны совершенно иные мыслительные усилия, направленные на воссоздание целостной картины мира, пребывающей пока в состоянии безрадостной фрагментации и разорванности. Смысл «реидеологизации», по мнению Белла, следовательно, и состоит в том, чтобы ликвидировать временную духовную неустойчивость буржуазного общества.

Западные исследователи подчас решительно «отвергают» современные философские течения, бытующие в капиталистических странах. Они вынуждены даже признавать, что воздействие марксизма во всем мире не ослабевает, а возрастает. Так, английский социолог Д. Уилхелм подчеркивает, что марксизм выгодно отличается от других направлений общественной мысли своей последовательностью, цельностью, что и обеспечивает широкое распространение социализма⁵.

Однако эти рассуждения вовсе не свидетельствуют о том, что буржуазные социологи предали интересы господствующего класса, которому они служат, и признали правоту научных идей марксизма. Напротив, такого рода констатации предполагают запугать обывателя, указать ему на безвыходность сложившейся ситуации. Вот почему описание кризисных явлений нередко ведется в подчеркнутой интонации, с надрывом, с известным радикализмом, скрывающим, однако, суть дела.

Например, тот же Д. Уилхелм, анализируя основные направления современной философской мысли на Западе, такие как экзистенциализм, операционализм, логический позитивизм, сообщает, что они проявили свою полную несостоятельность как мировоззренческие течения. Более того, они, как признает английский социолог, «подорвали веру в западную философскую мысль». «Во что нам верить, — вопрошает автор, — если немарксистская философия вместе с религией не могут убедительно сформулировать основные принципы, по которым живут люди? И если нам не следует принимать марксизм, то как нам вести себя и осуществлять каждодневные решения»⁶.

Можно подумать, что отчаяние Д. Уилхелма достигло предельной точки. Еще мгновение и он сообщит миру о безысходности духовного кризиса. Однако этого не происходит. Английский социолог предлагает выработать новое философское мировоззрение, которым люди могли бы руководствоваться в XX—XXI столетиях. Более того, его работа называется «Творческие альтернативы коммунизму». Исполдволь проводится мысль о том, что нарисованные им кошмары могут развеяться, если массы доверятся новым пророкам и пойдут за ними.

Вторя ему, французский леворадикальный исследователь Жак Леметр утверждает, что кризис современной цивилизации — это не только и не столько экономический кризис, сколько кризис основных доминирующих в мире идеологий, зародившихся более века назад и ныне ставших, по его словам, тормозом дальнейшего прогресса человечества. Именно этим, как он сообщает, и объясняются активные поиски новой идеологии, которая способна указать пути изживания затянувшегося кризиса, «гармонизировать западное общество», решить все назревшие кардинальные проблемы⁷. Буржуазные теоретики делают вид, что именно они озабочены тем, как гуманизировать социальные отношения. «Процесс реидеологизации, — отмечает западногерманский социолог К. Саламун, — необходим капиталистическому обществу как действенная контрмера против тенденции обезчеловечивающего овеществления и технизации общественной и политической жизни в современном индустриальном обществе»⁸.

Наконец, есть и такие буржуазные социологи, которые полагают, что современный Запад далек от реальной «реидеологизаторской» практики. Подлинное возрождение духа мыслится ими как преодоление сложившейся цивилизации и присущего ему мировоззрения. Исследователи этой ориентации предлагают раздвинуть кулисы истории и перейти в иное культурное пространство, не связанное с капитализмом живой преемственностью и потому не обремененное его идейными сюжетами. «Рендеологизация», стало быть, понимается как волевое духовное напряжение, которое предстоит реализовать, чтобы покончить с безысходностью нынешней ситуации.

Общим пафосом этой «реидеологизаторской» версии служат специфические культурологические изыскания, то есть исследования различных культурных процессов, способных якобы радикально изменять цивилизационные признаки общества. Так, американский философ Э. Фромм замечает: «Идеологии и концепции потеряли свою привлекательность; традиционные клише вроде «правый» или «левый», «коммунизм» или «капитализм» утратили смысл. Люди ищут новую ориентацию, новую философию, которая сосредоточивалась бы на физическом и духовном приоритете жизни, а не смерти»⁹. По мнению Э. Фромма, только немедленная реорганизация, направленная на изменение коренных социально-психологических установок, может отклонить человечество от катастрофического курса, оконтурить прообраз «мессинской эры»¹⁰.

Американский социолог А. Синай в своей работе «Упадок современного мира» отмечает, что все течения буржуазной идеологии, к которым он относит либерализм, консерватизм, демократизм, реформизм, оторвались от исторической реальности, вошли в конфликт с нею и в итоге стали орудием разрушения той самой социальной системы, которую они призваны поддерживать. А. Синай не сокрушается по этому поводу. Он полагает, что «реидеологизация» не может иметь ничего общего с наличными общественно-политическими учениями во всех их модификациях. Этот процесс предполагает решительный разрыв с ними, рождение принципиально нового мировоззрения, весьма далекого от идеологий вчерашнего дня¹¹.

Таким образом, социологи этой ориентации говорят о «реидеологизации» как о процессе более или менее отдаленном, скорее желаемом, нежели реальном. Их мысль поэтому устремлена ко всякого рода культурным и религиозным веяниям, к эзотерическим, то есть рассчитанным на узкий круг людей, увлечениям, которые сегодня малозаметны, но могут, как полагают данные исследователи, разрастись в «магический ансамбль идей», способных перевести человечество на новые рельсы, выявить иные, покуда скрытые от поверхностного взгляда, измерения жизни.

Например, американский социолог Т. Роззак усмотрел альтернативу современному прогрессу в его западных формах в молодежной «контркультуре», в ее специ-

фическом романтизме. Другие исследователи поэтизируют утраченную патриархальность, руссоизм, то есть такое идейное течение, представители которого вслед за французским просветителем Ж.-Ж. Руссо исповедуют отказ от цивилизации, призывают вернуться к природе и т. д. Некоторые западные авторы прославляют общинные формы жизни, всякого рода коммуны и ячейки, где на кустарно-экономической или религиозной основе объединены немногочисленные группы людей, преднамеренно отказавшиеся от участия в сложном и большом хозяйственном организме, от современных форм государственного управления. Чаще всего это относится к религиозным братствам, которые соединяют людей одной веры. Но призывы покончить с бюрократическими структурами, с государственным порядком исходят также и из различных анархистских банд, намеренных наставить человечество на истинный путь террором и насилием. «Реидеологизация» в данном случае отождествляется со специфически осмысленным «культурным обновлением», политическим анархизмом, богоискательством и другими идейными веяниями современного буржуазного мира. Именно в них усматривается социологами подлинное, а не конформистски трактованное «возрождение духа».

Так, американский социолог Т. Роззак с воодушевлением пишет: «Религиозное возрождение, свидетелями которого мы являемся, — возрождение, затрагивающее главным образом отколовшуюся молодежь, но не только ее, не представляется мне ни тривиальным, ни безответственным... Напротив, я рассматриваю его как в высшей степени значительное знамение времени, необходимую фазу нашей культурной эволюции. Потенциально оно обладает неизмеримыми возможностями возрождения жизни. На мой взгляд, оно означает, что, проделав длительный путь, мы достигли точки, с которой можно увидеть наконец, где кончается пустыня и где начинается культура человеческой целостности и самосуществования»¹².

Социологи данной ориентации решительно выступают как против апологетической, так и социально-критической трактовки «реидеологизации». Речь идет не о преобразении традиционных буржуазных идеалов по рецептам «злобы дня», а о некоей «духовной революции», призванной создать новых кумиров, вызвать к жизни

необычные веяния, помочь человечеству прорваться в некую иную цивилизацию, свободную якобы от противоречий и кризисных явлений капитализма.

Общий обзор «реидеологизаторских» тенденций буржуазного Запада показывает, что исследователи-марксисты имеют дело с устойчивым идейным феноменом последнего десятилетия, затронувшим различные отсеки современного мироощущения конкретных социальных слоев и классов в капиталистических странах. Панорама этих умонастроений, как они обозначены теми или иными западными теоретиками, не воссоздает целостной картины общественного сознания Запада, а лишь порождает дополнительные вопросы, требующие критического анализа и уяснения.

Что же такое «реидеологизация»? Отражает ли она некие реальные закономерности духовной жизни буржуазного мира или является очередным мифом западного сознания? Буржуазные авторы, как мы видели, сами указывают на кризис духа, на крушение веры, на мировоззренческий «вакуум» и «эрозию» сознания. Но может ли отсылка к кризисным явлениям свидетельствовать о необходимости «реидеологизации», невесть как замещающей «интеллектуальную пустыню»? Наконец, не отражена ли в новой концепции потребность в идеологии, могущей на деле сплотить помыслы людей, направить их жизненную энергию в созидательное русло, возродить моральный пафос, открытый взгляд на исторические процессы, чувствительность к острым проблемам, которые были присущи мировоззрению поднимающегося капитализма? Тогда модный термин «реидеологизация», может быть, выражает специфическую «революцию надежды» (Э. Фромм)?

Чтобы прояснить эти вопросы, необходимо прежде всего отметить некоторые общие черты, свойственные различным «реидеологизаторским исканиям», а затем заняться рассмотрением их сущности. При таком подходе «реидеологизация» закономерным образом представит как отражение общего кризиса капитализма.

Итак, в начале 70-х годов буржуазные социологи пришли к выводу, что человек в современном мире не может существовать без духовных идеалов, без окрыляющих истин. Потребность в мировоззрении, в полной картине мира предстала перед западными обществами как насущная, неискоренимая, активно влияющая

на все стороны жизнедеятельности личности. Выяснилось также, что отсутствие таких истин и идеалов порождает кризисные процессы, немедленно отражающиеся в общественном сознании. Бездуховность индивидуального существования порождает множество мучительных и острых проблем, оказывающихся в сущности неразрешимыми, ибо ничто не способно компенсировать, заменить осмысленное видение мира.

Этот вывод предстал перед буржуазными исследователями как ошеломляющий еще и потому, что технократическая утопия, то есть система воззрений, абсолютизирующая технику и технический прогресс, которая в значительной мере определяла облик общественного сознания буржуазных стран в 50—60-х годах, исходила из прямо противоположных посылок. Она расценивала мировоззрение как интеллектуальную причуду, некое духовное излишество, как архитектурный завиток на фронтоне стройно спроектированного технократического здания.

Сторонники этой точки зрения пытались убедить общественность в том, что люди предельно далеки от мировоззренческих проблем, которые закрыты от них узким горизонтом забот повседневного существования. Массы, по мнению идеологов этой ориентации, одержимы потребительской психологией, тянутся к комфорту, к благосостоянию, к роскоши. Современное капиталистическое общество как раз в состоянии развивать эти потребности и тем самым придавать жизни индивида соответствующую направленность. Интересы потребителя и государственно-монополистической организации созвучны. Важно, следовательно, следить за дальнейшей гармонизацией этих устремлений, освобождая их от различных обременительных духовных напластований.

Что касается пресловутой духовности, порывов к идеалам, к поискам целостного мировоззрения, то технократы третировали их как интеллигентские выдумки, романтические бредни, мешающие безоглядному и радостному потребительству. Изучение общественного мнения в буржуазных странах было направлено не на выявление новых ценностей, а на бесстрастное регистрирование повседневной конъюнктуры. Предполагалось, что обращаться к общественному сознанию бессмысленно, люди в состоянии продемонстрировать лишь расхожие стереотипы, внедренные в них средствами массовой

информации и пропаганды. Именно поэтому все социальные проблемы должны решать эксперты, люди науки и техники, могущие предложить самое эффективное, социоинженерное решение.

Третируя всякое мировоззрение как ложное, извращенное, мистифицированное, фантазийное сознание, технократы провозгласили «закат», «истощение», «эрозию» идеологии и приступили к тщательной разработке концепции «деидеологизации».

Буржуазное представление о том, что XX век несет «конец идеологиям», родилось в 50-х годах в определенных кругах, так или иначе связанных с «конгрессом за свободу культуры», международной антисоветской и антикоммунистической организацией. Деятельность этой организации, как выяснилось в конце 60-х годов, финансировалась центральным разведывательным управлением США. Разработка концепции велась в одном из печатных органов конгресса — журнале «Энкаунтер».

Советские ученые дали развернутую и аргументированную критику гносеологических и классовых корней концепции «деидеологизации»¹³. Однако при анализе интересующего нас феномена «реидеологизации» не обойтись без рассмотрения некоторых, наиболее существенных сторон предшествующей концепции «деидеологизации». Здесь надо сразу отметить, что, хотя представления о «закате идеологии» утрачивают свою былую значимость и распространенность, все же теория «деидеологизации» продолжает существовать в контексте идейной борьбы на фоне все возрастающего интереса к «реидеологизации».

Поэтому важно выделить определенные узловые моменты концепции «деидеологизации», не получившие, как нам кажется, полного освещения в литературе. Речь идет о мировоззренческих истоках данной концепции и о ее внутренней эволюции, поскольку, сохраняя свое основное идейное ядро, эта теория постоянно меняла свои конкретные очертания. Идея преодоления идеологии имеет в европейской философии и социологии свою предысторию. Выше уже отмечалось, что идеология Просвещения уже в XIX веке становится объектом атак со стороны различных антиидеологических построений. Об «упадке идеологии», о распаде целостной мировоззренческой картины мира писал в начале 20-х годов немецкий социолог К. Мангейм.

«Деидеологизаторы» взяли на вооружение сциентско-технократические настроения, которые начали формироваться еще в 20—30-х годах нашего столетия в трудах Т. Веблена и О. Бернхейма. О кризисе современных идеологий говорил в 1946 году А. Камю. В 1949 году английский социолог Т. Маршалл предложил свою теорию «роста и упадка идеологий». В США о «конце политической идеологии» писал историк Х. С. Хьюз в 1951 году.

Идея «конца идеологии» широко использовалась «левыми» теоретиками, в частности, принадлежащими к Франкфуртской школе. В 1951 году Т. Адорно писал, что идеологий больше не существует. Доказывал неизбежность «упадка идеологий» на Западе и такой представитель Франкфуртской школы, как Г. Маркузе. О том же писал один из английских социологов Т. Боттомор.

В поддержку идеи «конца идеологии» в 50-х годах высказывались многие известные социологи и политологи: Д. Рисмен, Г. Мюрдаль, Д. Эптер, Р. Дарендорф, С. Роккан, М. Крозье, А. Турен, Дж. Гелбрейт, А. Шлесинджер. Таким образом, доктрина «деидеологизации» почти четверть века выполняла роль своеобразного методологического принципа в буржуазном обществоведении. Она проникла в различные сферы социального познания — в историю, экономику, философию, социологию, в теорию международных отношений.

Когда в журнале «Энкаунтер» был напечатан отчет американского социолога Э. Шилза¹⁴ о состоявшейся в Милане в сентябре 1955 года конференции «конгресса за свободу культуры», западные социологи наперебой заговорили об упадке идеологий, их фатальном устранении, о закате идеологического века. Д. Белл, например, заявил, что развернутые идеологические системы имели право на существование лишь в прошлом веке. Ныне же эти гигантские построения, в первую очередь марксизм, утратили будто бы свою роль. Теперь якобы началась полоса ниспровержения «тотальных идеологий» как политических суррогатов религии¹⁵.

Белл стремился придать своей концепции откровенно антимарксистский характер. Он хотел внушить общественности мысль о том, что массы не нуждаются в социалистических идеях, которые выражают желание отразить всю панораму исторического процесса. Это, по мнению Белла, негодная затея, ибо на этом пути и рож-

даются всякого рода политические и идейные фикции. Американский социолог пророчил наступление эпохи трезвости, ясного инженерного расчета, направленного против мировоззренческого «тумана» радикальных идеологов.

По мнению Белла, в современном мире нет места универсалистским, гуманистическим идеологиям, созданным интеллектуалами. Их замещает социальная инженерия, призванная с помощью экспертных рекомендаций отладить все стороны человеческих отношений. Вот почему, как полагал американский социолог, происходит истощение идеологических систем, распыление их. Что касается развернутой мировоззренческой картины мира, то она оказывается попросту ненужной. Такого рода попытки, по словам Белла, неизбежно оборачиваются доктринерством¹⁶.

Эти взгляды были развиты затем американскими (С. Липсет, Э. Шилз и др.) и французскими социологами. Они объявили марксистско-ленинскую идеологию изжитой, не соответствующей запросам современности. Так, Р. Арон, пренебрежительно называвший идеологию опиумом для интеллектуалов, утверждал, что такие понятия, как «левые», «революция», «пролетариат», «прогресс», суть не более чем политические мифы.

«Деидеологизаторские» идеи проникли и в теорию международных отношений. Некоторые буржуазные исследователи стали утверждать, что, устанавливая связи между собой, различные государства должны руководствоваться не классовыми и идеологическими соображениями, а исключительно прагматическим расчетом. Всякого рода идейные аргументы, как они уверяли, лишь затемняют суть вопроса.

Однако, развивая эти концепции, буржуазные международники одновременно стремились использовать малейшую возможность для пропаганды западного образа жизни, для подрыва социализма. Они давали многочисленные рекомендации о том, как с помощью промышленных выставок, туристических контактов и т. д. внедрять в сознание общественности других стран стереотипы капиталистического мира. «Деидеологизация» мыслилась, таким образом, как один из эффективных методов распространения буржуазных идей.

В середине 60-х годов «деидеологизация» приобрела широкий размах. Однако она вступила в явное проти-

воречие с реальными фактами. Это вынуждает некоторых теоретиков «деидеологизации» к переоценкам. Так, французский социолог Р. Арон выступил с «уточнениями» собственных взглядов. «Антиидеологизм», направленный против марксизма, он по-прежнему приветствовал всей душой. Арон, впрочем, выражал готовность как-нибудь примириться с марксизмом как с фактом научной истории. Но он никак не желал согласиться с ним как с мировоззрением, указывающим путь революционного переустройства мира¹⁷.

Что же касается других идеологических направлений, то защитники теории «деидеологизации» зашли здесь, по мнению Арона, слишком далеко. Так, в США, по его словам, прагматизм явно брал верх над моралью, а политика, диктуемая утилитарными соображениями, определенно доминировала над политикой, основывающейся на принципах. Такое положение вызывало у Арона тревожные чувства.

Ведя безоговорочную борьбу против научного коммунизма, можно вместе с тем, по мнению Арона, сохранять в своем арсенале и конкретный идеологический реквизит, полезный для распространения буржуазных представлений. Иначе говоря, «деидеологизация» должна иметь определенные пределы.

Арон спрашивал: нужна ли новая идеология, которая, вобрав в себя иное, то есть немарксистское содержание, станет масштабной? И вопреки уже сложившейся традиции отвечал: если новый ансамбль идей поможет эффективно продвигаться дальше, по пути капиталистического развития, то он имеет право на существование¹⁸. Арон оставался в рамках «деидеологизации», но будущие судьбы идеологии связывал с возможным возрождением политической идеологии, с ренессансом буржуазного мировосприятия. Так в рассуждениях «деидеологизатора» обнаруживалась классовая позиция апологета буржуазного строя.

Оставляя себе лазейку для последующих отступлений от концепции «деидеологизации», о которых мы скажем далее, Арон проводил различие между идеологией и политической философией. Никакая реальная политика, по его словам, немыслима без философии. Если наступает «конец идеологии», то это вовсе не означает заката политической философии. Эта последняя имеет, по Арону, вечные темы: какими должны быть отноше-

ния личности и коллектива, общества и государства, как обеспечить социальную интеграцию, какое социальное сплочение наиболее желательно¹⁹.

Арон таким образом пытался противопоставить идеологии более широкое понятие — политическую философию, свободную якобы от узких идейных пристрастий. Он отдавал себе отчет в том, что реальные духовные процессы капиталистического мира с присущими им коллизиями не укладываются в тесное русло «деидеологизации». Поэтому, предрекая закат идеологии, французский социолог одновременно пророчит развитие политического мышления. Однако те вопросы, которые он относил к компетенции чисто философского анализа, носят классовый характер. Следовательно, основа их все-таки идеологическая, что делает неосновательным то различие, к которому склонялся Арон.

Буржуазная литература уже в 60-х годах столкнулась с неразрешимыми для нее проблемами. Наступает ли на самом деле «исчезновение идеологий»? Могут ли на самом деле затихнуть политические страсти, если капиталистическое общество чревато внутренними катаклизмами? Каково мировоззрение тех, кто объявляет себя противником идеологии? Действительно ли отдельный человек или общество в целом могут обойтись без целостной картины мира?

Важно отметить, что многие западные социологи, в том числе Р. Милс, И. Горовиц, Н. Бирнбаум, Ла Паломбара, еще до того, как самих поборников «деидеологизации» стали одолевать сомнения, показали несостоятельность этой концепции. Они отметили ее антимарксистскую направленность, указали на реальные противоречия капитализма, устраняющие возможность осуществления расчетов во благо противоположным социальным слоям буржуазного общества. Эти исследователи раскрыли конкретные противоречия, присущие самой доктрине.

Однако решающий удар концепции «деидеологизации» нанесла сама историческая практика. Она показала абсолютную правильность марксистского анализа того, что роль идеологии в современном мире не убывает, а, напротив, возрастает, что научно-технический прогресс в условиях капитализма отнюдь не устраняет классовые противоречия, а обостряет их, усиливая политическую и экономическую борьбу трудящихся против

засилья монополий, что марксизм как идеология не утрчивает, а укрепляет свои позиции во всем мире.

Уже в конце 60-х годов выявилась полная несостоятельность буржуазной концепции «деидеологизации». В самом деле, наивно говорить об «ослаблении марксизма» на фоне широкого распространения его идей во всем мире, о «классовой гармонии» на фоне разворачивания антиимпериалистических движений, о «непредвзятости политической философии» на фоне наглядно демонстрирующей себя буржуазной партийности и тенденциозности, о «безотказном техницизме» на фоне постоянных сбоев не только в сфере регулируемых социальных отношений, но прежде всего в самой экономике, основном плацдарме технократов, о «бесплодности духовных исканий» на фоне все усиливающегося стремления широкой демократической массы к интеллектуальной самостоятельности, идейной инициативе.

Концепция «деидеологизации», которую афишировали в качестве бастиона буржуазной мысли, преобразилась в наглядную иллюстрацию несостоятельности претенциозной философии апологетов империализма. По справедливому замечанию Р. Фридрикса, эта концепция превратилась самым катастрофическим и фатальным образом в своего рода «социологический курьез»²⁰. «Деидеологизация» выразительно продемонстрировала кризис буржуазного сознания.

Означает ли это, что концепция «деидеологизации» окончательно выброшена из арсенала буржуазной социологии? Такой вывод был бы преждевременным, упрощающим реальную картину духовных процессов в капиталистическом мире. В настоящее время мало кто из буржуазных теоретиков открыто говорит о «деидеологизации», но это вовсе не означает, будто питающие ее предпосылки окончательно исчезли. Представления о «закате идеологии» постоянно оживляются позитивистской методологией. «Деидеологизаторские» мотивы находят отражение в стремлении проповедников некоторых философских течений, например персонализма или структурализма, отказаться от так называемой идеологической тенденциозности.

Однако традиционные «дендеологизаторские» настроения звучат сейчас приглушенно, завуалированно. Они проявляются подчас в отказе массовых изданий, радио- и телевизионных станций Запада от прямого политиче-

ского воздействия на сознание людей, в стремлении добиться тех же целей путем проповеди потребительства, психологии наслаждения, индивидуализма, частнособственнических идеалов и других ценностей капиталистического мира, с помощью безудержной рекламы буржуазного образа жизни. Империалистическая пропаганда обращает свои «деидеологизаторские» призывы и к народам социалистических стран, чтобы ослабить идейное единство, политическую активность строителей нового мира.

Принимаются одновременно меры к тому, чтобы установить преимущество «реидеологизации» и «деидеологизации». Основные усилия «реидеологизаторов» сводились к тому, чтобы показать, будто буржуазная социология в целом продвигается от незнания к знанию, от недостаточно зрелых, сомнительных концепций к более достоверным. При этом в роли апостолов новой концепции выступали нередко именно те буржуазные исследователи, которые активно пропагандировали в свое время созданную ими же концепцию «деидеологизации»: Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Э. Шилз и др. Теперь эти социологи стали говорить, что в сущности они всегда были «реидеологизаторами». Беда лишь в том, что научная общественность не сумела оценить утонченность их мотивировок, стремление показать различные оттенки духовной жизни капитализма. В результате в литературе появились упрощенные, а подчас и извращенные версии тех воззрений, которые, мол, исповедовали эти социологи. Словом, их не поняли, неверно прокомментировали и т. п.

Арон уже в конце 60-х годов объявил, что «закат идеологии» стал анахронизмом. «Интеллектуальный и политический климат, — писал он, — изменился во всем мире. Революция вновь ставится на повестку дня. Социальные волнения множатся»²¹. Теперь, по мнению Арона, мы живем в век «разрастающейся и углубляющейся идеологизации».

Определенный вираж проделывает и теоретик «технотронного» общества З. Бжезинский, о политической деятельности которого говорилось в предыдущей главе. В качестве теоретика он подчеркивает теперь огромную роль веры, без которой, оказывается, не может обойтись человек и общество в целом. «Вера — это важный социальный момент. Общество, которое ни во что не верит,

находится в состоянии распада»²². По мнению американского социолога, сегодня выигрывают те общественные силы, которые обращаются к массовым идеалам, учитывают потребность людей в ценностных ориентациях. Поиск воодушевляющих истин уже не рассматривается больше как ненужное доктринерство, как дань абстрактному и бесплодному гуманизму. Напротив, предполагается, что люди испытывают весьма сильную, трудно насыщаемую потребность в идеях, мотивирующих их поведение.

Однако Бжезинский сознательно обходит вопрос о том, каково социально-классовое содержание тех или иных идей, ценностей, идеалов, которые воспринимаются конкретными общественными слоями или отдельными людьми. Проблема трактуется крайне абстрактно. Постулируется врожденная тяга индивида к жизненным ориентирам, но игнорируется классовая сущность тех или иных верований. Ведь социальные идеи могут носить прогрессивный и реакционный характер. Они способны придать осмысленность человеческому существованию, воодушевить его на героические революционные деяния. Но в той же мере они обладают свойством вызывать чувство обреченности, бесплодной жертвенности, безнадежности всякой общественной деятельности. С точки зрения Бжезинского, важно указать лишь на постоянные идейные метания людей, на их готовность обрести любую веру.

Научный коммунизм иначе трактует эту проблему. Он подчеркивает, что потребность в осмысленной картине мира, задающей последующую жизненную стратегию и тактику, присуща не только отдельному человеку. Классы и различные социальные слои также стремятся к целостному мировоззрению, которое оказывает воздействие на весь строй их мысли, на направленность и характер социальной активности. Дело вовсе не только в том, что вера цементирует общество. Идеи в той же мере разъединяют людей, выявляя их различные общественные ориентации. Поэтому идеология носит классовый характер.

К. Маркс подчеркивал, что идеи, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это «узлы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца»²³. В. И. Ленин отмечал, что только материалисти-

ческое понимание истории... открывает возможность широкого, связного и осмысленного взгляда на фундамент «всей общественной жизни человека»²⁴. Классики научного коммунизма одновременно остро и беспощадно отвергали идеалистические воззрения, политические суеверия всякого рода, мистицизм, религиозные и пессимистические унастроения.

В связи с «реидеологизаторской» тенденцией в буржуазной литературе обсуждается вопрос о том, что действительно имели в виду Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл, С. Липсет, Э. Шилз и другие авторы, когда говорили о «закате идеологии». Бжезинский, в частности, отмечал, что он понимал под «закатом идеологии» только догматизм, стремление к систематизаторству, которые, мол, присущи марксизму²⁵. Что касается идеологических добродетелей, то они в полной мере свойственны якобы предложенной Бжезинским концепции «технотронного» общества²⁶. Таким образом, суть концепции «деидеологизации» едва ли не полностью растворяется, остается лишь ее антимарксистское содержание да откровенная апологетика капитализма.

Вносит поправки в свои прежние воззрения и Белл. «Я должен указать, — отмечает он, — что анализ «конца идеологии» не предполагает, будто все социальные конфликты исчезли и интеллигенция не будет больше обращаться к рассмотрению „новых идеологий“»²⁷. Отныне американский социолог оценивал «деидеологизацию» как временную историческую аномалию. Получается, будто «закат идеологии» все-таки был, но он непостижимым образом охватил только краткий период времени, к тому же явился загадочным отклонением от магистральной линии «реидеологизации».

Аналогичную позицию развивал и Липсет, который тоже утверждал, что версию о «закате идеологии» не следует понимать в том смысле, что исчезнут системы политических концепций, утопическое мышление и классовые конфликты²⁸. Он и Шилз склонны также подчеркивать, что их прежняя концепция имела отношение лишь к 50-м годам и нуждается в исправлении. Оба они решительно возражали «новым левым», которые в свою очередь критиковали их как консервативных мыслителей. Более того, они даже утверждали, будто действительными авторами концепции «деидеологизации» были не Белл, Липсет, Шилз и др., а «левые» и радикальные

критики капитализма. Все эти рассуждения служили сбивчивым и малоубедительным прикрытием того конфуза, который выпал на долю бывших «деидеологизаторов», нынешних убежденных «реидеологизаторов».

«Реидеологизаторская» волна имеет некоторые общие черты. Все теоретики, придерживающиеся новой тенденции, говорят о возросшей роли идей в современном мире. Смысл этих умонастроений весьма отчетливо выражен в афоризме: «Человеку идеология нужна как воздух»²⁹. Все «реидеологизаторы», независимо от конкретных ориентаций, придерживаются единой платформы: они убеждены в том, что мир крайне нуждается в новых мировоззрениях, ибо прежние утратили способность быть средством социальной ориентировки.

Всем «реидеологизаторским» направлениям присуще мессианство, то есть вера в собственную историческую миссию, в то, что именно данное конкретное воззрение явится прологом к новой фазе человеческой истории. Отсюда проекты «глобальной идеологии», оцениваемой уже позитивно, как факт, отражающий общественные потребности. Так, Д. Белл, например, говорит о важности «вновь обрести утраченное чувство трансцендентного», то есть найти пути к такому мировоззрению, которое раскрыло бы неистраченный потенциал духа, обладало бы массовой привлекательностью как средство духовной интеграции населения³⁰.

«Реидеологизаторы» поэтому ищут ядро «новой идеологии», некое наиболее важное устремление, которое способно сообщить энергию и привлекательность рождающемуся мировоззрению. Такой чудодейственной силой, по мнению Белла, обладает так называемый «цивильтас», то есть «гражданское самоощущение», иначе говоря, идея верности буржуазному государству. Американский социолог отмечает, что за прошедшие годы эта добродетель в капиталистическом мире изрядно обветшала. Теперь же важно возродить ее и сделать первоисточником новой идеологии.

Зерно возникающей «глобальной идеологии» Т. Парсонс усматривает в «религии всеобщей любви», Э. Фромм — в «революции надежды», Т. Роззак — в «старом гнозисе», то есть в возрождении шаманизма, магии, первобытной фантазии и т. д. Сообщается, что новое мировоззрение, столь нужное современному миру, будет свободным от односторонности. Оно окажется

таким духовным образованием, в котором интегрированы разные тенденции, гармонизированы интересы разных социальных групп. Новое мироощущение, как предполагается, окажется насквозь пропитанным гуманистическими ценностями: оно станет исходить из значимости жизни, личности человека, творческого труда.

Создается впечатление, будто «новая идеология» может быть соткана из благих пожеланий и похвальных устремлений. Но научный коммунизм давно доказал, что те или иные воззрения возникают как отражение различных классовых интересов и ориентаций. Никто из «реидеологизаторов» не дает ответа на вопрос, каким образом буржуазия отречется от накопленного ею векового опыта дегуманизации, духовного манипулирования и т. д. и возьмет на вооружение идеологию всеобщей любви, надежды или беспредельного человеколюбия. Проекты «глобальной идеологии» — не что иное, как набор идейных приманок, призванных вызвать интерес широкой общественности.

Таким образом, хотя буржуазная социология призывает покончить с «деидеологизацией» и перейти к созданию «новой идеологии», однако обе эти концепции продолжают существовать в панораме сегодняшнего дня. Под видом беспощадного изобличения идеологии ведутся нападки на прогрессивное мировоззрение, на марксистско-ленинскую философию. Это главное, что объединяет и «деидеологизаторов», и «реидеологизаторов».

ГЛАВА V

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ «ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Буржуазная идеология выступает как единое целое, когда речь идет о главной задаче — борьбе против коммунизма, об историческом оправдании и увековечении капитализма. С другой стороны, внутри этой идеологии обнаруживаются различные идейные течения, идет борьба между ними по поводу конкретных способов защиты капитализма, тех или иных перспектив его развития, методов борьбы против коммунизма.

Вот почему «реидеологизация» существует во множестве вариантов, которые отражают различные социально-классовые ориентации буржуазного мира. Эти версии, среди которых можно выделить либеральную, «неоконсервативную» и мелкобуржуазную, отличаются друг от друга не только конкретным составом идей, с помощью которых «реидеологизаторы» рассчитывают мобилизовать массы, но и специфическими трактовками идеологии в целом.

Весьма показательно, что буржуазные исследователи усилили внимание к разработке теории идеологии. Если прежде эти вопросы освещались в рамках так называемой «социологии знания», то теперь появились новые дисциплины, трактующие эти проблемы гораздо шире. Если еще сравнительно недавно идеология расценивалась как ложное, извращенное сознание, то теперь все чаще раздаются голоса о том, что своды идей следует воспринимать как жизненно необходимые духовные импульсы.

«Социология знания» пыталась решить по сути дела одну проблему: как складываются те или иные фикции, почему они мобилизуют людей. Новые социальные дисциплины, различного рода антропологические, психоаналитические, социолингвистические, структуралистские концепции стремятся показать позитивную роль идеологии в истории, ее многообразные общественные функции. Различные философские направления, в том числе аналитическая философия, персонализм, структурализм, тоже начали рассматривать идеологию как феномен, требующий пристального внимания.

Так возник сложный комплекс различных построений, получивших собирательное название — теория идеологии. Приверженцы нового направления полагают, что они преодолели прежний узкий подход к данному явлению. На самом деле неразрешимые противоречия, которые в прошлом сопровождали изучение идеологии в буржуазной литературе, не только сохранились, но еще больше углубились.

Например, «социология знания» исходила из посылки, что при изучении идеологии достаточно раскрыть ее тенденциозность как мировоззрения того или иного класса. На самом деле предстояло еще показать, как эта классовая позиция отражается на механизме всего общественного сознания, обнаружить общественные исто-

ки идейных представлений. Если, допустим, буржуазный исследователь отмечает, что мелкой буржуазии свойственны колебания, то это можно воспринять лишь как начало теоретического социологического анализа. Ведь предстоит еще выяснить, почему, в силу каких экономических и других социальных причин мелкобуржуазная стихия проявляет себя именно так, а не иначе. Анализ научно состоятелен только в том случае, когда выявлены социально-экономические истоки стереотипов, идейных трафаретов и вместе с тем дана полная картина общественного сознания. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», раскрывая социалистическое мировоззрение, показали, как и почему на него реагируют различные классы и социальные группы. «Социология знания», напротив, полагала, что вполне достаточно дать эмпирически наглядное описание ложных представлений.

Эта иллюзия постоянно укреплялась в буржуазном обществоведении. Предполагалось, что если западный исследователь указал на определенные механизмы, показывающие, как формируется идеологическое представление, отметил тенденциозность того или иного построения, то тем самым он как бы автоматически возвысился над общественными позициями, сбросил предвзятость, преодолел искажающую оптику, занял некую надклассовую платформу, ведущую к полной истине. Эта совершенно безосновательная претензия «социологии знания» и ныне не преодолена, а, напротив, оказалась еще более обостренной.

По-прежнему господствует убеждение, что если исследователь занимается теорией идеологии, то он, несомненно, выше тех или иных идеологических пристрастий. Однако на самом деле этого не происходит. Ведь данная дисциплина сама является элементом идеологического сознания.

Отстаивание того или иного понимания идеологии неизбежно сопровождается конкретными мировоззренческими, социально-политическими рекомендациями. А приверженность к тому или иному общественно-политическому течению (либерализму, «неоконсерватизму», мелкобуржуазному радикализму) определяет направленность воззрения на идеологию в целом. Поэтому каждая «реидеологизаторская» версия, то есть представление о том, как именно реализуется сегодня воз-

рождение духа, ренессанс идеологии, неизбежно несет на себе печать одного из этих течений.

Эта связь закономерна, однако она не может рассматриваться как якобы вполне очевидная, не требующая дополнительных комментариев. Одно дело показать, что думает о себе тот или иной класс, то есть раскрыть идеологическое содержание его мировоззрения. Другое — ответить на вопрос, как формируются эти представления, каков механизм функционирования данных идей.

Основоположники научного коммунизма оставили богатейшее наследие по проблемам идеологии как ложного сознания. Свои общие представления об идеологии как явлении они дополнили конкретным анализом мировоззрения различных классов.

Разумеется, эти аспекты связаны между собой, но каждый из них имеет свою специфику. Например, К. Маркс и Ф. Энгельс анализировали идеалистическое понимание истории в немецкой классической философии второй половины XVIII — первой половины XIX века — от Канта до Гегеля и «младогегельянцев» — А. Руге, Д. Штрауса, братьев Бауэров, М. Штирнера. Одновременно они выработали общий подход к идеологии, показав, что извращенный характер общественного сознания в классовом антагонистическом обществе представляет собой исторически обусловленное явление, в основе которого лежат объективные предпосылки.

Таким образом, с точки зрения марксистско-ленинской философии, для обнаружения такой связи — между конкретным содержанием идеологии и ее пониманием как особого общественного явления — нужна связующая аналитическая работа. Осмысление идеологии как феномена, имеющего свои закономерности, должно дополняться конкретным анализом реальных идеологий, как они представлены в данном обществе. Точно так же в историческом материализме истолкование понятия «формация», естественно, находит свое продолжение в конкретном рассмотрении формаций, сменяющих друг друга.

У марксизма здесь совершенно иной подход, чем у «социологии знания» или у современной буржуазной теории идеологии. Последние оторваны от широкого социально-философского размышления и от конкретного анализа. Они то и дело впадают в ошибку, будто, вы-

явив иллюзорность тех или иных духовных образований, например стереотипов в обыденном сознании, они тем самым избавили себя от необходимости ответить на вопрос, а что же порождает стереотипы и чем обусловлена их живучесть? Изучение смысла и направленности идей, стало быть, подменяется описанием техники возникновения иллюзий.

Марксизм же рассматривает выявление определенных механизмов, ведущих к образованию иллюзий, как начало последовательной аналитической работы по обнаружению социальной природы и конкретного содержания тех или иных массовых идейных представлений, духовно-практических установок и т. д. В частности, важно, например, выяснить, почему современные буржуазные либеральные ориентации закономерным образом порождают движение от «деидеологизации» к «глобальной идеологии».

Либеральная версия «реидеологизации» имеет ряд особенностей. Ее приверженцы говорят о позитивной роли идеологии, фиксируют «взрыв идеологий», якобы порожденный современной духовной ситуацией, ставят вопрос о выработке всеохватной, «глобальной идеологии», могущей синтезировать различные умонастроения и культурные веяния. Одновременно либералы убеждены в том, что традиционные ценности, провозглашенные капитализмом: индивидуализм, приверженность к частной собственности, буржуазная демократия, — сохраняют ныне свою значимость, а «глобальная идеология» призвана раскрыть внутренние связи, существующие между этими идеалами, и обогатить идейный потенциал либерализма.

Так, западногерманский исследователь Э. Хельцле, обосновывая позитивную роль идеологии в истории, отмечает, что она не сразу была признана в качестве важного общественного фактора. Первоначально ученые-идеологи стремились якобы стоять в стороне от политических страстей, интересуясь преимущественно чисто теоретическими исследованиями. И лишь в связи с резким обострением противоречий внутри феодального общества, завершившимся французской революцией, учение об идеях из абстрактного объяснения происхождения идей превратилось в политическую доктрину. Именно с этого времени идеология, по его словам, стала рассматриваться как реальная сила, которая играет

важную роль как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества в целом¹.

По мнению Хельцле, нынешняя «реидеологизация» отражает объективные процессы времени. Массы людей пытаются понять социальную действительность, осмыслить ее течение. Потребность людей в мировоззрении, которое не убаюкивало бы сознание, не уводило бы индивида в мир иллюзий, а ориентировало бы его в бурном потоке времени, не убывает, а, напротив, возрастает. Эти общие декларации западногерманского исследователя приобретают конкретные очертания, как только он пытается уточнить содержание своей «реидеологизаторской» версии.

Хельцле полагает, что в буржуазном мире должно возникнуть определенное единство взглядов на идеологию. Вместе с тем он откровенно сетует на то, что в капиталистическом мире нет концепций, могущих повести за собой массы. Видя в идеологии одну из самых динамичных сил новейшей истории, западногерманский исследователь говорит о том, что пора приложить все усилия к созданию глобальных воззрений, своеобразной метаидеологии (универсальной теории идеологии, призванной якобы снять непримиримые идейно-классовые противоречия в мире, разделенном на две социально-экономические системы).

С этой точки зрения Хельцле критически оценивает доктрины тех буржуазных ученых, которые отрицают наличие в капиталистическом мире напряженных социальных конфликтов и в этом смысле заявляют о «конце идеологии». Хельцле считает, что настала пора отказаться от этих взглядов и привести, как он выражается, «мировоззрение Запада» в соответствие с исторической действительностью. При этом он предостерегает своих коллег от недооценки прогрессивных идей, их роли в общественной жизни и вынужден признать, что идеологически капиталистический Запад оказался сегодня в проигрыше по сравнению с социалистическим сотрудничеством. Отсюда настойчивый призыв Хельцле к преодолению пережитков «деидеологизации», к восстановлению утраченной веры в капитализм, к идеологическому наступлению на марксизм-ленинизм.

Западногерманский исследователь приходит даже к убеждению, что говорить о конце идеологии равносильно попытке остановить исторический процесс. Напротив,

по его мнению, нашу эпоху можно без преувеличения назвать идеологической. Особую роль в ней приобрели проекты так называемой мировой, «глобальной идеологии». Эти развернутые системы воззрений, как пишет Э. Хельцле, активно влияют на международные отношения, поскольку захватывают широкий спектр идей. «Массовому обществу соответствуют массовые идеологии, — резюмирует свои мысли западногерманский социолог. — Массы реагируют только на компактные идеологии»².

О позитивной ценности идеологий для дальнейшего развития капиталистического общества говорит и другой западногерманский исследователь К. Саламун. Развивая либерально-глобалистскую версию «реидеологизации», он подчеркивает, что философия политики должна просвещать народные массы с тем, чтобы люди более сознательно подходили к выбору политико-моральных принципов и ценностей, критически оценивали навязываемые им взгляды³.

Общая тенденция всех этих призывов заключается в том, что их приверженцы предпочитают умалчивать, о каких же конкретных ценностях идет речь. Ни Хельцле, ни Саламун по сути дела не уточняют, какие новые идеалы они предлагают массам. Из пространных квазипросветительских рассуждений можно понять только одно: буржуазные социологи призывают хранить традиционные буржуазные принципы и критически относиться к социалистическим идеям.

Саламун пытается выстроить даже модель будущей метаидеологии. Она должна, по его мнению, обладать универсальным характером. Как же этого добиться? Западногерманский социолог подчеркивает, что структурные элементы будущей модели, по его мнению, можно обнаружить во многих современных мировоззренческих системах. Важно сопоставить эти элементы, что позволит носителям идеологий избежать драматизации конфликтов. Ведь человек, как полагает Саламун, в своей деятельности упрощает многие явления общественной и политической жизни, не учитывает их комплексности и различий. Носитель идеологии вообще не в состоянии получить полное и адекватное представление об окружающем мире, потому что в его сознании прочно укоренились определенные стереотипы, которые

не позволяют ему творчески оценить реальную действительность⁴.

Таким образом, «глобальная идеология» мыслится как некое духовное образование, возникшее в результате синтезирования элементов разных социально-классовых воззрений. Этот подход антинаучен и предельно утопичен. Дело в том, что борьба идей в современном мире вовсе не предполагает достижение некоего компромисса, своеобразного общественного договора, результатом которого должны оказаться взаимные мировоззренческие уступки.

Теория научного коммунизма исходит из того, что идеи бывают передовые и реакционные, прогрессивные и отжившие. Критерием для различения характера идей, их существа служит общественный процесс, взятый в его динамике. Столкновение различных воззрений приводит к тому, что идеи, отвечающие требованиям социального прогресса, одерживают верх над теми, которые защищают старый порядок вещей, гибнущую формацию. Следовательно, борьба идей, а не их уживчивое сосуществование составляет сущность общественного сознания, рассматриваемого в его реальной противоречивости и устремленности вперед.

Было бы наивно полагать, что поднимающийся капитализм одержал бы историческую победу над феодализмом, если бы его идеология оказалась некоей амальгамой разнородных воззрений, включающих в себя как средневековую теологию, так и провозглашенные молодой буржуазией лозунги свободы и равенства. Просветители, как известно, решительно и бескомпромиссно боролись против феодальных представлений, подвергая критической переоценке догмы отжившего класса. В этой же мере «глобальная идеология», о которой тоскуют современные либералы, не может оказаться сводом классово несовместимых идей, неким кладезем абстрактной премудрости, устраняющим борьбу двух социально-экономических систем.

Утопичность буржуазных представлений о «глобальной идеологии» обнаруживается тем очевиднее, что, как они сами признают, идеология империализма утратила свое цементирующее единство. Напротив, характерной особенностью нынешней духовной ситуации является «распыление» буржуазной идеологии, обнаружение в ней самых различных элементов, умонастроений и

веяний. Говоря о «глобализации сознания», западные исследователи на самом деле сталкиваются с прямо противоположным процессом — с крушением мифа об идеологической интеграции.

Сама буржуазная идеология стала в наши дни ареной ожесточенных идейных конфликтов. Если в прежние десятилетия наличие в ней различных идейно-политических течений — либерализма, консерватизма, мелкобуржуазного радикализма — рассматривалось как вполне допустимое и даже благодатное состояние, то теперь ситуация изменилась. Буржуазные исследователи всегда кичились тем, что внутри идеологии империализма можно выделить различные идейные направления. Этот факт трактовался ими как результат «свободы духа», естественного сосуществования мировоззренческих оттенков и вполне «плодотворных» расхождений. Иначе говоря, либерализм дополнял консерватизм в той же мере, в какой последний служил еще одним ответвлением буржуазной мысли. Защищая коренные интересы капитализма, эти течения тем не менее создавали гибкую систему идейного балансирования, взаимной поддержки и сотрудничества.

Ныне ситуация стала иной. Либерализм, консерватизм и мелкобуржуазный радикализм по-прежнему отражают интересы различных отрядов господствующего класса. Эти интересы, как уже подчеркивалось, совпадают, когда речь идет об историческом оправдании и увековечении капитализма. Вместе с тем отношения внутри буржуазной идеологии стали более напряженными, враждебными. Это связано с обострением идеологической ситуации, с кризисом буржуазного сознания. Каждое идейное направление стремится доказать, будто именно оно может спасти отживающую формацию, указать верные рецепты для исправления дела. Поэтому все чаще раздаются голоса о том, что те или иные направления буржуазной мысли выполняют злокозненную, негативную роль в определении судеб капитализма. Указывают, попросту говоря, не «те» пути.

Разумеется, в этом отношении не следует впадать в упрощение. Либерализм, консерватизм и мелкобуржуазный радикализм не отгорожены друг от друга жесткими демаркационными линиями. По-прежнему многие идеологи буржуазии меняют свои ориентации, переходят на другие позиции, отражающие иные стороны гос-

полствующей идеологии. Например, недавние либералы вроде Д. Белла, И. Кристола, Д. Мойнихена оказались ныне в рядах «неоконсерваторов». Бывшие «новые левые», в том числе Б. Леви, А. Глюксман, усилили самое реакционное крыло «неоконсерватизма» и т. д.

Однако за всеми этими перемещениями нельзя не увидеть главное: буржуазная идеология утратила свою относительную стабильность, она раздирается внутренними противоречиями, вызванными общей растерянностью, крушением традиционных, отработанных «ходов мысли», постоянно выявляемым несоответствием реальной практики капитализма и путей его модернизации. Отсюда усиление взаимных нападок: либералы клеймят позором «левых» экстремистов, к которым еще недавно относились с благопристойной терпимостью. «Неоконсерваторы» обрушивают кары на головы либералов, которые слишком уверовали в прогресс, презрев многие традиционные ценности капитализма. Радикалы призывают «чуму на оба эти дома», то есть на либеральную и консервативную идеологии. Взаимные обвинения, попытки свалить ответственность друг на друга, нетерпимость к инакомыслящим, доходящим до прямых призывов «покончить с ересью», наказать предательство тех, кто содействовал выработке «неправильного» социального курса, — таков реальный фон, на котором разворачивается утопия «глобальной идеологии».

В результате этой внутренней противоречивости, которая присуща буржуазному сознанию, происходит вполне реальный процесс поляризации воззрений, верований, умонастроений и различных идейных веяний. Он вызван кризисным состоянием буржуазной идеологии.

Многие буржуазные социологи, оценивая эту ситуацию, придают ей апологетическое освещение. Они говорят не о подорванности идеологии капитализма, а о ее вхождении в новую фазу. Эти исследователи все еще рассматривают данную мозаику как неопровержимое и веское свидетельство духовного изобилия, идейного плюрализма, мировоззренческих исканий и т. д. Делается попытка утвердить мысль о том, будто единство буржуазной идеологии есть некий анахронизм.

Наглядным примером такого подхода к проблеме может служить миф о «взрыве идеологий», рожденный в недрах либерально-глобалистского сознания. Многие западные теоретики, в том числе Р. Лилиенфельд,

Ф. Хаек, Х. Хольц и др., полагают, что никогда прежде капиталистическое общество не знало столь мощного взлета самых различных духовных состояний, как ныне. Разорванность буржуазного сознания, сумятицу воззрений они оценивают как воспарение духа, влекущего за собой неисчерпаемое богатство социального поведения.

Либеральные мыслители утверждают, что некогда полноправные и развернутые системы взглядов претерпевают сегодня определенные мутации, в результате которых появляются самые невероятные комплексы идей. По их мнению, «взрыв мировоззрений» — это неуправляемый рост идей, теорий, концепций, претендующих на управление человеком и обществом. Только догматики, утверждают социологи этой ориентации, могут говорить о буржуазной идеологии как о едином понятии. На самом деле в капиталистическом обществе постоянно сменяют друг друга и борются между собой гуманизм, либерализм, национализм, прагматизм, иррационализм, скептицизм и другие идейные направления.

Идеология буржуазного общества, как уже отмечалось, действительно чрезвычайно пестра и противоречива. В ней находят место не только различные общественно-политические умонастроения, но и всякого рода идейные брожения, от «контркультуры» до увлечения мистицизмом, от богоискательства до нудизма, то есть проповеди преодолеть стыд и сбросить с себя одежды. Все эти духовные веяния образуют причудливую панораму неожиданных, нередко курьезных и гротескных жизненных ориентаций.

Западные исследователи, характеризуя то или иное идейное поветрие, стали теперь все чаще пользоваться словом «идеология». Говорят и пишут об идеологии индустриализма, бизнеса, досуга, гедонизма, футуризма и т. д. В чем смысл этой тенденции? Приверженцы либерально-глобалистской версии «реидеологизации» хотят создать впечатление, будто прежнее описание идеологии как ложного, галлюцинаторного сознания не соответствует современным социологическим представлениям. Любое умонастроение, если оно поддерживает чью-то веру и служит ориентиром поведения, имеет право на существование и может быть квалифицировано как своеобразная идеология.

Западные теоретики демагогически доказывают, будто многие современные идеологии пропитаны духом

антибуржуазности, исповедуют более широкие по своему первоначальному пафосу антропологические, то есть исходящие из предназначения человека, гуманистические и футурологические, то есть прогностические, идеи. Таким способом исследователи данной ориентации пытаются снизить накал идеологической борьбы.

В связи с этим возникает методологический вопрос о том, в какой мере можно говорить о конкретных умонастроениях капиталистического мира как о специфических идеологиях. Советские исследователи уже отметили, что в марксистской литературе термин «идеология» употребляется и для характеристики взглядов части того или иного класса. «Говорится, например, об идеологии фашизма, либеральной идеологии и т. д.»⁵.

Термин «идеология» в марксистской литературе служит обозначением мировоззрения того или иного класса. Но при более конкретном социологическом анализе возникает потребность обрисовать оттенки, фрагменты мировоззрения различных отрядов господствующего или угнетенного класса. Так, В. И. Ленин говорил о «веховстве» как идеологии контрреволюционной либеральной буржуазии⁶. Отмечая раздробленность рабочего класса «между несколькими идеологиями»⁷, В. И. Ленин употребляет такие понятия, как идеология оппортунизма, ревизионизма, анархо-синдикализма⁸.

Термин «идеология» используется в марксистской литературе и для характеристики различных идейных течений, имеющих классовое содержание. В. И. Ленин, в частности, писал об идеологии национализма⁹, народничества¹⁰, толстовства¹¹. Все эти определения нужны марксистам-исследователям для анализа «течений мысли»¹², существующих, однако, не автономно, а в контексте острой идеологической борьбы антагонистических классов.

При рассмотрении либерально-глобалистских спекуляций о «взрыве идеологий» сохраняют всю свою методологическую значимость ленинские мысли о том, что в современном мире существуют только две идеологии — буржуазная и социалистическая. Третьей, внеклассовой или надклассовой, идеологии в классовом обществе нет и не может быть. Ее человечество не выработало и не может выработать. Социалистическая и буржуазная идеологии принципиально непримиримы между собой, поэтому всякое умаление социалистической идеологии

означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Эти закономерности подтверждены более чем полуторавековым опытом борьбы между социалистической и буржуазной идеологиями.

Разумеется, подчеркивая эту основную методологическую посылку, исследователи-марксисты проявляют интерес к социологическому анализу той идейной пестроты, которая характеризует сегодня буржуазное сознание. Они показывают, в чем реальная природа этой мозаичности.

Буржуазное ограниченное мышление усматривает в ней проявление «свободы духа». Однако с точки зрения классового подхода здесь вовсе не обнаруживаются совершенно разные идеологии. В данном случае речь идет о разновидностях классовой идеологии, представляющих интересы различных отрядов буржуазии.

Буржуазная идеология складывалась веками. Поэтому в ее арсенале можно обнаружить различные веяния, отражающие те или иные идеологические настроения, не только апологетические, но и социально-критические комплексы идей, которые сторонники либерально-глобалистской версии «реидеологизации» подают как «новую идеологию», противостоящую якобы казенно-академическому мышлению прошлого.

Действительно, между взглядами апологетов и критиков немало различий. Первые утверждают веру в науку и технику как носителей прогресса, в буржуазное государство, способное якобы решать все общественные проблемы. Вторые, напротив, выступают против технической цивилизации, против истеблишмента, поработившего индивида.

Однако между апологетами и критиками обнаруживается внутреннее родство. И те и другие исходят из убеждения, будто буржуазные ценности незыблемы, неустранимы. В этом смысле многие представители буржуазной социально-критической мысли вроде Г. Маркузе, выступая против официальных буржуазных доктрин, объективно укрепляли в сознании масс миф об успешности интеграционных мероприятий капитализма.

Так выявляется общая основа, свидетельствующая о том, что мы имеем дело с буржуазным мировоззрением, объективно содействующим укреплению капиталистического порядка вещей. «Гуманизм», «критицизм», «нигилизм» не представляют собой отдельных, вполне

автономных идеологий, как это утверждают западные исследователи, они характеризуют лишь оттенки буржуазной идеологии, ее отдельные стороны.

Не подлежит сомнению тот факт, что современная «технократическая идеология» обнаруживает безразличие к внутренним запросам личности, к ее индивидуальной жизни. Она по самой своей сути лишена человеческого измерения. Естественно, такой подход к социальным проблемам вызывает встречную реакцию. Многие буржуазные мыслители выступают против идеально спроектированного порядка, где нет места человеческой индивидуальности, стихийности, уникальности.

Эти теоретики указывают на то, что внутренний мир личности богаче. Человек не хочет быть анонимным придатком машины. Он выступает против технократической утопии во всеоружии своих запросов, индивидуальных потребностей и переживаний. Социальные критики, так называемые гуманисты, улавливают эти настроения и создают специфическую идеологию, направленную против психологии индустриализма. Но означает ли это, что внутри буржуазного сознания складывается «новая идеология», сам факт появления которой подтверждает мысль о «взрыве мировоззрений»?

Нет, такой вывод был бы неверным. Во-первых, апелляции к гуманизму возникли не сегодня. К. Маркс давно уже подметил и описал раздвоенность буржуазного сознания. Ведь капиталистическое развитие не в состоянии обеспечить полного расцвета человеческих задатков, содействовать раскрытию внутреннего потенциала личности. Поэтому как естественная реакция в буржуазном мироощущении возникает тоска по иным ценностям, созвучным индивидуальным устремлениям. Там, где господствует прагматический расчет, неизбежно отбрасывается и тень этих принципов — романтическая критика капитализма.

Однако социальные критики, выдвигая разностороннюю личностную проблематику, не могут сформулировать сколько-нибудь последовательной программы, содействующей реализации социального идеала. Они остаются в рамках буржуазного сознания, разделяя его предрассудки и суеверия. Поэтому романтический взгляд на общественные процессы, по словам К. Маркса, будет «сопровождать буржуазный взгляд вплоть до его блаженной кончины»¹³.

«Рассогласование» буржуазного сознания вовсе не свидетельствует о том, что оно раздробилось на автономные идеологии — гуманистического, нигилистического или апокалипсического (то есть предрекающего конец света) свойства. При оценке новых миссионерских воззрений, которыми так богата современная идеологическая практика капиталистического мира, важно учитывать, что эти многочисленные комплексы идей, о которых толкуют либеральные «реидеологизаторы», не выходят за рамки буржуазного мирозерцания, не отвергают частной собственности, а, следовательно, стоят на почве капитализма. Вот почему разнообразные попытки современных «реидеологизаторов» создать новые идеологии представляют собой не что иное, как иллюзии, по выражению В. И. Ленина, «идеологический дым»¹⁴.

Однако либерально-глобалистская версия «реидеологизации» не исчерпывается мифом о «взрыве идеологий». В то время, как некоторые теоретики вроде Х. Хольца приветствуют «распыление идеологий», возникновение новых воззрений, другие исследователи полагают, что автономные идеологии, которые носят фрагментарный характер, должны слиться в нечто целостное. Преодоление партикуляризма, по их мнению, ведет к рождению «тотальной идеологии», устраняющей догматизм, узость мышления, односторонность социальной позиции заангажированного идеолога.

Вообще призывы к созданию универсальной идеологии содержатся в самых различных философских и социологических течениях. Все они объединены одной тенденцией — попыткой синтезировать различные подходы к общественным проблемам, якобы позволяющие вывести анализ на новый уровень обобщения, представить идеологию в качестве некоего всеобъемлющего духовного образования. Наглядным примером такого устремления в философии может служить «персонализм», выдвинувший специфические трактовки идеологии.

«Персоналисты» стремятся обосновать глобальный характер своей ориентации в современной философии. Поэтому они даже вынуждены оценивать свои взгляды не как идеологию или философию, а просто как некое устремление, направленное на созидательную, синтетическую работу мысли. Но можно ли осуществить такое намерение за пределами идеологии и философии? Разу-

меется, нет. Попытки возвыситься над сложившимися воззрениями оказываются непродуктивными.

Характерно, что «персоналисты» признают заслугу К. Маркса и Ф. Энгельса в развитии представлений об идеологии как социальном феномене. При осмыслении идеологии как специфического явления «персоналисты» обнаружили несколько весьма значимых противоречий. Может ли мыслитель уклониться от той ситуации, в которой он находится, преодолеть ее, найти какую-то новую точку зрения взамен той, что порождена реальными обстоятельствами данной эпохи? Можно ли рассматривать истинность и ложность как характеристики сознания или именно классовые интересы побуждают идеолога быть правдивым или тенденциозным?

Все эти вопросы действительно требуют аналитического разъяснения. Однако порой метко схваченные проблемы трактуются «персоналистами» упрощенно. Например, историчность понимается лишь как хронологическая продолжительность конкретного комплекса идей. Но ведь мало констатировать, что в средние века господствовала феодальная идеология. Надо еще проследить ее духовные истоки, предшествующие традиции, относительную самостоятельность идей.

Признавая марксистское положение о том, что идеология всегда классовая, «персоналисты» трактуют этот тезис по-своему. Они утверждают, что именно марксисты определили идеологию как «заинтересованную классовую ложь». Однако трактовка этого вопроса в историческом материализме совсем иная. Исследователи-марксисты и в ненаучной идеологии видят ее реальное историческое содержание, которое не может оцениваться как абсолютно ложное. Ведь классовые интересы той же буржуазии на определенном этапе совпали с передовыми социальными тенденциями. Следовательно, идеология не является всюду и непременно ложной в силу своей классовой направленности.

«Персоналисты» указывают на узость буржуазного сознания, которое не в состоянии ответить на проблемы, постоянно возникающие перед индивидом. Выражая желание исправить эту ситуацию, они, однако, не в состоянии предложить ничего позитивного, кроме общей декларации о том, что идеология должна быть «глобальной верой в уникальность человеческой жизни».

Попытки выработать «глобальную идеологию» обнаруживаются и в буржуазной социологии. Там нередко фиксируется стремление систематизировать противоречивые воззрения, придать им энциклопедическую форму. Так, группа западных ученых и публицистов, в основном западногерманских, подготовила первый том коллективного труда, посвященного проблемам будущего. В предисловии к нему известный футуролог Р. Юнг сравнивает идею рассматриваемой работы с замыслом «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, которые, как известно, стремились не просто изложить различные сведения, но свести их в единое представление о мире, преследуя конкретные политические цели.

Авторы социологического исследования критикуют современные энциклопедические издания, которые, по их мнению, сообщают знания, предельно разобщенные, атомизированные и оторванные от практических запросов. Попытки преодолеть разобщенность знаний предпринимают «системные аналитики», которые полагают, что они восстанавливают мировой порядок в узком, групповом научном сознании.

«Реидеологизаторы» в роли «новых энциклопедистов» хотят объединить различные области знания в стремлении практически представить и осознать проблемы будущего. Их не смущает ограниченность и субъективность избранной ими позиции. Они полагают, что именно такой подход позволяет преодолеть обособленность различных отраслей научного знания и его оторванность от повседневной активной жизни большинства людей. Они убеждены в том, что упорядочивание накопленных сведений с позиции буржуазной методологии способно вызвать истинное «возрождение духа». Как они сами отмечают, такая «реидеологизация» пробудит активную заинтересованность в поисках путей к будущему у многих миллионов людей, в том числе у тех слоев и групп, которые до сих пор не были втянуты в сознательное духовное творчество¹⁵.

Буржуазные «реидеологизаторы» устранились от того реального факта, что действительная идейная инициатива, мировоззренческое богатство возникают у народов в ходе социально-исторического опыта, а не в результате академического систематизирования накопленных сведений. Передовое, прогрессивное мировоззрение, несомненно, впитывает в себя различные источники соци-

ального познания. «Социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, — писал В. И. Ленин, — подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д.»¹⁶.

Вместе с тем В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, какую роль в выработке целостного научного представления о реальности играет революционная практика, направленная на построение нового общества. Именно эту сторону вопроса игнорируют буржуазные «реидеологизаторы», полагая, что систематизация знания вполне может преодолеть, как пишут «новые энциклопедисты», изоляцию классов, профессий, семьи, наций и рас, идеологических форм. Энциклопедическое знание, по их мнению, должно породить и энциклопедическую жизнь — открытую, совместную, творческую.

Классовая направленность этих призывов обнаруживается тотчас же, как только «реидеологизаторы» переходят к характеристике собственной платформы. И вот тут оказывается, что «новые энциклопедисты» далеко не нейтральны в оценке современной действительности. Они, в частности, резко критикуют не разделяющих их позиций политиков и мыслителей, которые, как выражаются «новые энциклопедисты», распространяют ложь, изображая настоящее и будущее человечества как бесконечную серию кризисов, вызванных истощением природных ресурсов, загрязнением окружающей среды и несущих человечеству распространение болезней, алкоголизма, убийств и всеобщее недовольство работой и жизнью, разложение буржуазно-демократических институтов и т. д.

Но разве все эти процессы и болезненные явления придуманы политиками и социологами? Разве мир не ощущает сегодня всей остроты так называемых глобальных проблем? По вине империализма гонка вооружений приобрела в наши дни небывалые масштабы. По данным, приведенным Генеральным секретарем ООН, на каждого жителя Земли сейчас приходится по 15 т смертоносного груза в пересчете на обычную взрывчатку. Страны НАТО израсходовали на военные цели в последние десять лет 1,3 триллиона долл. В военную сферу включено свыше 50 млн. человек, почти 400-тысячная армия ученых, инженеров и техников.

В 70-х годах во всех буржуазных странах обострилась проблема безработицы. Западные социологи, занимающиеся экономическими вопросами, отмечают дальнейшее сужение рынка рабочей силы, предвещающее новые бедствия для миллионов людей¹⁷.

Углубление кризисных явлений капитализма — вполне реальный процесс. Сторонники же либерально-глобалистской версии «реидеологизации» предпочитают искать выход из этих противоречий в духовной сфере. Они убеждены в том, что возможен некий планетарный взгляд на закономерности социального развития. Достичь его якобы можно лишь путем синтеза различных воззрений. Поэтому, например, современные либералы благосклонно относятся к религиозным веяниям. Они призывают соединить идеологию с религией, выявить некоторые общие позиции, присущие политической теологии и прочим религиозным исканиям. Идеология будущего мыслится, таким образом, как «конвергенция», то есть как схождение разных, в том числе противоположных, воззрений.

Но как выработать единую идеологию, когда сам господствующий класс расколот на соперничающие слои, политические группировки, «социальные элиты»? Как устранить возрастающую поляризацию буржуазных идеологических течений?

Сторонники либерально-глобалистской версии «реидеологизации» впадают в абстрактное проповедничество, смысл которого сводится к тому, чтобы идеологи различных ориентаций стремительно двинулись навстречу друг другу, соединили свои духовные и нравственные усилия. Так возникают различные проекты переустройства международного порядка на гребне «реидеологизаторской» волны. В частности, руководитель пятого проекта «Римского клуба» Э. Ласло полагает, что в современную эпоху крайне важно изучить «цели различных стран, организаций, идеологических течений, религий и т. д., чтобы содействовать тем самым формированию нового «планетарного сознания»¹⁸.

Участники исследования провели обширный сравнительный анализ современных религий, идеологий, различных духовных образований. Они обнаружили сходные взгляды в иудаизме, христианстве, исламе, индуизме, китайской традиции, африканских верованиях. Авторы проекта пришли к выводу, что современная идеоло-

гическая ситуация позволяет начать диалог между различными идеологиями, потому что во многих мировоззренческих течениях есть «сходные места», то есть одинаковые ценностные представления, например стремление к миру, проповедь добра и т. д.

Ласло видит свою задачу в том, чтобы проанализировать моральные и интеллектуальные ресурсы современного человечества, которые позволили бы преодолеть «внутренние пределы, присущие краткосрочным и эгоистическим целям», и открыть новые горизонты перед мировым сообществом. В этой связи он рассматривает возможности крупных религий и основных направлений современного мировоззрения в достижении мировой солидарности. Выдвигается идея «революции мировой солидарности», необходимой, по утверждению авторов, для достижения глобальных целей.

Однако сразу бросается в глаза тенденциозность авторов проекта. Они обращают основное внимание на «совпадения» вроде призывов к «всеобщему братству», формированию «гармонии человеческих отношений», «гуманистических ориентаций» и даже «космического сознания», обходя при этом принципиальные мировоззренческие различия, обусловленные непримиримыми социальными противоречиями современного мира, существованием на планете антагонистических классов, противоположных общественных систем.

Интонация проекта — откровенно проповедническая. Она предлагает благие цели, содержит призыв к взаимной терпимости религий, но уклоняется от анализа противоречивой реальной жизненной ситуации и подменяет его абстрактными рассуждениями. Из самой логики проекта вытекает вывод, будто любое воззрение, независимо от своего социального содержания, имеет право на существование. Так косвенно оправдывается идеология современного империализма.

Авторы проекта вообще избегают оценивать ту или иную идеологию. Они склонны в каждом воззрении видеть лишь те элементы, которые формально сводятся к гуманистическим декларациям. Однако фактическое содержание той или иной идеологии проявляется в социально-исторической практике. Западноевропейская история богата примерами, свидетельствующими о том, что те или иные провозглашенные идеалы нередко служили прикрытием для реализации прямо противополож-

ных антигуманных акций. Это относится, например, к фашизму, который лицемерно твердил о стремлении к миру, о физическом и нравственном здоровье человека и т. д., а на деле развязал мировую войну, применил на практике расовые, человеконенавистнические концепции. Современный империализм стремится прикрыть кричащие общественные контрасты разглагольствованиями о всеобщем благосостоянии, шумными кампаниями в защиту «прав человека».

В интерпретации авторов проекта «Римского клуба» идейная ситуация нашего времени представляется «эпохой гармонии», «единства целей» и т. д. Их поиски «планетарного сознания» на базе арифметического сложения, механического сопоставления различных идейных комплексов обнаруживают свою полную несостоятельность. Буржуазные теоретики стараются убедить в том, что «глобальная идеология» будущего явится результатом плавного, закономерного процесса, в ходе которого осуществится взаимное притяжение разных воззрений. Так, американские социологи Джеральд и Патриция Мише выдвигают концепцию нового, «гуманного» мирового порядка. Они подчеркивают, что нынешнее положение стран и их взаимоотношений, основанное на принципе государственного суверенитета, безнадежно устарело, превратилось в оковы, в смирительную рубашку для дальнейшего развития человечества¹⁹.

Современный этап развития человечества, отмечают американские социологи, может быть охарактеризован как кризис роста, обусловленный «структурным отставанием» — ситуацией, когда система международных политических, экономических и культурных связей, сформировавшаяся в период национальной обособленности, отстает от растущей глобальной взаимозависимости государств. Такое отставание, заявляют они, ведет к политической и военной нестабильности, чреватой мировой катастрофой.

Авторы объявляют деление стран на социалистические и капиталистические анахронизмом. По их мнению, следует проводить различие между «глобальной идеологией», ставшей реальностью нашего времени, и прежним «традиционным» узким идеологизмом, который пока не изжит. Кто же сегодня выступает носителем «глобальной идеологии»? Оказывается, именно США, для которых, как уверяют Д. и П. Мише, «традиционная

идеология» все более становится второстепенным фактором в политике правительства.

Доктрина американских социологов, претендуя на внешний радикализм, на самом деле служит прикрытием экспансионистских замыслов США. Трактую концепцию «национальной безопасности» как якобы устаревшую, идеологически узкую в сравнении с «глобальной идеологией», Д. и П. Мише одновременно оправдывают вмешательство США во внутренние дела других стран, поскольку, по их словам, это находится в соответствии с планетарными, метаидеологическими целями.

К либерально-глобалистским концепциям «реидеологизации» примыкают также различные футурологические, то есть прогностические, направления. Многие западные теоретики приходят к убеждению, что идеологией будущего окажется наука о грядущем и наука об окружающей среде — экология. Так, Э. Корниш, президент Мирового футурологического общества, редактор журнала «Фьютурист», определяя характер прогностического движения, полагает, что решающее значение для него имеет все возрастающее значение идей²⁰.

Несомненно, идеи представляют собой чрезвычайную ценность. Однако их судьба в современном мире всецело зависит от социально-экономического строя, внутри которого они возникают, от господствующих социальных институтов, от классовых и политических интересов, характеризующих ту или иную ситуацию. В этом смысле выдвинутая Э. Корнишем философия футуризма страдает коренными изъянами.

Американский исследователь полагает, что прогностические идеи способны перекроить мир. Он возлагает особые надежды на всякого рода сценарии, которые, завладев сознанием людей, могут вызвать глубокие общественные преобразования. Но о каких идеях идет речь — о технико-прикладных или социальных? Корниш ограничивается общей констатацией: «Идеи являются краеугольным камнем цивилизации и ее прогресса»²¹. Однако, как показала капиталистическая практика, всевозможные технико-прикладные рекомендации, возведенные в ранг социальной теории, неоднократно доказывали свою полную непригодность. Что касается социальных идей, то далеко не все они выполняют в обществе роль стимулятора цивилизации и прогресса. Реакционные идеи, как известно, мешают общественным

преобразованиям, тормозят развитие общественной динамики.

Мы видим, что стремление современных буржуазных либералов выработать «глобальную идеологию» оказывается несостоятельным по целому ряду причин. Теоретики «реидеологизации» исходят из тезиса о внеклассовом характере идеологии. Они полагают, что новые воззрения закономерно возникают из прежних, преодолевая их ограниченность и узость изживших себя социальных позиций. В их концепциях отсутствует материалистическое рассмотрение всей совокупности социально-экономических, политических и культурных факторов, определяющих содержание общественного сознания.

Более того, особенность либерально-глобалистской версии «реидеологизации» заключается в вопиющей оторванности ее от реальной социально-исторической практики современного мира. Ее построения вырастают на базе все более углубляющегося расхождения между идейными заявками либерализма и фактической действительностью, которая характеризует противоречия современного империализма. Буржуазные «реидеологизаторы» говорят о том, что современный либерализм демонстрирует мучительные, подчас драматические процессы своего развития и совершенствования. Об этой ситуации можно сказать словами В. И. Ленина: «Ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий»²².

Так, по мнению одного из ведущих буржуазных экономистов, западногерманского профессора Ф. Хаека, существуют два исторических типа либерализма: английский, или эволюционный, главной ценностью которого является свобода индивида; и континентальный, или конструктивистский, сделавший упор на самоопределении социальных групп и на создании соответствующих государственных форм. Согласно автору, возникновение идеи либерализма, понимаемого как индивидуальная свобода, восходит к древним грекам²³.

На самом деле либерализм как специфическая идеология берет начало в программе партии вигов конца XVII века, на континенте — в идеях французского Просвещения. К середине 70-х годов прошлого века либеральное движение в Европе достигло наибольшего влияния и распространения, затем (между двумя мировыми войнами) влияние либерализма резко упало.

Развитие государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны окончательно подорвало самостоятельное значение среднего и мелкого предпринимателя, являющегося политической опорой либерализма.

Тем не менее либеральный идейный багаж: идеи реформизма, парламентаризма, экономического роста, «свободы личности», — пытаются в наши дни заимствовать как мелкобуржуазные реформистские группировки, и прежде всего социал-демократические партии, так и некоторые группировки крупного капитала, трансформирующие эти идеи применительно к собственным целям. В этом отношении показательна состоявшаяся в 1976 году международная конференция, где анализировались современное состояние и перспективы либерализма как идейно-политического течения. Весьма показательно, что среди ее участников наряду с «традиционными» либералами были социал-демократы (Р. Левенталь) и теоретики, пользующиеся доверием крупнейших монополий (З. Бжезинский и др.).

Фактически все участники конференции выразили глубокое беспокойство относительно кризиса буржуазного либерализма и упадка его влияния на общественную жизнь. Рассматривая содержание либеральных концепций и их взаимоотношение с другими идейными течениями, конференция признала наличие серьезного кризиса теории и практики либерализма.

В то же время ее участники пытались показать, что кризис может быть преодолен, что либерализм не только остается «единственной подлинно современной идеологией» (М. Мандельбаум)²⁴, но обладает якобы такой жизненностью, которая позволяет ему пережить многочисленные потрясения и приспособиться к различным условиям общественного развития. По словам Бжезинского, вся дискуссия на конференции была ориентирована на подтверждение «постоянно действующей жизненности либерализма»²⁵.

Буржуазные исследователи стремятся доказать, будто те устремления, которые были присущи либерализму на стадии перехода капитализма в государственно-монополистическую стадию, сохраняют сегодня свою жизненную ценность. Более того, их оживление, углубление рассматривается как один из аспектов либерально-глобалистской версии «реидеологизации».

Так, американский политолог, автор книг «Американские политические партии» и «Идеология в Америке» Э. Лэд ставит вопрос, не происходит ли в Америке коренная переоценка социальных идеалов? Тут же, впрочем, выясняется, что проблема сводится Лэдом к вопросу о том, насколько глубоко пустили корни в американскую почву убеждения, порожденные в конце 60-х годов так называемой «контркультурой», то есть движением за «новую мораль» в ходе студенческих волнений тех лет. Лэд приходит к выводу, что движение «контркультуры» оказалось нежизненным, что принципы и нормы «традиционной» морали одерживают верх в противоборстве ценностей. Из этого обстоятельства Лэд спешит сделать далеко идущие выводы. Он видит в нем фундамент «реидеологизаторского воспарения духа».

По мнению Лэда, наиболее характерная черта американских идей — их преемственность, а не изменение. Американским обществом, как он полагает, движут старые, а не новые убеждения. Отличительная особенность нашего времени, считает Лэд, состоит в том, что эти традиционалистские ориентации выжили ²⁶.

Лэд видит в студенческом движении 60-х годов лишь спор между «новой» и «старой» моралью. Он оставляет в стороне глубинные социальные мотивы молодежных волнений, их антикапиталистическую направленность. Меньше всего склонен он рассматривать их как отражение классовых антагонизмов сегодняшней Америки. Он находит утешение в том, что традиционные нормы буржуазной морали способны выстоять в конфронтации с «контркультурными» выходками мелкобуржуазных радикалов. Он усматривает здесь ободряющие перспективы для либералов.

Лэд пытается доказать, будто Америка — страна традиционного либерализма. Вера в индивидуализм — наиболее важный элемент классического либерализма. По мнению Лэда, индивидуализм, личные достижения, равенство возможностей и право на частную собственность тесно связаны между собой и могут рассматриваться как грани единого общественного устремления — движения к прогрессу.

Основываясь на результатах опросов общественного мнения, Лэд заявляет: все данные свидетельствуют о неослабевающей вере американцев в индивидуализм.

Что можно сказать по этому поводу? Разумеется, буржуазное общество накопило огромный опыт по внедрению в общественное сознание индивидуалистических идеалов. Оно с детства прививает людям пренебрежение к коллективу, обществу. Поэтому неудивительно, что многие американцы утратили гражданское самоощущение, о чем с грустью пишет, например, американский социолог Д. Белл.

Но означает ли это, что индивидуализм торжествует в Америке, как это пытается представить Э. Лэд? Проблема приобретает совершенно иное звучание, если мы попробуем разобраться, обеспечивает ли капиталистическое общество реализацию индивидуалистических идеалов. Сразу выяснится, что в эпоху государственно-монополистического капитализма тон в экономике и в других областях общественной жизни задают не отдельные личности, а корпорации, фирмы, тресты, монополии.

Буржуазное общество ограничивает возможности индивидуальной самореализации. Однако вместе с тем оно не может обойтись без усиленной проповеди частной инициативы, ибо основа этого общества — частная собственность. Одно из вопиющих противоречий современного либерализма состоит как раз в том, что он по-прежнему прокламирует индивидуализм в ситуации, которая столь жестко ограничивает свободную конкуренцию, жизненную предприимчивость и инициативу. Лэда занимает одна сторона вопроса: сохраняется ли вера в индивидуализм у рядовых американцев. Но он обходит существо дела: предоставляет ли капиталистическое общество возможности для подлинной реализации этих побуждений на практике. Такое расхождение между декларацией и реальностью составляет, как уже было отмечено, суть кризиса современного либерализма.

Далее Лэд пытается утверждать, что большинство американцев выступает против равенства доходов и за сохранение возможностей для соперничества на том основании, что в противном случае нерадивые люди получат преимущества. Иными словами, разделение людей на богатых и бедных провозглашается естественным и единственно справедливым. Бедность и богатство предстают, таким образом, не как неизбежные результаты существования частной собственности, а как продукт

некоего общественного согласия, соответствующий к тому же принципам подлинной морали.

Напрасно Лэд выдает эту тенденцию за преобладающую. Даже в буржуазном научном лагере далеко до согласованности в этом вопросе.

Теория научного коммунизма отвергает идею всеобщего уравниательства. Однако принципиальное отличие марксистской точки зрения по этому вопросу от буржуазной состоит в том, что существование частной собственности закономерно порождает все возрастающее неравенство. Оно приводит к кричащим противоречиям, демонстрируя роскошь и бедность, изобилие и нищету. Все это признают и многие американские исследователи, которые отмечают сложность и катастрофичность самой проблемы²⁷.

Что из того, что многие американцы сохраняют сегодня веру в свой шанс, если существует столь грандиозное расхождение в распределении доходов? Не говорит ли это о типичном буржуазном предрассудке, который свидетельствует о шаткости самого либерализма? Там, где Лэд усматривает жизненность традиционных идеалов, на самом деле обнаруживается их полная бесперспективность.

Лэд утверждает, что большинство американцев поддерживает идею частной собственности. Но он одновременно вынужден признать, что в стране усиливается волна недовольства корпорациями и монополиями. Лэда, однако, не смущает этот факт. Он заявляет, что вполне можно сказать: «Да будь они прокляты, эти нефтяные компании, все они делают неправильно!» и остаться преданным праву на частную собственность и системе частного предпринимательства.

Конечно, частнособственническая психология присуща капиталистическому обществу. Но нельзя игнорировать именно тот факт, что вера в справедливость принципов частной собственности и свободного предпринимательства в буржуазном обществе не остается незыблемой. Важная особенность развернувшихся ныне классовых битв состоит в том, что экономическая борьба перерастает в выступления против всей системы государственно-монополистического капитала. Растущий масштаб классовых схваток, ведущую роль в которых играет пролетариат, означает, что в движение вовлекаются все более широкие массы, которые сплываются

вокруг рабочего класса, используют формы его борьбы, воспринимают политические оценки и программные установки коммунистических партий, элементы научного социалистического мировоззрения.

Лэд не обращается к другим сюжетам, которые он сам определил как «фундаментальные идеи либерализма». Так, он не затрагивает проблемы реальной свободы индивида в капиталистическом обществе. Наивно говорить на эту тему на фоне усиливающейся эксплуатации, политического бесправия, расовых гонений. Столь же наивно рассуждать о вере в прогресс на фоне возрастающего в буржуазном сознании страха перед будущим.

Однако даже те эмпирические исследования, на которые ссылаются западные социологи, содержат данные о падении престижа капитализма в глазах рядовых американцев. По результатам опроса, проведенного институтом Харриса, оказалось, что 41% американских граждан считает систему, в которой они живут, чуждой им; лишь 18% трудящейся и 12% студенческой молодежи признали, что американский образ жизни кажется им лучшим. Для все большего числа людей становится очевидным, что только социализм обеспечивает подлинную свободу и равенство, создает условия для всестороннего развития личности²⁸.

ГЛАВА VI

«НЕОКОНСЕРВАТИВНАЯ» «РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ» КАК ВЕРСИЯ «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ»

Более осложненную версию «реидеологизации» предлагают современные «неоконсерваторы». В отличие от либералов, они не верят в возможность относительно плавного преобразования разрозненных взглядов в «глобальную идеологию», которая будто бы явится результатом «чудесного сплава» различных мировоззрений. «Неоконсерваторы» отвергают такую терпимость, изображают всех инакомыслящих, проповедуя идейную агрессивность. По их мнению, «возрождение духа» возможно лишь на путях критической переоценки сложившихся ценностей, решительного и радикального разрыва с устоявшимися социальными представлениями.

«Неоконсерваторы» убеждены в том, что «реидеологизация» не осуществится сама по себе, в ходе постепенного движения от «деидеологизации» к «глобальной идеологии». Напротив, она потребует духовно-идеологических усилий, направленных на создание и укрепление новых, специфически миссионерских воззрений. В чем же они состоят? Как возникли? Почему именно с ними «реидеологизаторы» связывают «революцию сознания»?

Консерватизм как идейное направление неотторжим от идеологии эксплуататорского общества. Этот термин восходит к названию недолго просуществовавшего журнала «La Conservateur», который издавался Шатобрианом в 1818—1820 годах. В Англии это понятие было воспринято в 1835 году, в Германии оно стало обиходным в 30-х годах XIX в.

Под консерватизмом понимается течение буржуазной идеологии, возникшее в ответ на многочисленные социальные изменения, потрясшие европейский порядок с середины XVIII века в связи с крушением феодализма. У истоков данного понятия находится совокупность установок, которые противостояли Великой французской революции и эпохе Просвещения в целом. Отцом современного консерватизма считают нередко Э. Берка, реакционного мыслителя (1729—1797 гг.), который защищал феодальный порядок, основанный, как он полагал, на традиции и благоразумии, и с этих позиций критиковал социальные революции, выступал противником капитализма и особенно социализма.

На разных исторических этапах консерватизм приобретал различные оттенки и особенности. Одно оставалось в нем неизменным — неприкрытый антикоммунизм. Это в полной мере относится и к так называемому «неоконсерватизму», оформившемуся в США и ряде западноевропейских государств в 70-х годах XX в. В его рядах подвизается немало недавних либералов, избавившихся от прогрессивистских иллюзий. Другая особенность «неоконсерватизма» состоит в том, что он более основательно оснащен идеологически в сравнении со всеми другими версиями консерватизма.

Поляризация классовых сил, нарастание антимонополистических движений, сдвиг в расстановке мировых сил в пользу социализма — все это определило направленность идейного оформления «неоконсерватизма». В сборнике «Консерватизм в международном плане», в

котором участвовали социологи США, ФРГ, Великобритании, Италии, Швеции и других стран, основное содержание нового течения просматривается достаточно отчетливо¹. По мнению его авторов, в эпоху стремительных перемен, растущей тревоги перед опасностью всемирной катастрофы растет потребность в таких ценностях консерватизма, как «порядок», «стабильность», «равновесие», «авторитет» и «свобода индивида».

Спасение от революционных бурь и социальных катаклизмов консерваторы видят не в появлении новых идей, а в возврате к идеалам давно ушедшего «золотого века» капитализма. Однако возврат должен сопровождаться пересмотром прежних ценностей. Такие ориентации прошлого, как «порядок», «авторитет», приверженцы «неоконсерватизма» решительно поддерживают. То же самое относится к принципу «свободы индивида», священным фундаментом которого остается, разумеется, «свобода собственности». Зато другие лозунги восходящего капитализма, такие как «прогресс и равноправие», решительно отвергаются. «Неоконсервативная» «реидеологизация» не мирится даже со словесным признанием прогресса и равенства граждан в буржуазном обществе.

Оказавшись перед фактом крушения многих буржуазных идеологических теорий, «неоконсерваторы» испытывают недоверие к идеологии как к системе идей. Они подчеркивают, что их собственное течение не представляет целостного, развернутого учения. Так, английский «неоконсерватор» Х. Дитц утверждает, что идеология «неоконсерватизма» — это скорее жизненная позиция, проявление потребности противостоять непредвиденным факторам, идейным колебаниям, мятежным настроениям, нежели самостоятельное мировоззрение².

Будучи достаточно знакомы с кухней буржуазной политики, «неоконсерваторы» отдают себе отчет в том, что многие их установки, продиктованные «злостью дня», могут впоследствии оказаться непригодными с точки зрения их собственных интересов. К тому же они не могут избавиться от противоречий в принципах, программных подходах. Например, выступая против прогресса, они считают возможным и даже необходимым поставить на службу интересам своего класса достижения научно-технической революции. Все это не укладывается в стройную идеологическую систему, вынуждает

к бесконечным исправлениям, оговоркам и т. д. Отсюда туманный, непоследовательный, противоречивый характер их идеологических построений, выступления против идеологии как целостного комплекса идей. Такого рода расплывчатость принципов, основополагающих теоретических позиций рассматривается как дополнительная возможность для идеологического маневрирования.

«Неоконсерватизм» пытается использовать в своих целях достижения современной науки, так же как «последнее слово» буржуазной идейной моды. Например, он активно взял на вооружение так называемые антропологические идеи, утверждающие, что определяющим в сознании и поведении человека являются не социальные, а биологические факторы.

Теоретики данного течения обращаются к расхожим на Западе представлениям о природной ущербности людей. Люди, оказывается, от рождения наделены психологической неуживчивостью, крайней неустойчивостью, агрессивностью. Человек в их представлении — «выродок эволюции», самый грозный противник современной цивилизации, вознамерившийся уничтожить собственное творение.

Широкую популярность на Западе приобрели работы А. Кестлера, К. Лоренца, в которых исследуется биологическая природа человека. Авторы этих работ пришли к весьма тревожным выводам. Оказывается, если верить, скажем, А. Кестлеру³, человек вообще не поддается обучению, он страдает своего рода шизофренией: координации эмоциональных и аналитических способностей человека свойственны врожденные дефекты. Вообще человеческий мозг совершил, так сказать, эволюционное грехопадение. «Раса душевнобольных» находится в стадии вырождения.

Для чего понадобились буржуазным исследователям столь горькие самобичевания? Смысл этих биологических изысканий сводится к тому, что разрушительное в человеке не проявлялось столь очевидно до тех пор, пока поведение человека регулировалось традиционными механизмами: грозным авторитетом главы семьи, наставнической ролью государства, отеческой опекой церкви. Но вот в ходе безоглядного прогресса человечество разрушило эти структуры. Теперь ничто не мешает часовому маятнику мины отсчитывать роковые мгновения. Спасение только в одном: надо вернуться к изжитым

формам человеческого общежития, возродить неукоснительный авторитет силы и принуждения.

Итак, «неоконсерваторы» полагают, что человечество в своем социальном развитии устремилось в ложном направлении, поскольку идеологи забыли о данных современной антропологии, не учитывают их в своих программных построениях. Все социальные платформы, по мнению «неоконсерваторов», следует пересмотреть с точки зрения антропологической природы человека.

В соответствии с этой установкой один из видных западногерманских специалистов в вопросах идеологии О. Лемберг в раскрытии духовных процессов предлагает исходить из антропологических представлений, «выводя» идеологию из потребности человека мыслить, оценивать, создавать картины мира. В связи с этим западногерманский социолог набрасывает широкую программу преодоления прежних «деидеологизаторских» стереотипов. Он прежде всего ратует за реабилитацию самого термина «идеология», который превратился в «один из самых распространенных и отрицательных», поскольку зачастую приравнивается к понятию «преднамеренная ложь»⁴.

Лемберг отмечает, что уже сегодня отношение к идеологии становится более конструктивным, растет интерес к функционированию общественного сознания. Но западногерманский социолог не ограничивается этой констатацией. Как истинный «реидеологизатор» он заявляет, что человечество поставило себя на грань собственного уничтожения, и для сохранения человеческого рода нужна теперь идеология.

По его словам, именно идеология берет на себя функции, которые не может реализовать наука. Она создает единую систему представлений, ценностей и норм, задавая смысл всему человеческому бытию. Идеология обеспечивает некий баланс между реальностью и вечным, то есть тем, что отслоилось в культуре и стало мировым духовным багажом. Она отвечает изначальной потребности человека видеть мир гармоничным, цельным, одухотворенным. Вот почему важно, по словам буржуазного исследователя, вернуть идеологии то значение, которое она утратила.

При таком истолковании единственной социальной теорией, объясняющей мир, его формирование и разви-

тие, оказывается теория идеологии. В ней нужно искать, по мнению Лемберга, разгадку тайн истории. Чтобы понять, как одна формация замещает другую, важно, оказывается, осознать духовные закономерности, коренящиеся в человеческой природе. Теория идеологии способна, например, объяснить, почему люди то поддались коллективной иллюзии, то отреклись от нее. Только на этом пути можно, как предполагается, построить историческую концепцию.

В действительности же идеология — это общественное явление. Она выражает интересы классов и социальных слоев. Поэтому истоки ее надлежит искать в закономерностях социальных процессов, в исторической динамике. В истории человеческого общества можно фиксировать стадии подъема и падения идеологии конкретных классов. Эту закономерность никак нельзя вывести из биологических явлений. Механизм функционирования идеологии поддается антропологическому описанию.

Чтобы понять закономерности духовных явлений, надо выйти за их пределы. Материалистический взгляд на идеологию позволяет объяснять сознание, исходя «из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»⁵. Идеология в такой трактовке оказывается продуктом «действительного жизненного процесса»⁶.

В концепции идеологии, которую предлагает Лемберг, недостает самого важного звена, а именно анализа реальных экономических, социальных и культурных процессов. Более того, они замещены рассуждениями об антропологической природе человека, о присущих ему инстинктах и потребностях. Эти извечные свойства индивида попросту провозглашаются. Разумеется, для раскрытия механизмов истории такая методология явно не годится.

В концепции Лемберга обращение к человеческой природе служит не только исходным пунктом теории идеологии. Оно сохраняется и позже, когда западногерманский социолог пытается выяснить, какие ценностные ориентации сродни индивиду, а какие противоречат его натуре. Этот аспект исследования Лемберга начинается с критики «дендеологизации», которую он осуществляет, опираясь в основном на марксистские оценки этой

концепции. Разумеется, буржуазный ученый не признается в этом.

Но ведь именно исследователи-марксисты показали в свое время, что идеология не может утратить своего значения, что сама концепция «деидеологизации» является своеобразным идеологическим образованием. Повторяя эту мысль на свой манер, О. Лемберг утверждает, что победить любую идеологию могут только другие идеологии. Однако это положение Лемберг аргументирует не тем, что борющиеся классы формулируют в идеологии свои интересы. Он заявляет, что человек не в состоянии перенести идейный «вакуум». Подобно тому как отсутствие инстинкта у животных привело бы, по Лембергу, к неожиданным результатам, так устранение вероучения грозит человеку разрушительными последствиями. Человеку нужна вера во что бы то ни стало, умозаключает западногерманский исследователь, пусть это будет даже слепое следование заповедям, продиктованным откровением, исходящим от божества.

Итак, по Лембергу, потребность в иллюзии — неискоренимое свойство человека. Именно она помогает ему выжить в мире, где рушатся незыблемые ценности, авторитеты, власть. Индивид не погибает потому, что уверенно цепляется за другие воззрения. Страх перед идейной пустотой гонит его от одного идола к другому.

Такая идеалистическая трактовка истории возвращает исследовательскую мысль к домарксистской философии. Она абсолютизирует роль идей в истории, не вскрывает действительного источника этих идей. Различные воззрения появляются вовсе не потому, что человек ищет ориентиры в духовной пустоте. Идеи отражают социальные потребности, а не запросы изолированного индивида. Они тесно связаны с классовыми интересами. «„Идея“ — писал К. Маркс, — неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от „интереса“»⁷.

Лемберг рассматривает идеологию в качестве абсолютной движущей силы мировой истории. Все идейные комплексы без исключения, по его мнению, выполняют эту функцию. Наука и техника не устраняют идеологии. Наоборот, чем сложнее и многообразнее общественная жизнь, тем настоятельнее становится потребность в некоей силе, которая мобилизовала бы и скоординирова-

ла бы человеческие помыслы, направив их в конкретное русло.

«Дендеологизаторы» действительно полагали, что развитие науки и техники приведет к «закату идеологии». Отвергая это положение, Лемберг, однако, остается в русле структурно-функциональной методологии, бытующей в буржуазной социологии. Согласно этой методологии, особенность того или иного социального явления выражается в присущей ему функции. Функция идеологии при этом понимается крайне отвлеченно. Речь идет не о выражении тех или иных классовых интересов, не о революционном воздействии на события, а о способности идеологии выполнять роль некоего «сплотителя», «консолидатора» ценностных устремлений.

Лемберг отвергает взгляд на идеологию как на ложное сознание, который он считает односторонним. Он придает идеологии новый статус — статус жизненно необходимых представлений и рассматривает ее как систему управления обществом. Именно в этом направлении возникает вопрос о действенности идеологии, о радиусе ее всепроникающей мощи, о глубине ее влияния на умы людей. Именно такое понимание идеологии делает возможным, по убеждению Лемберга, создание специфической теории идеологии.

Пытаясь надстроить над теорией идеологии своеобразную философию истории, «неоконсерваторы» подчеркивают, что некоторые ценности не устраняются в ходе социального развития, а постоянно возобновляются. Они выполняют роль неких широких ориентиров, определяющих собой все другие, менее значимые идеалы. Такого рода ориентиры французский антрополог Л. Дюмон называет «идеологемами»⁸. Он утверждает, что историю человечества можно рассматривать как постоянную смену двух идейных комплексов, которые в значительной мере определяют особенности социального устройства.

Первая «идеологема», в оценке Дюмона, предполагает наличие неравенства, вторая исходит из эгалитаризма, то есть идеи равенства. К чему же реально стремится человек? Оказывается, и к тому и к другому. Психологически благодатны, как выясняется, оба состояния. Человек, что называется от рождения, признает чужую власть, смиряется со своим зависимым положением, воспринимает свое рабство как вполне законное, находя в нем моральное удовлетворение. Но он в той же мере

протестует против социальных привилегий, кастовых ограничений. Он настаивает на равенстве. Однако это не более чем иллюзия, обыкновенная идеологическая фикция. Эти постоянно возобновляемые «мифологемы» и составляют, по Дюмону, историю идеологии, а, стало быть, и действительную историю, в ходе которой идея равенства то окрыляла людей, то, напротив, казалась несбыточной. Неравенство же воспринималось то как нестерпимое, то, напротив, как единственно благодатное.

Итак, Дюмон «доказывает», что в истории можно проследить наличие двух принципов человеческого общежития. Первый декларирует незыблемую ценность общества как готового, сложившегося и неподвергаемого сомнению социального организма. Идеалом такого устройства может служить, например, египетская цивилизация с ее приверженностью к однажды заведенному порядку, узаконенному неравенству и т. д. Эта готовность человека остаться в своей нише, не претендуя даже на минимальное улучшение своего социального положения, определяет избранный им план жизнестроения.

Второй принцип возводит равенство в ранг высшей ценности. Индивид в этом случае стремится к эгалитаризму. Иерархичность общества, его социальное расслоение уже не кажутся индивиду ни оправданными, ни благодатными. Возникает импульс к социальным переменам. Однако здесь Дюмону изменяет чувство провозглашенной им беспристрастности. Ему явно не по душе такое беспокойное устремление к равенству. Всем пафосом своего исследования он хотел бы доказать, что социальные перемены не приносят ничего хорошего, они лишь разрушают установленный порядок, к которому так привыкли господа и рабы, хозяева и слуги.

Дюмон выражает здесь невольную тоску «неоконсерваторов» по патриархальным временам, когда воздух был чистым, реки и озера светлыми, быт пасторальным, а отношения между добрыми господами и верными слугами не омрачались попытками последних изменить существующий порядок. Эту идеологическую фикцию французский антрополог стремится представить как некое современное устремление, одушевляющее «реидеологизаторов» из стана «неоконсерваторов».

Более того, в поисках аргументации, которая подтвердила бы данную концепцию, Дюмон вообще устрем-

ляется за пределы европейской цивилизации и приступает к изучению других, главным образом азиатских культур. Например, индийская кастовость, столь дробная и стабильная, кажется ему идеальной моделью общественного неравенства. В качестве специалиста-антрополога Дюмон от изучения различных каст переходит в сферу социальной философии. Он объявляет зависимое положение одних людей от других нерушимым и даже соблазнительным для самих угнетенных.

Это положение составляет весьма важный пункт неоконсервативной «реидеологизации». Ее приверженцы пришли к выводу, что такие ценности, как свобода и равенство, которые в течение столетий воспринимались как взаимосвязанные, на самом деле несовместимы. Более того, они противоречат друг другу. В реальной социально-исторической практике приходится выбирать: либо свобода — и тогда прощай равенство, либо равенство — и тогда прощай свобода.

Лозунг «свободы, равенства и братства» был выдвинут в свое время поднимающейся буржуазией. Он составлял основу идеологии этого класса в течение исторически длительного периода времени. Поэтому переоценка данных идеалов представляет собой серьезное идеологическое явление, требующее пристального внимания. Чем вызвана потребность в утверждении, будто названные ценности противоречат друг другу?

По мнению американского социолога Р. Низбета, современный капитализм, несмотря на все свои «преимущества и достижения», переживает сегодня «жесточайший в собственной истории кризис», который охватил не только Западную Европу, но и США⁹. Кто же угрожает буржуазному строю? По словам Низбета, во все не противники капиталистической цивилизации. Она гибнет не от ударов извне (со стороны социализма), а изнутри (со стороны неразумных приверженцев данной системы).

Буржуазные критики капитализма, как полагает Низбет, более опасны, чем социалисты. Это фанатичные защитники окружающей среды, прорицатели экологической гибели, люди, страдающие манией безопасности, увеличивающийся слой интеллектуалов, у которых система, основанная на прибыли, вызывает отвращение. Данные изобличители капитализма, отмечает американский социолог, не понимают, что любая экономика, осно-

ванная не на мотиве частной прибыли, является либо «деспотичной, тоталитарной», либо страдает от «бюрократического конформизма шведского типа или от содержащей искру марксизма профсоюзной тирании английского типа».

Почему же частная собственность и основанная на ней система стали объектом усиливающейся критики? Причину этого Низбет видит в «эрозии» и «вырождении» фундаментальных и традиционных американских идеалов, обеспечивших подъем и расцвет капитализма в США, но в течение последнего полувека претерпевающих все более сильное искажение. Один из этих идеалов — республиканизм носит политический характер, два других — равенство и индивидуализм — моральный характер. Именно эти идеалы и подверглись наибольшему искажению.

Так в буржуазной идеологии сталкиваются две различные ориентации. Одна либеральная, сторонник которой Э. Лэд полагает, что традиционные идеалы сохранили свою силу в современной Америке, и другая «неоконсервативная», поборник которой Низбет утверждает, что эти ценности подверглись «эрозии и извращению». Какие же социальные процессы лежат в фундаменте этих идеологических коллизий? Почему возникли столь полярные воззрения на природу традиционных буржуазных идеалов?

Разъясняя свою точку зрения, Низбет подчеркивает, что США с самого начала своего существования были «не прямой народной демократией, а республикой»¹⁰. Ныне же республику из всех сфер жизни вытесняет, как полагает Низбет, левиафан современного бюрократического государства. К концу XX века, отмечает американский исследователь, в Америке получила распространение не идея республики, а образ всекомпетентного, контролирующего человека от колыбели до могилы мощного государства.

Низбет, как мы видим, выступает против одной из центральных идей современного буржуазного либерализма. Ведь именно либералы в предшествующие десятилетия утверждали, что регулирующая роль государства способна выявить огромный потенциал капитализма как системы, внести упорядоченность в стихию частной конкуренции. Теперь же «неоконсерваторы» оспаривают эту идею, согласно которой государство якобы способно че-

рез законодательные мероприятия решить все проблемы американского общества: экономические, социальные, культурные, образовательные, религиозные и даже психологические и моральные.

Отныне, констатирует Низбет, вмешательство государства в жизнь страны не знает границ. Оно стало все более распухающим и всепоглощающим. Разумеется, Низбет прав в том, что буржуазное государство не может справиться с теми острыми социальными противоречиями, которые раздирают капиталистическое общество.

Однако Низбет далек от того, чтобы вскрыть классовую природу государственно-монополистической организации. Пафос его обличений состоит в попытке вернуть капитализм к прежней стадии развития, когда ничто не мешало развитию свободной конкуренции. Он в принципе против того, чтобы государство вмешивалось в стихию частного предпринимательства, брало на себя столь широкие функции.

Почему же так произошло? В силу каких непостижимых причин левиафан, то есть государство, оказался столь всемогущим? Нынешнее состояние американского общества, внушающее автору сильную тревогу, оказалось результатом, как он утверждает, развития и распространения ряда идей, впервые возникших во время Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. Эти идеи Низбет совершенно неожиданно квалифицирует как по существу антилиберальные и антикапиталистические. Он отмечает, что усилиями многих мыслителей был создан «образ политического порядка, который не только установит справедливость, защитит жизнь, свободу и собственность, но станет также во имя гуманности и спасения на этом свете всемогущим, всепроникающим, всекомпетентным государством».

Данная идея вызывает острую неприязнь у Низбета. Он досадует, что идеал сильного государства импонирует интеллектуалам, особенно в период, когда президентом США стал Вудро Вильсон. Именно он в 1917—1920 годах превратил Америку в первое в истории человечества тоталитарное государство после Римской империи¹¹. В этот период, как отмечает Низбет, в Англии, Франции и даже Германии ничто не могло сравниться по широте, глубине и интенсивности с существовавшим

тогда в США политическим контролем над общественной, культурной и духовной жизнью.

В 20-х годах эта система контроля оказалась в значительной мере разрушенной, но последовавший в конце 20—30-х годах экономический кризис привел не только к возрождению, но даже к расширению и углублению всей системы государственно-бюрократического надзора над всеми сторонами общественной жизни. В частности, сторонники нового курса безуспешно надеялись с помощью бюрократического аппарата справиться с экономическими трудностями и обострившимися социальными противоречиями. Сфера бюрократии обрела самостоятельное существование и постоянно разрасталась и во времена процветания, и во времена депрессий.

Уже к 1941 году идея централизованного государства, как выражается Р. Низбет, растлила умы американцев. Война же обеспечила благоприятный климат для расцвета бюрократии, тем более что президент Ф. Рузвельт помог интеллектуалам усилить свое влияние, предоставив многим «людям из университетов» ответственные посты в своей администрации. Последствия всего этого, по мнению Низбета, просто плачевны. «По-видимому, ничто за всю нашу историю не отравило американских интеллектуалов больше, чем приобретенный в годы второй мировой войны опыт реализации неограниченных полномочий над бизнесом, рабочей силой, потреблением, технологией, образованием и культурой».

Низбета тревожит вовсе не процесс разрастания тоталитаристских тенденций, присущих буржуазному государству. Его беспокоит не тот факт, что бюрократия непосредственно обслуживает интересы имущих, проводит политику, угодную правящему классу, осуществляет массовое манипулирование сознанием людей. Американского социолога тревожит только то, что государство присваивает себе те функции, которые, по мнению Низбета, могли бы выполнять сами капиталисты, непосредственные участники свободного предпринимательства.

Буржуазная наука в предшествующие десятилетия немало потрудились над тем, чтобы доказать общественному мнению, будто создание разветвленной государственной машины, включая внедрение элементов планирования в капиталистическую систему хозяйствования, способно разрешить беды капитализма. Теперь же «нео-

консерваторы», как это делает Низбет, утверждают, что нет ничего более враждебного изначальной идее капитализма с его культом частной собственности, чем государственное вмешательство в экономику и политику. «Упоение властью, — пишет он, — мешает бюрократам видеть, что система, к которой они принадлежат, неэффективна, страдает многими изъянами и подрывает идейные устои американского капитализма»¹².

Все эти рассуждения отражают в конечном счете кризис буржуазной системы. Ведь именно ее идеологи надеялись в свое время, что усиление роли государства способно исправить изъяны данного строя, обеспечить его живучесть. Процесс развития капитализма от домонополистического до государственно-монополистического — это объективный процесс. Он вызван вовсе не недомыслием отдельных идеологов или политиков. Как показал В. И. Ленин, в основе этого процесса лежат глубинные социально-исторические предпосылки.

Теперь же, когда выявилась несостоятельность прежних иллюзий, предполагающих спасение капитализма, круг, можно сказать, замкнулся. Если и государственно-монополистическая система не в состоянии обеспечить должной эффективности отжившему строю, тогда надо окончательно признать его обреченность. Но Низбет придерживается иной логики. Он полагает, что важно немедленно сделать несколько витков назад, вернуться к свободной конкуренции, ослабить роль государства. Однако возвращение к прежней стезе, которое выглядит убедительным лишь в сфере идеологических словопрений, на деле утопично. Существование буржуазного государства, государственно-монополистического капитализма — это реальный факт. От него не освободишься волевым духовным усилием.

Развивая «неоконсервативную» концепцию, Низбет отмечает, что одновременно с усилением бюрократии и в неразрывной связи с этим процессом происходило извращение еще одного традиционного идеала — идеала равенства. По мнению Низбета, основатели американского государства уделяли особое внимание равенству, но понимаемому только в одном ограниченном смысле. Речь шла о равенстве перед законом. Впоследствии его стали толковать и в другом значении — как равенство возможностей. Это второе понимание равенства не противоречит, как полагает американский социолог, идее

равенства перед законом, которое «абсолютно необходимо для свободы»¹³.

Эти две версии существовали со времен Т. Джефферсона до 50-х годов XX в. Однако в последующее десятилетие понятие равенства оказалось извращенным. Интеллектуалы стали внедрять в сознание американцев третью версию равенства, предполагающую одинаковые социальные условия и одинаковое распределение общественных благ для всех людей. Низбет считает, что такое понимание равенства было заимствовано из марксистского учения.

Роковой шаг в этом направлении был сделан, по мнению Низбета, администрацией Дж. Кеннеди. «Он и его могущественные советники, — пишет американский социолог, — подарили Америке, во-первых, милитаризм, который вовлек нас в невероятно бессмысленный поход во Вьетнам, во-вторых, новую и более высокую степень федерального вмешательства в американскую науку, технологию, образование и социальное обеспечение и, в-третьих, призыв к равенству — не только перед законом и не только к равенству возможностей, но к равенству экономических, социальных и даже психологических условий»¹⁴.

Да, несомненно, времена ныне уже не те. Низбет, например, готов даже изобличить американскую авантюру во Вьетнаме, лишь бы дискредитировать одновременно и идею равенства. При этом американский социолог сознательно отождествляет буржуазно-либеральное и марксистское понимание проблемы.

Либеральное понимание равенства, против которого выступает Низбет, разумеется, не имеет ничего общего с марксизмом. Говоря об экономической несправедливости, буржуазные идеологи вовсе и не помышляют об уничтожении классов. Они обращают внимание лишь на существенные различия между доходами различных людей, не принадлежащих к господствующему классу. Чтобы эти противоречия не выглядели кричащими, либералы предлагают буржуазному государству осуществлять разумную социальную политику, то есть по мере сил выравнивать доходы за счет предоставления некоторых привилегий тем или иным социальным слоям.

Вполне ясно, что усилия буржуазного государства в этом отношении весьма скромны. На бесцельность

такого рода мер и обратили внимание «неоконсерваторы». Однако, развертывая идеологическое наступление на либералов, они рисуют дело таким образом, будто последние толкуют о фактическом равенстве, стремятся выравнять социальные условия эксплуататоров и эксплуатируемых.

Равенство условий, вещает по этому поводу Низбет, недостижимо, ибо оно полностью противоречит закону естественного отбора. Стремясь достичь невозможного, либералы создают тоталитарный режим, который рушит равенство людей перед законом. Иначе говоря, хочешь быть свободным — забудь о равенстве. Добиваешься равенства — стало быть, покушаешься на свободу индивидов. Такова чисто буржуазная логика Р. Низбета.

Из всех социальных и моральных ценностей, отмечает он, равенство — самый опасный для любого социального порядка идеал. Еще известный французский социолог А. Токвиль отмечал, что невозможно достичь такой степени равенства, которая казалась бы всем справедливой. Подобное равенство порождает самое низменное из всех человеческих чувств — зависть. Таким образом, по сути дела Низбет переводит разговор в русло абстрактных моральных сентенций, основой которых служит представление об ущербе для людей, одержимых завистью, агрессивностью и т. д.

Стало быть, существование классов оказывается неустрашимым, так как оно соответствует человеческой природе. Попытки же ликвидировать эксплуатацию, социальное расслоение, построенное на частной собственности, оцениваются как нарушающие свободу людей. Но вполне очевидно, что речь идет не просто об абстрактной свободе, а о полновластном праве капиталистов обогащаться за счет рабочей силы.

Низбет сетует на то, что распространение идеи равенства условий привело США к весьма печальным результатам. Многие американцы утратили столь драгоценные буржуазные качества, как погоня за наживой, предприимчивость и пр. Они не любят капиталистическое общество, не верят в частную собственность и питают отвращение к прибыли и конкуренции.

Как видим, традиционная доктрина «равенства возможностей», которая в течение ряда лет служила основой буржуазной демагогии, переживает сейчас глубокий кризис. Социальная политика, направленная якобы на

выравнивание доходов, на самом деле лишь углубила фактическое неравенство. Разрыв в уровне жизни между буржуазией и остальной частью общества все более возрастает. В этих условиях «неоконсерваторы» ведут речь о создании различных социальных страт, каждая из которых имела бы свой уровень жизни и отличалась бы от других общественным положением. Классическим примером такого подхода они считают средневековую Европу. Сегодня в капиталистическом мире активно пропагандируется такого рода «сословная идеология».

Переживает деградацию и третий основной идеологический устой американского общества — индивидуализм. Как течение, по словам Низбета, он оформился в XVII—XVIII веках и достиг наибольшего расцвета именно в США. Если бы не интеллектуалы, то есть воинствующие либералы, то, по словам американского социолога, человек, отвечающий за свои поступки, упорно и много работающий, приобретающий накопления и обеспечивающий себя и свою семью, остался бы для американцев национальным героем¹⁵.

Однако к концу 30-х годов либералы внедрили в сознание американцев иное представление об ответственности человека за свои поступки, его способностях и возможностях. Еще при новом курсе президента Ф. Рузвельта получила распространение идея о том, что человек не несет ответственности за то, что выпадает на его долю, что если он лишается работы, терпит банкротство или впадает в нищету, то вина за это лежит на системе.

Исходным пунктом рассуждений Низбета служит апологетическая идея, будто капитализм является идеальным социальным устройством, где усердие и инициатива вознаграждаются неукоснительно, где каждый может найти свой шанс, если только он сохраняет буржуазные добродетели, то есть стремится к выгоде. Он делает вид, что в капиталистическом обществе не бывает безработицы, экономических потрясений, инфляции и других бедствий, ответственность за которые никак не может нести рядовой человек буржуазного мира.

Рассуждения Низбета чреваты неразрешимыми противоречиями. С одной стороны, в соответствии с исходной антропологической посылкой предполагается, что человеческая природа чуть ли не генетически подвержена всякого рода искажениям, изъянам. С другой сто-

роны, выдвигается требование, чтобы каждый индивид действовал с наивысшим осознанием своей ответственности перед буржуазным обществом и его моральными принципами. Низбет пытается свалить на человека вину за все «грехи» капитализма. Не выдержал конкуренции — значит слабак, непредприимчив; оказался без работы — стало быть, не позаботился вовремя о профессиональной незаменимости; пострадал от инфляции — ну что ж, видимо, не сумел учесть экономической конъюнктуры.

Где же выход из положения? Низбет, как и другие «неоконсерваторы», находит решение. Скрытый, но постоянно обнаруживаемый мотив его рассуждений — призыв к послушанию, к железной дисциплине, к ужесточению всякого рода регламентаций, которые неукоснительно порождают столь желаемое для Низбета единомыслие.

Низбет решительно осуждает все, что уводит человека из мира дисциплины. Он осуждает аффективность человека, его безответственность, которая, по мнению американского социолога, и порождает «левые» настроения. Другой «неоконсерватор» И. Кристол выдвигает задачу определенного ужесточения контроля над индивидом, целенаправленного воспитания и перевоспитания в духе традиционных буржуазных ценностей¹⁶.

При этом речь идет не только о таких мерах, как, скажем, введение цензуры на порнографию, но и о тщательном контроле над духовными убеждениями человека. С одной стороны, «неоконсерваторы» критикуют современное буржуазное государство за то, что оно присвоило себе чрезмерную власть, в том числе в области духовной жизни, с другой — те же самые идеологи выдвигают обширную программу «фашизации сознания», то есть введения жестких дисциплинарных рамок поведения, решительного искоренения всяких идейных веяний, не совпадающих с духом капитализма.

Западногерманский социолог Х. Шельски проводит различие между так называемым «самостоятельным» и «опекаемым» человеком. Его симпатии, естественно, складываются в пользу первого. Однако из рассуждений Шельски вытекает, что без опеки все-таки не обойтись: ведь «самостоятельный» человек утратил многие гражданские добродетели. Пора напомнить ему о них, а где понадобится, может быть, и выкрутить руки¹⁷.

Все эти призывы осуществляются под аккомпанемент антропологических теорий, из которых вырастают требования: вернуть человека природе, возродить традиционные формы регулирования его поведения. Так, французский биолог Ж.-М. Пельт, допуская в принципе вырождение человечества как вида, одновременно видит наибольшую опасность в отходе людей от тысячелетней культурной традиции, а именно религиозной веры, без которой, как он полагает, человек не может жить нормально¹⁸.

Таковы некоторые общие моменты «реидеологизаторской» версии «неоконсерватизма». Общая ее тенденция состоит, как мы видели, в том, чтобы возродить утраченную веру в капитализм, отбросив либеральные идеалы, главным из которых считается идея равенства как якобы противоречащая духу свободы и частного предпринимательства. Эти специфически буржуазные трактовки свободы и равенства отражают «неоконсервативную» критику попыток либералов, которые стремились к реализации лозунгов «помощи», «социальной поддержки» и т. д. Показывая несостоятельность этих устремлений, «неоконсерваторы» перешли к открытой защите общественного неравенства как якобы вполне оправданного и законного жизненного уклада.

«Неоконсервативная» версия «реидеологизации» знаменует собой отречение от социальных идеалов, которые издавна служили устоями буржуазного мировоззрения. Открыто признавая утопичность лозунгов «свободы и равенства», реализация которых в капиталистическом мире оказывается невозможной, идеологи «неоконсерватизма» одержимы стремлением усилить реакционную идеологию открытым антипрогрессизмом, узаконенным неравенством, разделением общества на «толпу» и «избранных», призывами к дисциплинарному единомыслию. Эту политическую мифологию «неоконсерваторы» хотят представить как «ценностную революцию».

Однако предложенная ими «ценностная революция», открыто признающая неосуществимость передовых социальных идеалов, предполагает возрождение реакционных, изживших себя лозунгов, питательной почвой которых служит мистицизм, средневековая теология, ушедшие в прошлое политические представления. «Неоконсерваторы» на практике активно содействуют ветрам

«холодной войны». Они выступают за ужесточение внешнеполитического курса.

«Реидеологизаторская» волна в понимании «неоконсерваторов» призвана захлестнуть прогрессивные, демократические устремления и содействовать созданию тоталитарного буржуазного государства.

ГЛАВА VII

СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ КАК МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ»

Немалое число буржуазных политических деятелей и социологов оценивает идеологию как ложное сознание. Но отсюда вовсе не следует для них, что такое мышление должно быть устранено. Напротив, отдавая себе отчет в иллюзорности буржуазных идеологических представлений, они говорят о необходимости обновления этих иллюзий. Так мы сталкиваемся с еще одной версией «реидеологизации» — преимущественно мелкобуржуазной. Сторонники ее отождествляют идеологию с социальной мифологией.

Так, известный социолог Л. Фойер, оценивая современную историческую ситуацию, ставит вопросы: что заставляет молодежь именно в идеологиях искать ответ на актуальные вопросы жизни? Как возникает мода на ту или иную систему воззрений? Способствует ли идеология рациональному пониманию политических и социальных проблем и их решению? ¹.

По мнению Фойера, взлеты и падения идеологического воодушевления всегда сопутствуют истории. Он полагает, что современная «реидеологизация» — результат выхода на политическую арену нового поколения, которое, естественно, имеет свои представления о мире и пытается реализовать их в наличном бытии. Молодые интеллектуалы, повествует Фойер, находят в идеологических мифах ответ на свои эмоции, обретают в них цель жизни и призыв к действию для достижения власти.

Такого рода «реидеологизаторы» превращают ценностно-ориентирующие элементы идеологии в примитивную символику, в упрощенные стереотипы и эмоционально-нравственные мифы. С точки зрения многих мелко-

буржуазных теоретиков, совершенно неважно, соответствует ли та или иная идея истине, исторической правде, отражает ли она объективные общественные тенденции. Иррационалистов интересует другой критерий: способен ли данный миф сплотить людей, воодушевить их, углубить веру в земные или, напротив, потусторонние силы.

С этой точки зрения, Фойер утверждает, что во всех идеологиях, будь то структурализм, маркузианство, бакунизм, негритюд, национализм и т. д., можно обнаружить некие постоянные структуры мифа. Это — вечный мотив избавления страдающих, стереотип высокой миссии спасения, представление о грядущем рае и т. д. Миф обладает огромной притягательной силой для молодых интеллектуалов разных эпох. Он «реидеологизирует» их, то есть призывает к новым свершениям.

Однако действительно ли подлинные цели и мотивы поведения людей получают в идеологии, как это утверждает Фойер, превратное, а порой прямо противоположное истолкование? Такой вывод научно несостоятелен. В данной трактовке история оказывается каскадом ложных устремлений, лишенных логики и элементарной мотивации. В этом случае социологу остается лишь одно: регистрировать те мифы, которые вызвали к жизни общественные движения и неоправданный массовый энтузиазм.

До возникновения научной идеологии люди действительно не могли объяснить реальный механизм истории, показать фактические пружины общественной динамики. Но это вовсе не означает, будто они ставили перед собой лишь иллюзорные цели. Выдвигая те или иные идеалы, передовые социальные слои обосновывали свою историческую правоту. В сущности речь идет совсем не о ложных ориентирах, а о назревших общественных потребностях.

Разумеется, при этом важно учитывать, что ненаучная идеология отражает классовые интересы. Поэтому вполне естественно, что многие проблемы, а нередко и коренные ее устои получают в ней извращенное, тенденциозное истолкование. Кроме того, в идеологии классов, пытающихся утвердить новую формацию, можно обнаружить также и всякого рода идеализации, подчас не связанные с корыстными побуждениями, а отражающими моральный пафос нового движения. Вот почему в

идеологии соседствуют реальные и иллюзорные элементы, конкретные идеалы и их мифические образы.

Было бы ошибкой не видеть конкретно-исторического содержания идеологий, которые предшествовали марксизму-ленинизму, и на этом основании отождествлять их с мифологией. Пример научного подхода к идеологии как к духовному образованию дали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они тщательно проанализировали сознание эпохи Просвещения — идеологию ранней буржуазии.

Прежде всего они выделили в ней ядро назревших общественных проблем, прогрессивных исторических требований. Затем они показали оправданность и некоторых заблуждений. Так, буржуазия отождествляла конкуренцию с освобождением человека. Для XVIII века такая экономическая практика была единственно возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития. Провозглашение свободы сознания было, по мысли К. Маркса, «смелым и открытым шагом вперед, было просвещением»².

К. Маркс и Ф. Энгельс показали и мифологическую природу буржуазной идеологии. Они доказали, что апелляции просветителей к вечной истине, вечной справедливости, равенству выполняли роль идеологических фикций буржуазного сознания. В трудах основоположников научного социализма были проанализированы и сознательные попытки апологетов капитализма создать политическую мифологию, превратить ее в средство манипулирования общественным сознанием.

Если же говорить о научной идеологии, то применительно к ней понятие мифа предельно несостоятельно. Марксисты не строят никаких иллюзий. Они оценивают общественное развитие как объективный процесс. На этой основе вырабатываются конкретные научные рекомендации, позволяющие реализовать в самой социально-исторической практике те или иные идеалы.

Следовательно, попытка Фойера отождествить идеологию с мифологией представляет собой крайне односторонний и чрезвычайно предвзятый взгляд на данное социальное явление. Фойер полагает, что, сколь бы ни была разветвлена идеология, сколь бы она была развернута, в ней всегда можно отыскать набор «вечных мифов», то есть одних и тех же мыслительных конструкций. Так, миссия избавления от гнета воодушевляла

идеологов национализма, она, по Фойеру, сопутствует и борьбе пролетариата против буржуазии.

Однако что же доказывает эта отвлеченная ссылка на «вечные сюжеты», прослеживаемые в идеологиях? Человек на протяжении своей жизни постоянно сталкивается с проблемами трагедий, героизма, долга, жертвы, смерти. Эти так называемые экзистенциальные темы по сути дела подкарауливают каждого индивида. Но означает ли это, что именно возобновляемость данных ситуаций говорит об их иллюзорности? Что можно вообще извлечь из факта самой неустранимости темы? Неуничтожимость проблемы отнюдь не свидетельствует об ее иллюзорности.

Классы тем более сталкиваются с одними и теми же проблемами: осознание своей исторической роли, борьба с отжившими социальными силами, революционное обновление действительности, становление и закат. Борьба классов составляет содержание истории, ее общественную динамику. Поэтому нет сомнения в том, что в каждой идеологии можно выделить некоторые элементы, поддающиеся классификации. Но означает ли это, что идеология находится в порочном кругу одних и тех же бесплодных устремлений, как это утверждает Фойер?

Разумеется, нет. Между очередным возобновлением темы лежит целая полоса исторического развития, в ходе которого реализуются конкретные социальные идеалы или, наоборот, выделяется их необоснованность, неоправданность.

Несомненно, идеологи национализма апеллировали к идее избавления. Но она расшифровывалась как борьба против иноземного угнетения, за создание самостоятельного государства, за возвышение и укрепление его. Пролетарская «миссия избавления» связана с реализацией более широких социальных идеалов. Речь идет об уничтожении классов, о создании бесклассового коммунистического общества. Стало быть, возобновление лозунгов «свободы», «социальной миссии» и т. д. отнюдь не свидетельствует о том, будто в истории правят одни иллюзии, одни идеологические фикции.

Фойер далее объявляет, что любое философское течение — это лишь набор идеологических клише, каждое из которых может включаться в контекст различных общественных движений.

Но что удивительного в том, что идеологи разных классов используют элементы одного и того же воззрения. Классическая немецкая философия, например, служила обоснованием и защитой буржуазного порядка вещей. Но она послужила также импульсом для развития некоторых социалистических идей. Все это никак не свидетельствует о политической нейтральности идей.

Фойер далее приходит к мысли, что в структуре идеологии как мифа решающее значение имеют эмоции. Корни «тотальности идеологии» он советует искать не в экономических особенностях жизни общества, а в эмоциональной сфере молодого поколения. Оно якобы использует все способы для демонстрации своего неприятия ценностей и идей старшего поколения. Это выражается в одежде, еде, привычках, манере держаться и говорить. В этих рассуждениях Фойера абсолютизируются некоторые процессы, присущие сегодня буржуазной действительности. Многие массовые движения, возникающие в недрах капитализма, не имеют развернутых социальных программ, ясных идейных устоев. Все это подменяется в них специфической символикой, набором различных мифов и представлений. Слабость многих течений мелкобуржуазного, утопического толка проявляется именно в том, что они идейно рыхлы, фрагментарны, пестры.

Если в классическом виде идеология представляла собой относительно завершенную систему взглядов, то в современном буржуазном обществе то и дело возникают конкретные умонастроения, активно вербующие своих сторонников, но лишенные необходимой стройности, а иногда и сколько-нибудь определенной выраженности. Перегруппировка социальных сил ныне происходит так быстро, что серьезное аналитическое формулирование новых духовных веяний нередко заметно отстает от реального функционирования тех или иных общественных движений. Так, некоторые радикалистские течения демонстрируют массовый протест против капитализма. Он находит свое отражение в эмоциональном подъеме, в нежелании следовать господствующей морали. Но развернутой идеологии такого рода движения (в частности, это относилось к «новым левым») не выработали.

Однако правомочно ли, как это делают мелкобуржуазные идеологи, видеть в идеологии некий набор аффективных клише, отвлеченных стереотипов или многознач-

ных образов. Такой подход отражает абсолютизацию некоторых сторон буржуазной идеологии, ее различных форм в том виде, как они складываются сегодня. Однако нет никаких оснований возводить данные способы существования идеологии в общесоциологическую закономерность, что делает Л. Фойер.

Главное назначение идеологии, подчеркивает он, — дать драматический план действий, миф, или, как теперь говорят на Западе, сценарий, для свержения прежней интеллектуальной элиты. Следовательно, идеологическая волна начинается всегда с эмоций, затем приходит миф и, наконец, действие. Вместо рассмотрения идеологической волны в ее исторической конкретности, в ее живом содержании, Фойер предлагает еще одно клише, лишенное по сути дела всякого содержания.

В «новой идеологии» всегда есть и логические, и эмоциональные стороны. Но, несомненно, судьба ее зависит не от накала страстей, а от способности идеологов осмыслить социальные процессы, раскрыть мировоззренческие аспекты той или иной социальной позиции, «оправдать» конкретные классовые интересы и потребности.

Буржуазная идеология все в большей степени функционирует как социальная мифология. Арсеналом ее, как подчеркивал еще К. Маркс, могут служить богини свободы, равенства и братства³. Сегодня к этим кумирам добавляются и новые идола. Речь идет о таких специфических мифах мелкобуржуазного радикализма, как «духовная революция», «культурное возрождение», «мистическое озарение» и т. д.

Например, американский социолог Т. Роззак пытается выразить новый мистицизм, противостоящий духовной культуре современного Запада. Он изобличает науку, урбанистический индустриализм, которые, по его словам, «создали пустыню вокруг и внутри нас»⁴. Взамен науки он выдвигает такие специфические мифы, как возврат «религиозного импульса», «богомольное обновление», возрождение фантазийных элементов сознания, культ общины и т. д. «Самые ценные символы человеческой культуры, — пишет Роззак, — пришли к нам от первых поколений особо одаренных провидцев, гениальных шаманов с уникальными способностями. Вероятно, в раннем сознании человечества были такие мгновения, когда интуиция наталкивалась на продуктивные озаре-

ния... Мифы и оккультная традиция поведают нам об этом периоде нашего развития гораздо больше, чем наука»⁵.

Роззак призывает к восстановлению утраченных мистических способностей человека. Он изобличает болезнь духа — рационализм, который называет «черной чумой нашего времени». Он возвещает, что сегодня все больше людей ищут опору в мистике, в знаках зодиака, в йоге, в шаманистике. Роззак оценивает это как знамение времени, как событие гораздо более значительное, чем покорение космоса.

Возрождение интереса к религиозно-мистическим антиобщественным учениям, увлечение богоискательством среди сторонников молодежной «контркультуры», которые разочаровались в идеологиях и «мирских» концепциях и обратились к «божественному просветлению», оказались результатом и наглядным выражением общего кризиса буржуазного сознания. В ситуации, когда идейное течение империализма не способно предложить людям ни окрыляющих истин, ни социального идеала, возникает запрос на мифологию.

«Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических*, — разъяснял в свое время Ленин, — гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки»⁶. Вот почему разоблачение новейших версий «духовного обновления», влекущих за собой дальнейшую мифологизацию сознания, представляет актуальную задачу для исследователей-марксистов.

Еще одной разновидностью мелкобуржуазного мифологического мировосприятия может служить культ общины. Многие авторы предлагают отказаться от современного урбанистического общества и приступить к созданию различных сект, братств, коммун. На развитие этих представлений повлияли многочисленные религиозные эксперименты минувших десятилетий, когда в буржуазном мире стали как грибы расти многочисленные «закрытые» секты и сообщества. Несомненно, общинная мифология получила импульс после выхода работ таких буржуазных философов и социологов, как Э. Фромм, Ч. Эразмус, М. Ласки, Ж. Леметр.

Последняя работа американского философа Э. Фромма, изложенная предумышленно проповедническим то-

ном, представляет собой утопический манифест «радикального гуманизма». Автор утверждает, что за душу человека искони борются два начала: принцип обладания и принцип бытия. В современном мире, как полагает Фромм, возобладал первый принцип. Но может ли погоня за наживой и удовольствием стать содержанием человеческой жизни?

В работе американского философа мы сталкиваемся с меткой и подчас пронизательной критикой «потребительской психологии». Однако она сопровождается у него демонстрацией мелкобуржуазных иллюзий, что в значительной мере снижает ценность его изобличительных усилий. К. Маркс еще в 1844 году писал: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его потребляем... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания»⁷.

Критикуя частнособственническую психологию, Фромм ставит вопрос, осуществима ли «гуманистическая утопия мессианского века» — создание такого общества, где производство удовлетворяло бы реальные потребности людей, а не нужды экономической системы? Как добиться того, чтобы между человеком и природой установились отношения сотрудничества, а не эксплуатации?⁸

Фромм предлагает создавать первичные неформальные группы, где люди знают друг друга непосредственно и в основе которых лежат общие интересы, единые духовные устремления. Именно в этих общинах, как он полагает, можно преодолеть дух отчуждения, социальной иерархии, духовной манипуляции.

Однако опыт существования различных экономических и религиозных коммун в буржуазном мире показал, насколько утопичны эти представления. Неформальные группы никак не могли избавиться от так называемой структурности, то есть в них так или иначе возникало новое расслоение, обнаруживалось имущественное неравенство. Многие руководители сект оказались миллионерами, поскольку использовали популярность таких сообществ и созданную вокруг них буржу-

азную рекламу. Секты и коммуны, как и следовало ожидать, оказались не в состоянии избавиться от воздействия принципов того общества, где они развернулись.

Не возникло в такого рода братствах и ячейках и духовной близости. На микроуровне члены групп столкнулись с теми же самыми проблемами, от которых они страдали в большом мире империализма. Взаимное отчуждение, эмоциональная глухота, нетерпимость к инверсам или инакомыслящим, моральная агрессивность преследовали людей и в их добровольном уединении. Община оказалась не оазисом, а обычным отсеком капиталистического общества со всеми его противоречиями и особенностями.

Мелкобуржуазная мысль и сегодня продолжает создавать новые мифы «гуманизации мира», «мелкобуржуазного уравниательства», «утопии дебюрократизации». Так, французский исследователь Ж. Леметр предлагает проект нового гуманного общества, которое возникнет на базе идеологии так называемого «либеризма», то есть освобождения мира от бюрократических структур в экономике, политике и культуре.

Капитализм, пишет автор, возник как прогрессивный общественный строй и оставался таковым до момента удовлетворения основных материальных потребностей населения, после чего вошел в стадию «организованного расточительства». В силу своей природы капиталисты не могут пойти на сокращение производства. Именно этим объясняется, по мнению Леметра, насаждение ими «потребительской идеологии», оправдывающей бесконечное наращивание производства⁹.

Важнейшими предпосылками «либеризма» как нового общественно-политического строя Леметр считает высокий уровень развития производительных сил и принятие «новой идеологии» на основе полной переоценки ценностей. В настоящее время, пишет он, «идеальным обществом многим ошибочно представляется такое общество, которое стимулировало бы непрерывное увеличение производства предметов потребления для все более полного удовлетворения растущих потребностей»¹⁰. Однако уже сейчас, подчеркивает автор, возможно полное удовлетворение реальных, а не искусственно вызываемых материальных потребностей людей.

Политическая организация общества при «либеризме» будет строиться, согласно автору, на ограничении власти государства и сосредоточении ее в руках как можно большего числа общественных организаций и индивидов. Такое рассредоточение власти, рассуждает он, позволит трудящимся противостоять всем попыткам возврата к антидемократическим формам правления.

Итак, Леметр предлагает изменить характер производства при капитализме. Однако какие социальные силы могут вызывать переоценку ценностей, намеченную французским социологом? Разве владельцы фабрик и заводов откажутся от извлечения прибыли, от дальнейшего истощения материальных и людских ресурсов, если это заложено в самой природе буржуазного хозяйствования? Разве империалистическое государство пойдет на передачу своих функций общественным организациям?

Теория «либеризма», пишет автор, может показаться реакционной и утопической, ибо она направлена против дальнейшего прогресса современного общества. Однако такой эта теория, по его мнению, может показаться только на первый взгляд. Все большее число людей понимает, что прогресс современного общества ведет к хаосу. Невозможен бесконечный рост населения, нельзя безудержно разрушать окружающую среду, постоянно усложнять бюрократический аппарат.

Все это так. Но осознание этих процессов, их разрушительности — это еще не решение самой проблемы. На пути реализации данной мелкобуржуазной утопии, где будет ликвидирована лень, потребительство, расточительство, принуждение и другие пороки нынешнего буржуазного общества, встают реальные трудности, ведь капитализм ежечасно порождает их. Однако все эти благопожелания не имеют действительной ценности до тех пор, пока не уничтожены устои капиталистического порядка вещей, не создана общественная собственность на средства производства.

Некоторые леворадикальные теоретики, впрочем, полагают, что в современном мире идеи и ценности утратили свою значимость. Новое мышление должно базироваться либо на практицизме, либо на новейшей мифологии, которая обеспечивает прорыв в иную реальность, идет ли речь о религиозном, «контркультурном» или мистическом возрождении. В сентябре 1978 года во фран-

цузских газетах появились огромные, размером в целую страницу, сенсационные сообщения о выходе в свет необычного номера еженедельника «Пуэн». На его обложке красовался девиз: «Идеи: большая чистка».

Редакция журнала объявила, что на смену идеологии шествует англосаксонский вкус к практицизму. Речь по сути дела шла о том, чтобы подменить мировоззрение повседневным «акционизмом», то есть политическими действиями, направленными против господствующего строя. «Не находимся ли мы у истоков нового мышления?» — вопрошали журналисты. Они объявили, что «идеологии лопаются», поэтому настало время иных форм мировосприятия, чуждых аналитическому рассуждению, системности и т. д.

В журнале говорилось: «Наша запутанная эпоха, наше конвульсивное общество движутся как будто бы к могиле. Нам напевают со всех сторон, что мы живем у последних костров эпохи упадка... Возможно! Ну, а что если мы, напротив, встречаем зарю новых времен, вступаем в новый этап развития человеческой мысли? Что если это — поворотный момент, когда человечество, уставшее от речей, теорий, лжи, преступлений, войн, тирании, геноцида, порожденных тремя тысячелетиями культа человека и тремя столетиями культа разума, перечеркивает свои заблуждения, перестраивает свой язык и заново моделирует свое мышление?.. Конвульсии или обновление? Это еще надо поглядеть»¹¹.

Арсенал новой мифологии весьма обширен. Речь идет о том, чтобы противопоставить идеологии как ограничительному сознанию новое мышление без запретов и предрассудков. Иначе говоря, действуй без оглядки на идеологию, на свод различных установлений. Планируй то, что кажется несбыточным. Реализуй невозможное. Политический обозреватель журнала «Пуэн» П. Бийар, пытаясь хоть как-то конкретизировать намечаемую «реидеологизацию», отождествляемую с «ремифологизацией», сообщает, что люди утратили интерес к большим сообществам. Отныне надо привыкать к малым масштабам: маленький поселок, маленькое предприятие, маленькая ассоциация, коммуна, община.

Далее, как повествует Бийар, надо отказаться и от коллективных революционных действий, инспирируемых идеологией. Индивидуальный романтический бунт, несоблюдение кодекса большого мира, внутренняя эмигра-

ция, аполитичность. И вместе с тем постоянно шокирующие благопристойное общество поступки. Это ли не образчик соблазнительной мифологии. И снова проповедь религиозного возрождения в разных формах.

Уточняя программы такого рода, известный французский социолог и литературовед Р. Эскарпи в своей книге «Быть "левым"» формулирует некоторые способы современной активности. Он предлагает подписывать манифесты, содержащие протесты против политического строя, внедряться в государственный аппарат и подрывать его, создавать масонские ложи и карбонарские венты, культивировать индивидуальный бунт¹².

Такого рода «реидеологизаторские» предложения находят свое отражение и в теории идеологии. Появляются исследования, авторы которых отождествляют идеологию с мифологией, доказывают их функциональную близость. Например, буржуазный социолог А. Вайнер ставит вопрос о выработке так называемых «целеполагающих» мифов. При этом слово «идеология» наделяется автором отрицательным смыслом, ибо под ним подразумевается отживший миф, то есть такое духовное образование, которое утратило свою способность объединять помыслы людей¹³.

С точки зрения Вайнера, научное знание не может выполнять те функции, которые присущи мифу. В частности, наука не в состоянии ответить на вопрос о смысле и целях человеческого бытия. Даже если бы все научные проблемы оказались решенными, это ничего не изменило бы в постановке жизненных значений. Стало быть, как разъясняет Вайнер, именно миф позволяет человеку преодолеть «важнейшие экзистенциальные травмы».

Иначе говоря, человек, согласно Вайнеру, постоянно встречается в своей жизни с острыми неразрешимыми проблемами. Болезненно переживая разорение, крушение иллюзий, страх смерти, бездуховность, индивид оказывается в весьма мучительной ситуации. Что же может, по мнению Вайнера, помочь ему? Идея? Но она абстрактна, плохо соотносится с реальным состоянием личности. Спасение только в мифе, ибо он отражает вечные сюжеты, содержит в себе размытый смысл, в котором каждый может «вычитать» все, что ему заблагорассудится. Только миф наполняет человеческое существова-

ние неким одушевлением, ибо он приобщает индивида к вечному, непреходящему, постоянно воскрешаемому.

Ссылаясь на М. Вебера, Ф. Ницше, Л. Витгенштейна, автор книги раскрывает, как он полагает, ограниченность научного знания и полноправную мощь мифа, способного будто бы раскрывать человеческую природу и механизмы общественной эволюции. Так создается своеобразная мифология мифа, который, как выясняется, может содействовать перестраиванию общественного бытия, регулировать внутренние социальные связи, придавать глубочайшее значение этическим нормам, вооружать человечество сверхличностными целями.

Целеполагающие мифы, по мнению автора, порождаются важнейшими чаяниями наций или иных социальных объединений и связаны со специфическими для данной эпохи политическими, экономическими, социальными и психологическими потребностями и устремлениями¹⁴. Среди великих мифов прошлого Вайнер различает два типа мифов: религиозные и светские. Религиозные тяготели к универсализму и обещали благодать всем истинно верующим, которые провозглашались равными перед богом. Светские мифы выступали в роли стимулятора общественного развития.

Вайнер по сути дела предпринимает попытку переписать всю буржуазную социологию с позиций обособываемой им роли мифологии. Все общественные проблемы (соотношение личности и общества, рационального и иррационального, статики и динамики) получают у него освещение только через одну призму — через призму эффективного или неэффективного мифа.

По мнению Вайнера, целеполагающие мифы, как и все остальные порождения человеческого сознания, имеют свою юность, достигают поры зрелости, приходят в упадок и умирают. Кризис целей происходит тогда, когда господствующие целевые установки становятся слишком узкими, то есть когда социальная структура, поддерживаемая ими, и механизм саморегулирования, встроенный в эту структуру, теряют контроль над процессами, которые они должны регулировать.

Во всех этих рассуждениях нет ничего нового. Буржуазная социология попросту повторяет то, что прежде соотносилось со словом «идеология». Однако если раньше происхождение идей и ценностей выводилось из потребностей разума, из рационалистических побуждений,

то отныне знак плюс повсюду меняется на знак минус. Миф, как оказывается, порождается иррациональными влечениями, он сплачивает людей вокруг далеко не всегда позитивных целей.

Вайнер формулирует эту мысль с предельной ясностью. «Будучи выразителем глубинных человеческих эмоций и обладая одновременно огромной силой аффективного воздействия, целеполагающий миф представляет собой мощный источник мотиваций и является в силу этого одним из важнейших двигателей исторического процесса, иррациональным фактором социальной динамики»¹⁵.

Единственно, о чем скорбит автор, что вызывает его искреннее огорчение, — это об отсутствии подходящих мифов. Оказывается, замена слова «идеология» на слово «миф» ничего не перестраивает по сути дела. Опять-таки возникает проблема мифологического «вакуума». Провозглашая «ремифологизацию», А. Вайнер обнаруживает, что ничто не устраняет дефицита мифов. Нет ни идей, ни мифов, способных воодушевить людей, вызвать массовый энтузиазм.

Проделав мучительную эволюцию от идеологии к мифологии, от аналитического постижения реальности к ее стихийному, безотчетному мировосприятию, от целеполагающего мифа к бессодержательному «имиджу» («образу»), буржуазная социология столкнулась с теми же самыми проблемами: где найти духовные ресурсы в обстановке их предельного истощения? Как преодолеть кризис в условиях его безостановочного углубления? Чем увлечь массы в ситуации повального безверия?

Ощущая подорванность своих усилий, бесплодность всех «реидеологизаторских» устремлений, некоторые теоретики прибегают к отчаянным формам решения проблемы. Это выражается в безысходных призывах к разоблачению всех разновидностей мифа, а заодно и к дискредитации всякой социальной мысли, независимо от того, какое содержание она заключает в себе, в прославлении экстремистских и террористических актов, в раздувании антикоммунистической истерии.

Примером могут служить традиционные коллоквиумы, которые проводятся в Римском университете. В них участвуют ученые из различных стран, в том числе США, Италии, Франции, ФРГ. Речь идет о том, чтобы разоблачить бытующие мифы, раскрыть их реальное со-

держание. Участники коллоквиума говорят о пагубной роли всякой идеологизации и приступают к процедуре так называемой мифизации, то есть разоблачению идей и идеалов.

«Реидеологизаторы» этой ориентации, с одной стороны, пытаются усилить духовную энергию буржуазного мира. В поисках конечного смысла жизни они исповедуют религиозный, универсалистский, мессианский пафос. С другой стороны, эти же мыслители приходят к мысли о бесплодности своих усилий, признавая, что их собственные мифологические построения столь же односторонни, ограничены, тенденциозны. Мифология, заменившая буржуазную идеологию, наследует ее врожденные свойства. Она порождает ложные ориентиры, возбуждает страсти, вызывает к жизни всякого рода ожидания, однако не может указать действительные формы социальной активности, которые могли бы содействовать прогрессу, улучшению жизни, изменению существующего порядка, обогащению духовности. Так рождается ситуация отчаяния, чреватая безотчетным фанатизмом, порождающим «лево»- и правоэкстремистские программы «новой активности».

Никогда прежде левачество не было столь многоликим: от крайне авантюристических, диверсионно-террористических форм до так называемого левацкого реформизма, который заметно активизировался в ряде капиталистических стран (Франция, Англия, США, Скандинавия). Отличительной чертой большинства левацких движений является признание вооруженной борьбы единственным эффективным средством ликвидации капитализма. По мере сокращения социальной основы левацких движений стали усиливаться террористические тенденции. Индивидуальный террор стал главной формой деятельности ряда левацких группировок.

Разумеется, деятельность экстремистов не принесла желаемых результатов. Вместо усиления революционных настроений она вызвала массовое недовольство и осуждение, что привело к углубляющейся изоляции террористов.

Современный «лево»экстремистский терроризм выступает не в прежней форме единичных актов, направленных против высокопоставленных функционеров режима. Убийства, разрушения и шантаж становятся повседневным и единственным средством борьбы. Впечатляю-

ща динамика террористической активности в последние годы. Так, в Италии в 1968 году было совершено 173 террористических акта, в 1975—750, в 1976—1098, в 1977—2128, в 1979 году — 3010. «Лево»экстремистская практика включает не только акты индивидуального террора, но и массовые политические провокации с применением все более современных средств на улицах, площадях, в магазинах, учреждениях, на предприятиях, транспорте и т. д.

Размах террористической активности в ряде стран привел к тому, что некоторые западные исследователи и журналисты стали рассматривать ее как «социальное движение»¹⁶. Высказываются тревожные прогнозы относительно перспектив этого «движения». Так, в специальном исследовании по терроризму, проведенном известной «Рэнд корпорейшн», предсказывается, что террор в 80-х годах превратится в основной фактор общественной жизни во всем мире. С такими крайними точками зрения, конечно, далеко не все согласны, но даже более «умеренные», «оптимистичные» авторы, например английский социолог В. Лакёр, считают, что в ближайшие 10—15 лет терроризм может стать серьезной угрозой в ряде стран¹⁷.

Истинная природа ультралевого терроризма проявляется и в том, что за последние годы наметились контакты его представителей с «неофашистскими» террористами. Нёкогда ожесточенная вражда уступила место попыткам сотрудничества. Те и другие стремятся выяснить возможности сближения. В выступлениях некоторых ультралевых и «неофашистских» лидеров проходят общие темы. Они отмечают, что у террористов «левого» и правого толка те же самые враги: государства, коммунистические партии, другие партии и профсоюзы. И «левые», и правые хотят создать атмосферу напряженности и хаоса, развязать гражданскую войну, после чего установить жесткую тоталитарную диктатуру фашистского типа.

Многие зарубежные исследователи отмечают удивительную легкость, с какой некоторые террористы из ультралевых группировок переходят в ультраправые и наоборот. Наиболее «решительные» главарь банд и группировок говорят даже о том, что надо объединить усилия на данном этапе, оставив сведение счетов «на

потом». На деле активность и тех и других сливается в единое русло.

Новые тенденции наметились и в движениях крайне правого толка. В частности, появилось молодежное течение, которое стремится переосмыслить идеологию и практику старшего поколения, ультраправых, выработать собственную программу действий. Сторонники этого течения стали называть себя «новыми правыми», или «национал-революционерами». В Западной Германии еженедельно продаются сотни тысяч экземпляров «неонацистских» газет, а литературу националистического, шовинистического, расистского содержания выпускают десятки издательств.

Господствующей буржуазии нужны семена ненависти, разнузданной воинственности против левых и демократических сил, против действительных революционеров, осознавших необходимость классовой борьбы, переустройства мира на началах социализма. Поэтому империалистическая пропаганда и культивирует под видом «реидеологизации» настроения фанатизма и агрессивности.

Современные «реидеологизаторы» из стана «новых правых» вынашивают реакционные планы создания на базе частнособственнических устоев политически активной, действенной идеологии, которая могла бы направить «социальные волнения» в иное русло, то есть вызвать фанатизм и ненависть к революционерам. Буржуазные идеологи впадают в романтическую экзальтацию, мечтают о массе, одушевленной антиреволюционным и антисоциалистическим пафосом.

Однако эти «реидеологизаторские» иллюзии обречены на провал. Коммунистические партии и прогрессивные силы капиталистических стран ведут огромную разъяснительную работу среди масс, проясняя сознание широкой демократической общественности. Они показывают молодежи разных стран бесплодность терроризма как средства борьбы против буржуазных порядков, опасность, вытекающую из разрастания «неофашизма».

Мелкобуржуазные теоретики пытаются оказать влияние и на формирование международных отношений, как они складываются сегодня. Левые радикалы, отвергающие экстремистские позиции, выступают против применения силы в международных отношениях¹⁸. Однако

среди них нет единства в оценке возможностей достижения этой цели. Согласно позитивистским версиям, угроза ядерного уничтожения делает новый общемировой конфликт невозможным. Согласно волюнтаристским версиям, напротив, такой конфликт неизбежен, если не будет остановлена гонка вооружений посредством постепенного перехода всех рычагов силы в руки какого-нибудь общемирового правительства.

И те и другие полагают, что главные усилия человечества и национальных правительств должны быть направлены на достижение мира, экономического благосостояния, социальной справедливости, экологической стабильности, самовыражения личности. Вместе с тем радикалы (например, Р. Фальк), в отличие от либералов, не рассчитывают на то, что соглашения об ОСВ, нераспространении ядерного оружия существенно приблизят достижение этих целей.

Леворадикальные версии нового международного порядка — «вне политики силы» и «вне биполярности двух систем» — не учитывают всей реальной сложности международных отношений. Они построены на утопических представлениях о плавном развитии новых тенденций, приводящих человечество к устранению тех бедствий, которые оно испытывает сегодня.

Однако существуют и экстремистские мелкобуржуазные варианты «исправления» международного порядка. Они сводятся к поэтизации всякого рода насилия, катастроф, решительных и радикальных мер, направленных на ужесточение внешнеполитического курса буржуазных стран. Так складывается, в частности, идея тотальной войны как определяющего фактора человеческого существования.

Бельгийский священник и теолог Ж. Комблен, например, обосновывая так называемую идеологию национальной безопасности, утверждает, что политическая система, установленная военными, является переходной и призвана подготовить «новую демократию». Что понимается под демократией — не уточняется. Военные не знают, какой будет обещающая демократия, но зато они точно представляют, какой она не должна быть. Все они (речь идет о профашистских режимах в Латинской Америке) единодушно заявляют, что не допустят возвращения к прежней демократии, открывшей путь беспорядку, анархии и коммунизму¹⁹.

Наиболее законченный вариант режима национальной безопасности автор усматривает в Бразилии и Чили. «Эта схема, — пишет автор, — не везде еще доведена до такого совершенства, как в Чили, Уругвае или Бразилии: нужно время, чтобы ликвидировать сопротивление, исходящее от прежних институтов, и свести на нет поползновение к независимости, провоцируемое демократическими силами»²⁰.

«Рендеологизация» — сложное и многоплановое явление. Она взята на вооружение различными идейно-политическими течениями современного Запада. Возникновение данной идейной волны отразилось на всех направлениях буржуазной мысли, трансформировав и либерализм, и консерватизм, и мелкобуржуазный радикализм. В этом же русле лежат попытки буржуазных партий (республиканской и демократической в США, консервативной в Англии и др.) опереться на обновленные политические программы, укрепить свой пошатнувшийся престиж путем социальной демагогии.

«Рендеологизация» коснулась и буржуазной социологии. В конце 70 — начале 80-х годов все чаще раздавались и раздаются голоса о том, что надо создать новые общественные дисциплины, которые могли бы преодолеть узкий эмпиризм, присущий социальным наукам. Возникают попытки создать «социологию социологии», новые варианты теории идеологии и т. д.

В современных условиях буржуазные философы и социологи пытаются соединить различные доктрины, направленные против социализма, в нечто целостное, нанизать их, так сказать, на единый стержень, активизировать тем самым идейные ресурсы Запада, мобилизовать разрозненные силы на борьбу с марксистско-ленинским мировоззрением. Эта тенденция проявилась и на международных философских и социологических конгрессах последних лет.

Весьма примечательно, например, что в 1973 году на XV Всемирном конгрессе философов многие буржуазные делегаты говорили о том, что философия изжила себя, что в современном мире потребность в мировоззрении не столь ощутима, как прежде. Совсем иные позиции обнаружили у ведущих буржуазных философов на XVI конгрессе, который проходил осенью 1978 года

в Западной Германии. Они говорили о «плюральности истины», о поливариантности социального развития, о мнимом догматизме и нетерпимости марксистской философии.

Буржуазная теория «реидеологизации» отражает кризис господствующей на Западе идеологии. Этот кризис отличается от аналогичных процессов, протекавших полвека или даже десятилетие назад. Он носит глобальный и всесторонний характер.

Болезненные процессы, охватившие буржуазную идеологию, заставляют ее прибегать к отчаянным усилиям. По всем своим признакам «реидеологизация» напоминает усилия обреченного. Резкое обострение кризисных процессов развивается так стремительно, что идеологические средства зачастую работают вхолостую, они пребывают в растерянности, не поспевают за постоянно меняющейся конъюнктурой времени. В течение хронологически длительного периода западные агентства рекламировали образ так называемого «технотронного рая», который будто бы сменит современный капитализм и явится его новой фазой, превосходящей все предшествующее развитие не только по количественным, но и по качественным показателям.

Однако на самом деле эти надежды быстро обнаружили свою несбыточность. Глубинным, определяющим показателем западной экономики остается анархия производства со всеми свойственными ей непримиримыми конфликтами.

Опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами, — миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной. Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках общество всеобщего благоденствия «потерпели очевидный провал». Глобальность кризиса, охватившего буржуазную идеологию, выражается в динамике борьбы двух мировых систем, что составляет главное содержание современной эпохи.

Кризис буржуазной идеологии носит всесторонний характер. Если раньше кризисная демагогия делала вид, что болезненные процессы захватили лишь отдельные стороны западного сознания, то теперь такого рода иллюзии развеялись. Например, многие идеологи капитализма бичевали в прошлом идеологию как ложное,

извращенное сознание. При этом они апеллировали к авторитету науки, которая якобы дает достоверную картину мира, исправно служит потребностям капиталистического развития.

Однако за последние годы и о науке в буржуазном мире стали нередко говорить как о своеобразной магии. Так, по мнению западногерманского философа П. Фейерабенда, наука может черпать свой пафос из мифологии, религии, фантазий сумасшедших. Этот автор предлагает освободить место для слепой веры, ибо, как он полагает, продвижение к научной истине ничем не отличается от мистического озарения, идеологического предрассудка и т. д.

Маниакальные фантазии, по словам Фейерабенда, столь же правомочны, сколь и логические доводы. Если наука действительно фабрикует иллюзии, как это хочет доказать западногерманский философ, руководствуется «смутным влечением», если астрология столь же «состоятельна», сколь и астрономия, то что же в этом случае наука может противопоставить формам ложного сознания, к которым буржуазные теоретики причисляют идеологию? Выходит, они равноправны, а, стало быть, идеология имеет все шансы на то, чтобы стать жизненным путеводителем, точнее сказать, ложным поводом.

Другим спасительным убежищем буржуазной идеологии всегда служила религия. Именно она вырабатывала представление о гармоничном жизнестроении, об осмысленности земного существования, направленного к постижению «вечных сущностей». Сегодня позиции религии слабеют. Так, известный персоналист Ж. Лакруа признает, что понятие бога теряет объяснительную силу в век прогресса естествознания, техники и господства человека над природой.

Кризисные процессы, сопутствующие «реидеологизации», естественно, отражаются на попытках буржуазных исследователей дать новый импульс массовой пропаганде, всему идеологическому механизму. Вот почему «реидеологизация» проявляется не только в сфере идеологии, она захватывает и массовую империалистическую пропаганду, где также порождает новые процессы, ведущие к росту манипуляторства.

«РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» И ТЕНДЕНЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ

ГЛАВА VIII

АКТИВИЗАЦИЯ АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОПАГАНДЫ

Появление «реидеологизаторской» волны вызвало к жизни не только новые, специфические концепции идеологии, о которых шла речь в предыдущей главе. Повысилось внимание и к массовым идеологическим процессам, к изменениям и совершенствованию механизмов их формирования и функционирования. Началось активное внедрение в империалистическую пропаганду новых приемов манипуляторства, которое стало получать теоретическое обоснование.

В частности, новый импульс получило в буржуазной литературе истолкование пропаганды, массово-информационных процессов. В результате ведущие теоретики империалистической пропаганды, в том числе Ж. Казнев, У. Шрамм, Ж. Эллюль, выдвинули новые концепции, требующие разбора пропагандистской практики. В 70-х годах по мере усиления «реидеологизаторской» волны складывались новые тенденции и внутри теории массовой коммуникации, «социологии пропаганды» и т. д.

Прежде всего началась активизация так называемых апологетических концепций пропаганды. Речь идет о таких доктринах, авторы которых не сомневаются в эффективности манипуляторства, откровенно и недвусмысленно служат господствующему классу и видят свою задачу в том, чтобы разработать наиболее действенные приемы дезинформации и обмана. Это направление в буржуазной теории пропаганды на исходе 60-х годов переживало явный кризис.

Буржуазные теоретики стали тогда все чаще сомневаться в том, что возможности манипуляторства безграничны. Социологи то и дело фиксировали весьма

красноречивые факты, свидетельствующие о том, что конформистское, обывательское сознание реагирует на акции империалистической пропаганды весьма поверхностно. Внешне оно как бы демонстрировало свою податливость, следовало за изгибами идеологической конъюнктуры, создавало впечатление «согласия». Однако как только происходили какие-нибудь кризисные процессы внутри буржуазного общества, сразу становилось очевидным, что такие оценки общественного сознания не соответствовали реальности, не схватывали его глубинных закономерностей. «Согласие» с буржуазными пропагандистскими установками оказывалось далеко не безусловным, широкое общественное недовольство, нередко в бурных формах, открыто выходило на поверхность.

Не является ли эффективность манипуляторства показной, обманчивой, затрагивающей лишь внешние стороны общественного сознания? Постановку такого вопроса активизировало новое направление в социологии буржуазной пропаганды — социально-критическое. Его сторонники — Г. Андерс, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Энциенсбергер — стали говорить о неэффективности манипуляторства и призывать к глубокому изучению личностного мира человека.

Разумеется, изобличение империалистической пропаганды в сочинениях этих авторов носило поверхностный характер. Оно строилось на абстрактных психологических и этических обвинениях. Вместо серьезного анализа политических целей господствующего класса, их враждебности интересам трудящихся социологи-критики стали рассуждать об универсальности человеческих побуждений, о психологической структуре сознания и т. д. Сложность поведения аудитории, его непредсказуемость начали объяснять не столько процессами созревания классового сознания, сколько психоаналитическими и иными механизмами. Многие теоретики считали необходимым перечислять изъяны империалистической пропаганды, давать реестр ее антигуманных акций. Критика такого рода носила в общем поверхностный характер.

В начале 70-х годов в связи с «реидеологизаторской» волной эта тенденция меняется. Активизируются откровенно манипуляторские воззрения. Все чаще социально-критические нотки стали оцениваться как «ро-

мантическое недомыслие». «Нужно ли в пропагандистских выступлениях говорить непременно правду?» — спрашивает американский политолог Д. Ниммо в своей работе «Политическое общение и общественное мнение в Америке»¹. И отвечает отрицательно, ссылаясь на руководителя гитлеровской пропагандистской машины Геббельса, которого, как он выражается, часто называют в буржуазной литературе «отцом современных методов убеждения»².

По мнению Ниммо, нацистская пропаганда не оставалась ни перед чем, чтобы добиться своей цели. Напротив, руководители пропаганды союзников в годы второй мировой войны считали, что в основе успешной пропаганды может лежать только правда. И это, как полагает американский политолог, снизило эффективность пропагандистских выступлений союзников. «В настоящее время очень многие из тех, кто занимается политическим убеждением, сознательно лгут»³, — подчеркивает Ниммо.

Американский политолог, обобщая обширный материал буржуазной пропаганды, приходит к выводу, что огромное значение в идеологической борьбе имеет политическая мифология, а также определенные навыки дискредитации противника и его аргументов путем нехитрой риторики. Так, по словам Ниммо, любые политические доводы можно нейтрализовать, задавая одни и те же вопросы: «Откуда это известно?», «Почему следует так считать?», «Зачем поступать именно так, а не иначе?».

Буржуазная пропаганда немедленно восприняла эти рекомендации. Острые проблемы идеологического противоборства двух систем в самом неприкрытом виде стали составной частью внешнеполитических акций империализма, особенно империализма США. Империалистическая пропаганда усилила атаки на внутреннюю и внешнюю политику КПСС, советский образ жизни. Действия ее приобрели поистине глобальный характер. В основе ее акций — арсенал различных манипулятивных приемов, рассчитанных на откровенную ложь, на внедрение политических мифов в сознание народов.

Идеология капитализма пыталась реализовать ряд стратегических целей. Прежде всего она стремилась создать универсальную идеологическую базу для оправдания любых антисоветских, антикоммунистических ак-

ций. Империалистическая пропаганда усилила также акции по дискредитации реального социализма в глазах трудящихся капиталистических стран и молодых развивающихся государств. Она вознамерилась расшатать идейную убежденность народов социалистических стран, вызвать «эрозию» их сознания, поколебать их уверенность в превосходстве социалистического строя над капиталистическим.

Важной составной частью общей стратегии империализма стали скоординированные подрывные кампании против социалистических стран, против коммунистического движения в целом. Такова, например, кампания в защиту «прав человека», которая стала рассматриваться на Западе как основа для развития идеологической борьбы против СССР. Лицемерные разглашательства о правах человека империализм использует для прикрытия своих диверсий против социализма, для противодействия разрядке, отравления международной атмосферы.

При этом манипуляторство стало утверждаться как нечто неотвратимое, неизбежное, законное в рамках современного буржуазного государства. Социально-критические концепции постепенно вытесняются обновленными доктринами, оправдывающими технику лжеинформации. Общественное мнение вновь оценивается как косное, не способное якобы к всесторонней аналитической работе мысли. Поэтому в новых концепциях признается, что формирование нужных господствующему классу политических ориентаций вообще невозможно без определенных манипулятивных усилий со стороны средств массовой информации и пропаганды.

С этой целью уже цитированный нами Ниммо дает ряд практических рекомендаций. Он, в частности, предлагает политическому деятелю, который добивается голосов избирателей, выступая в маленьких городах, затрагивать местные проблемы. Это делается вовсе не для того, чтобы решить эти вопросы. Важно обмануть избирателей своей мнимой заинтересованностью и знанием мелочей. Обязательно нужно также, поучает Ниммо, делать конечные выводы, которые должны выглядеть так, как будто они не подлежат сомнению⁴.

Если в конце 60-х годов много говорилось и писалось о кризисе манипуляторства, то с начала 70-х годов в буржуазной литературе стали появляться иные

нотки. Буржуазные социологи начали утверждать, что исследователи столкнулись в прошлом не с крушением возможностей пропаганды по лепке сознания, а с переходящими трудностями, возникающими из-за того, что внутренний мир человека недостаточно освоен. Следовательно, нужно не увлекаться критицизмом, а, напротив, тщательно рассмотреть тот слой иллюзий, присущий людям, который пока не задействован.

Буржуазные исследователи также стали выражать уверенность в том, что именно «реидеологизация», то есть «возрождение духа», поможет империалистической пропаганде повысить уровень манипуляторской деятельности. Активизирующие людей идеологические концепции, доказывающие прочность капиталистических устоев, должны, по мысли западных теоретиков, придать печати, радио и телевидению новый импульс, повысить убедительность манипуляторской деятельности.

В начале 70-х годов в США появились публикации патриарха буржуазной социологии массовой коммуникации Г. Лассуэлла, которые весьма красноречиво свидетельствовали о возрождении апологетических концепций пропаганды. Благодаря сочинениям Лассуэлла теория массовой коммуникации превратилась в США в весьма влиятельную социальную дисциплину. Количество проведенных исследований обозначается ныне на Западе уже четырехзначными цифрами. Ее сторонники стремятся не только к изучению проблем пропаганды, они пытаются дать относительно целостное описание всех исторических процессов, то есть выработать определенную философию общества.

Находясь на откровенно антикоммунистических позициях, Лассуэлл являлся одним из идеологов «холодной войны». Его деятельность за последние годы тесно связана с разработкой буржуазной политической мифологии, с развертыванием антисоветской истерии, с усовершенствованием манипуляторской империалистической пропаганды.

Рассматривая роль пропаганды в политической жизни буржуазного общества, он связывает ее не с борьбой классов, не с конфликтом идеологий, а с соперничеством элиты и массы. Элитарные настроения, пренебрежение к массам сказываются в утверждениях Лассуэлла о бессмысленности социальной революции, о возможности предотвратить ее при помощи манипуляторских

приемов. Он ставит вопрос о том, чтобы при изучении поведения аудитории находить наиболее эффективные средства — иногда оказывать прямое насилие, иногда делать пропагандистское внушение — для сохранения власти элиты, то есть господствующей верхушки буржуазии. Именно она, по Лассуэллу, обладает достойными ценностями, которых лишена масса.

Внутри идеологических отношений Лассуэлл выделяет такие элементы, которыми оперирует элита. Это прежде всего так называемая «креденда», то есть конституции, уставы, декларации, обращенные к разуму, интеллекту человека, которые служат основой нормальной политической коммуникации, политической жизни вообще. Подразумеваются, стало быть, идеологические позиции господствующего класса. Что касается сознания масс, то здесь Лассуэлл выступает с проповедью «мифологизма». Он выделяет так называемую «миранду», то есть совокупность мифов, стереотипов, ритуалов, некий аналог религии. «Миранда» стимулирует только чувства, вовлекая человека в политику с помощью таких средств, как флаг, музыка, лозунг, социальный персонаж (президент, лидер движения, герой). Насаждение политических мифов Лассуэлл рассматривает как важную задачу буржуазной пропаганды⁵.

О том, как используются рекомендации Лассуэлла в политической жизни США, свидетельствует «президентская риторика», под которой современные исследователи пропаганды имеют в виду приемы, используемые в ходе предвыборной борьбы. Так, У. Ламмерс называет множество приемов, с помощью которых осуществляется укрывательство и подтасовка фактов, лавирование и прямая ложь. Он говорит о создании «специальной терминологии и символов», которые позволяют манипулировать общественным мнением⁶.

В политической мифологии немалую роль играют так называемые символические жесты. Так, буржуазный политический деятель позволяет себе, нарушая традицию, идти к Белому дому пешком, в обычном костюме, а не ехать в парадной форме на лимузине. Это миф «доступности и простоты». Он устанавливает «неформальную» манеру общения с людьми внутри страны и «широковещательную теле- и радиодипломатию для международных дел». Это миф «гибкости и активности»⁷. Арсенал средств и методов, которые правитель-

ство США использует для манипулирования общественным мнением, постоянно обогащается. Совершенствуется «президентская риторика», меняется характер демагогических обещаний, расширяется набор «символических жертв и акций». Это «миранда» в действии.

Активно подхватил «реидеологизаторские» идеи другой видный теоретик массовой коммуникации — американский социолог У. Шрамм⁸. В своих последних работах он утверждает, что массовая пропаганда Запада обладает огромными неиспользованными ресурсами. Чтобы реализовать эти скрытые возможности, надо не сбрасывать со счетов те проблемы, которые поставлены социальной критикой. Необходимо учесть их и добиться синтеза апологетических и социально-критических тенденций. В разработке такой «обобщенной» концепции Шрамм и видит свою задачу.

Американский социолог отдает отчет в том, что господствующая буржуазия по-прежнему, но в еще большей степени испытывает теперь потребность в разработке более эффективных средств манипуляторской пропаганды, способной решать сложные задачи с учетом социально-культурных, психологических особенностей аудитории. В этих условиях, как он подчеркивает, возникает запрос на новые концепции, которые могли бы учесть как отложившийся и тщательно проанализированный опыт манипуляций, удовлетворения непосредственных потребительских запросов, так и выводы, полученные в результате изучения поведения человека и протекающих в капиталистическом обществе духовных и культурных процессов.

Как ведет себя человек, подверженный систематическому влиянию массовой коммуникации? В каком направлении проявляется длительное воздействие на аудиторию? Как обеспечить стратегические задачи буржуазной идеологии? Вот круг вопросов, которые рассматривает У. Шрамм. По его мнению, массовая пропаганда углубляет человеческие потребности, делает их более зримыми. «Вряд ли кто-нибудь предполагал в 20-х годах, что президента будут показывать всей стране, — пишет У. Шрамм, — а сейчас всем кажется подозрительным, если этого не происходит»⁹.

Все это определяет и характер рекомендаций американского социолога. Он отмечает, что пропагандист-

ская «упаковка» кандидата в президенты не должна быть произвольной: кандидат в том облике, какой творит манипуляторская практика, призван отражать ожидания голосующих. Проблема, по мнению У. Шрамма, состоит именно в том, как сделать, чтобы кандидат выглядел похожим на тот образ желаемого лидера, который существует в массе, как сделать так, чтобы кандидат говорил именно то, чего от него ждут.

По словам Шрамма, английские избиратели заявили исследователям, что телевидение пропагандирует такие качества кандидатов, как «прямота», «искренность», «доверие», но не такие, как «сила» и «работоспособность». По американским данным, распространенное представление о выступающем по телевидению кандидате строится по трем линиям: «выступление», «политическая роль», «личный образ».

Все эти эмпирические сведения, которые приводят в восторг У. Шрамма, служат одной цели: помочь буржуазной политической машине реализовать поставленные перед ней задачи. Американский социолог и не скрывает своей заангажированности. Он замечает: «Каждая культура использует великую силу средств массовой информации (СМИ) (или, как ее называют на Западе, системе массовой коммуникации.— Авт.) для достижения тех эффектов, которые она желает вызвать. Или, как говорят многие наблюдатели, каждая страна имеет такую систему массовой коммуникации, которую она заслуживает»¹⁰.

Концепция Шрамма представляет собой ответ буржуазной теории массовой коммуникации на запрос социальной критики. Шрамм говорит о социальной ответственности массовой коммуникации перед обществом, о ее влиянии на формирование потребностей людей, о роли средств общения в массовом образовании, просвещении, развлечении людей. Однако понимает он эти проблемы в откровенно манипуляторском духе. Предполагается, что буржуазная пропаганда должна изжить прежние «деидеологизаторские» настроения и приступить к усиленной индоктринизации населения.

Рассмотрение многих проблем Шрамм связывает непосредственно с «человеческим фактором». Он анализирует механизм восприятия пропаганды, психологию людей, вовлеченных в процесс коммуникации, долговременные и скрытые эффекты пропаганды. Однако выводы

американского социолога целиком остаются в русле буржуазно-апологетической ограниченности. Рассуждая, например, о влиянии западного телевидения на преступность, он обходит острые вопросы этой важной общественной проблемы, сохраняя академическую «пристойность» и «респектабельность». Из его рассуждений получается, будто речь идет лишь о некоторой корректировке деятельности телевидения, об устранении крайностей, а не о серьезных и последовательных мерах по устранению губительного влияния буржуазного телевидения.

Оценивая культурные запросы массовой аудитории, Шрамм оставляет в тени те явления, на которые обратила внимание социальная критика: культивируемые капитализмом обывательская косность, аполитичность, отсталость и извращенность эстетических вкусов. Вместо этого он говорит об огромной, якобы постоянно реализуемой и уже дающей плоды цивилизаторской, «реидеологизаторской» миссии массовой коммуникации на Западе.

Многие буржуазные теоретики пытаются представить «реидеологизацию» как процесс массового просвещения, распространения новых идей и фактов. Это относится к трудам Д. Смайта, К. Сеймора-Юра, М. Эйдалина и других западных исследователей апологетического направления. Чем занимаются массовые средства информации в капиталистическом мире? На этот вопрос западные социологи отвечают в духе буржуазной партийности: массовые агентства передают новости, просвещают, рекламируют, развлекают. Они обеспечивают социальное общение, духовные контакты людей. Социологи утверждают, что средства массовой информации не ведут пропаганду, не формируют мнения людей, не прибегают к духовному насилию.

Проводя свои объективистские идеи, буржуазные исследователи подчеркивают, что именно массовые контакты, а не пропаганда составляют содержание современной массовой коммуникации. Человек сегодня проявляет интерес к таким событиям, которые выходят далеко за пределы его непосредственной жизни. Такой феномен не наблюдался, например, в феодальном обществе, где массы людей не обнаруживали внимания к тому, что происходило за узким горизонтом их повседневного видения.

Иначе ведет себя современный индивид. Его волнуют политические страсти, глобальные проблемы, научные коллизии, этнографические подробности и обыкновенные происшествия, где бы они ни происходили. Без таких новостей человек не может прожить и одного дня. Проводившиеся на Западе эксперименты показали, что искусственное прерывание потока сообщений, передаваемых массовыми агентствами, человек воспринимает как мучительное бедствие, как психологический срыв.

Логика буржуазных исследователей сводится к следующему. Жажда новостей может расцениваться как постоянная и трудноутолимая потребность человека. Люди нуждаются в духовных контактах, в массовой коммуникации. Западные агентства, мол, выполняют благородную миссию. Они как раз и информируют население своих и других стран о том, что происходит в мире, о событиях дня. При этом они будто бы стараются избегать оценки фактов: пусть читатель или слушатель сам разберется, что к чему. Главное — беспристрастное информирование.

При этом ссылаются на хрестоматийный для буржуазной социологии пример. Во время первой мировой войны крупнейшая английская радиовещательная корпорация Би-би-си передавала в эфир сообщения о победах немцев, с которыми Великобритания вела войну. Разумеется, эти новости не укрепляли престиж державы. Но что делать, информацию не устранить, не исправить... Эти традиции Би-би-си якобы хранит и поныне. В потоке новостей, передаваемых этой корпорацией, факты «приятные» и «грустные», «желательные» и «нежелательные», «нужные» и «ненужные». Попытки оценивать сообщения, растолковывать их смысл, уверяют английские социологи, самолюбивые британцы воспринимают как моральное оскорбление, как духовный нажим.

Слов нет, Би-би-си — крупнейшая в мире радиокорпорация накопила огромный опыт работы с информацией. Она располагает разветвленной сетью корреспондентов, которые старательно выискивают факты на всех широтах и параллелях. Эти сообщения идут в эфир в якобы нейтральном изложении. Нет, мол, «лобовой» тенденциозности в подаче материала, нет и намека на неподготовленность слушателя. Он, разумеется, во всем осведомлен, ни в чем не уступает политическому экс-

перту. Если и нужны разъяснения, то только в особых рубриках, именно там, где выступают обозреватели. Однако они сообщают уже не факты, а «свои» мнения. Правит же бал все та же новость.

Так ли это на самом деле? Возможно ли беспристрастное информирование? Удастся ли буржуазным комментаторам избежать оценки фактов? Опыт мировой печати и радиовещания показывает, что представление о мнимой объективности информации — не что иное, как миф западной пропаганды. Буржуазные агентства, напротив, накопили огромный опыт, позволяющий снабжать факты скрытыми оценками, подводить к определенным выводам, формировать мнения внешне бесстрастными средствами. Можно без всякого преувеличения сказать, что по сути дела некомментируемой информации не существует.

Истолкование факта начинается уже на стадии отбора материала. Ежедневно в мире происходит неисчисляемое множество событий. Масштаб этих сообщений различен. Одна новость затрагивает интересы всех стран: полет в космос, новый очаг войны, всемирный конгресс, смелое научное открытие. Другая уступает в значимости: смена правительства в конкретной стране, парламентские и внутрипартийные дебаты. Наконец, есть новости, имеющие локальный интерес.

Но кому дано право определять масштаб факта? Ведь событие, которое сегодня кажется почти незначительным, например разоблачение мошеннических сделок внутри корпорации, завтра может оказать воздействие на ход предвыборной борьбы. Столкновение двух стран способно затронуть жизненные интересы многих народов. С другой стороны, такая «первоклассная» буржуазная сенсация, как закат модной кинодивы, захлестнувшая полосы газет и журналов, оказывается новостью-однодневкой, значимость которой раздута искусственно буржуазными агентствами до уровня мирового события.

Все ли события, происходящие в мире, попадают в поле зрения буржуазных агентств, как это уверяют теоретики «реидеологизированной» пропаганды? Западные информаторы кичатся тем, что магнитная пленка и телеобъектив оказываются едва ли не вездесущими. Они, мол, успевают запечатлеть новость еще до того, как она родилась. Однако в действительности сотни важных событий остаются вне поля зрения буржуазных информа-

ционных агентств. Западные журналисты, защищая классовые интересы правящей элиты, обнаруживают странную слепоту в отборе фактов. В свое время стал сенсацией первый полет советского спутника. Но все, что предваряло это событие, оказалось скрытым от общественности капиталистических стран.

Стало быть, отсеивание фактов можно рассматривать как изначальный этап комментирования событий. Приковывая внимание к одним новостям, буржуазные журналисты оставляют в тени другие. Реклама президентских выборов скрывает развертывание гонки вооружений. Шумная кампания вокруг «прав человека» в социалистическом мире служит завесой для вопиющих нарушений законности в буржуазном обществе. Факт, преданный гласности, нередко покрывает тенью другие крупные события.

Отбор информации — не единственный способ ее комментирования. То или иное сообщение может получить косвенную оценку, если оно будет помещено на первой полосе газеты, подано крупным шрифтом, передано в эфир в наиболее удачное время, когда аудитория окажется самой массовой, появится на домашнем экране в вечерние часы. Но оно может пройти незамеченным, если окажется заверстанным на последней странице, набранным мелко и неброско, если прозвучит в часы, когда большинство людей на работе. Внешне объективная подача информации то и дело обнаруживает скрытую тенденцию, направленную на формирование конкретных мнений, на обозначение того, что «предельно важно» и что «менее значимо».

Наконец, истолкование информации возможно и другими, более тонкими средствами. Буржуазные агентства то и дело передают информацию о забастовках под общей рубрикой «происшествия» или «беспорядки». Таким образом, борьба трудящихся за свои права косвенно комментируется как «ненормальный» политический инцидент. Аналогичным образом интерпретируются и расовые волнения. Не подлежит сомнению тот факт, что сообщение о благотворительности, помещенное рядом с информацией о коррупции, способно вызвать невольные ассоциации. Буржуазная пропаганда часто пользуется таким приемом: она помещает некоторые заметки рядом, создавая представление о том, что тут есть какая-то связь, нечто близкое. Например, сообщение о собы-

тиях в Афганистане некоторые западные газеты поместили рядом с информацией о возможностях химии в изготовлении отравляющих веществ. Такая подача материала была рассчитана на то, чтобы поддержать ложное сообщение буржуазной печати о том, что советские войска в Афганистане пользуются химическим оружием. Недомолвки, скрытая направленность внимания, намеки, аналогии — все это служит одной цели: придать информации определенную окраску.

Проблемы комментированной и некомментируемой информации активно обсуждаются в буржуазной социологической литературе. Разумеется, империалистическая пропаганда всегда пользовалась приемами лжи. В какой же мере весь этот арсенал дезинформации связан с курсом на «реидеологизацию»? Как уже отмечалось, речь идет об активизации прежних манипуляторских концепций с учетом новых тенденций. Прежде всего неслыханно возрос объем информации, передаваемой массовыми агентствами. Во-вторых, усилился обмен сообщениями между крупными и малыми государствами, между развитыми и развивающимися странами.

В связи с этим вопрос о том, как вести информирование, приобрел особое значение. Буржуазные теоретики все чаще говорят о том, будто возрастание объема информации может рассматриваться как своего рода «реидеологизация», то есть распространение новых идей. Однако так ли это на самом деле? Разумеется, поток сообщений несет с собой определенные идейные представления. Но каков их классовый характер?

Прогрессивный австрийский исследователь Х. Фабрис в своей работе «Средства массовой информации. Господство суфлеров»¹¹ подчеркивает, что в условиях «реидеологизации» особое значение имеет тот факт, что обмен информацией отличается крайним неравенством и зачастую носит односторонний характер. Об определенных регионах, группах населения, социальных процессах ничего не сообщается или сообщается лишь изредка. Информация, как правило, распространяется из одних и тех же источников. Тенденциозность значительной части сообщений видна уже по применяемой стилистике и усугубляется отбором и комментированием сообщений¹².

Западные исследователи открыто заявляют, что хотели бы использовать потоки информации, масштабы

которых неслыханно возросли, для формирования общественного мнения других стран, для распространения буржуазного мировоззрения. Так, колумбийский социолог Л. Бельтран подчеркивает, что именно СМИ создают сегодня картину мира, формируют конкретные представления с помощью сообщений¹³.

Нельзя не отметить и еще одну особенность буржуазной пропаганды в современных условиях. Мы имеем в виду попытки соединить клеветнические кампании с «теоретическими» конструкциями и обоснованиями пропагандистских акций. Например, творцы политики Вашингтона стараются подвести под нее «научную» базу, всячески выпячивая в отношениях между США и СССР элементы соперничества и принижая значение сотрудничества. «Новые философы» во Франции, в том числе Б. Леви, А. Глюксман и др., также положили начало шумной пропагандистской кампании. Ее особенность состоит в том, что обычные антисоветские нападки соединены в данном случае с критикой социалистической идеологии, утвердившихся мировоззренческих традиций и представлений. Буржуазные журналисты фабрикуют в массовых масштабах клевету на социалистическую действительность. Эта деятельность приняла особенно разнузданный характер в последнее время, когда международная реакция развернула поход против разрядки, стремясь вернуть мир на стезю «холодной войны». Сплошь и рядом на западного обывателя обрушиваются заведомо ложные сообщения. Публикуются фотоснимки «концлагеря» в социалистической стране, которого в действительности не существует. Придуманные персонажи вроде анонимных «очевидцев» «подтверждают» слухи о передвижениях советских войск.

Многие из этих сообщений потом опровергаются под давлением фактов. Однако они уже оставили след в сознании слушателей, читателей, зрителей, вызвали определенные эмоции, породили конкретные стереотипы. Поправки же даются между прочим, невнятным голосом, окольными путями. Цель одна — создать предубеждение и в то же время подкрепить миф о нейтральности информации.

У буржуазной идеологической машины широко заданная программа: от прямых теоретических кампаний, призванных расшатать устои социалистической идеологии и заменить ее набором модных буржуазных поли-

тических, философских и экономических концепций, до проповеди потребительских идеалов; от поощрения и оправдания империалистической агрессии, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других народов до изощренных приемов навязывания буржуазного образа жизни.

Империалистическая пропаганда использует различные приемы, с помощью которых она оказывает воздействие на внутренний мир человека. Буржуазные газеты, радио, телевидение эксплуатируют те или иные механизмы психики. Они играют на естественных чувствах человека, на его специфических пристрастиях. Антисоветская, антикоммунистическая, антисоветская клевета, искусная маскировка правды, эксплуатация стихийно складывающихся иллюзий и предрассудков, инспирирование слухов, расчетливая дозировка фактов и вымыслов — таков на деле арсенал буржуазной «реидеологизированной» пропаганды. Буржуазная идеология — совокупность извращенных и искаженных представлений о действительности. Она выродилась в своеобразную социальную мифологию, направленную на сохранение интересов господствующего класса. Однако империализм, как подчеркивал в свое время В. И. Ленин, располагает огромными духовно-манипуляторскими ресурсами. Он придает буржуазной пропаганде невиданный размах, формирует аппарат идеологической борьбы, напряженно ищет наиболее эффективные организационные формы руководства манипуляторской деятельностью, уделяет все большее внимание отработке ее методов, тактических приемов.

О новых задачах империалистической пропаганды по усилению идеологической экспансии говорят не только социологи апологетического направления. Некоторые социальные критики, в том числе и те, кто давно уже занимается проблемами пропаганды, например Ж. Эллюль, признают, что «реидеологизаторская» волна оказала мощное воздействие на массовую духовную практику буржуазного мира. По его мнению, империалистическая пропаганда становится мощным рассадником новых «ценностных» ориентаций, эталонов поведения, эмоциональных состояний и т. д.¹⁴

Отметив превращение в буржуазном мире термина «идеология» в расхожее слово для обозначения самых различных явлений действительности, отсутствие маломальски приемлемого раскрытия этого понятия, Эллюль

определяет идеологию как «низведенную до уровня чувств и ощущений упрощенную политическую доктрину или глобальную концепцию мира»¹⁵. По мнению Эллюля, современный политический мир перенасыщен идеологиями, которые одновременно и облегчают осуществление политики, создавая возможность манипулирования сознанием и поведением масс с помощью пропаганды, и затрудняют его, заставляя учитывать при принятии решений их возможные идеологические последствия. В понимании французского социолога идеология — это не столько комплекс идей, сколько некая совокупность эмоциональных раздражителей, не всегда связанных с мировоззренческим содержанием.

Разумеется, данное представление антинаучно. Эмоциональные реакции не могут возникнуть в абсолютно свободном пространстве, вне конкретных мыслительных акций. Они тесно связаны с идейными представлениями и являются формой их непосредственной, стихийной оценки. Эллюль же принимает за существо дела лишь форму выражения различных способов поведения.

Развернутое Эллюлем понимание идеологии тесно связано с его концепцией «социологической пропаганды»¹⁶. Под этим термином в буржуазной литературе понимают особый вид идеологического манипулирования массовым сознанием, когда господствующая буржуазия распространяет не идеи, доктрины или политические лозунги как таковые, а бытующие в капиталистическом мире привычки, «ценности», образцы поведения, нравственные представления и идеалы, одним словом, все, что характеризует напрямую не столько политику, сколько буржуазный образ жизни.

Пропаганда, по словам Эллюля, может быть политической и социологической. Первая — это и есть то, что обычно называют пропагандой. Речь идет о методах психологического воздействия, которыми пользуются правительства, партии, чтобы привлечь на свою сторону массы. Эта пропаганда, подчеркивает Эллюль, имеет ясно обозначенные политические цели и осуществляется путем идейного воздействия на людей.

«Социологическая пропаганда» действует другими средствами. Это убеждение окружением, общей атмосферой жизни¹⁷. По словам Эллюля, особенность «социологической пропаганды» в том, что она «по природе своей распылена. Она редко осуществляется с помощью ло-

зунгов или с помощью четко выраженных намерений. Наоборот, она основывается на общем климате, на атмосфере, которая влияет на людей незаметно, не выступая в роли пропаганды; она добирается до человека через его привычки, через его самые неосознанные обычаи. Она создает в нем новые привычки: это вид внушения изнутри»¹⁸.

Хотя Эллюль выступает с позиции социального критика, то есть стремится «изобличить» империалистическую пропаганду, показать ее тираническую власть над человеком буржуазного мира, его концепция объективно содержит в себе четкий идеологический смысл: она маскирует действительные цели господствующей буржуазии, поскольку Эллюль дает искаженную трактовку тех процессов, которые он анализирует.

Прежде всего не выдерживает критики его представление о «социологической пропаганде» как пропаганде ненамеренной, то есть не входящей в прямые расчеты господствующего класса. Такое разграничение лишь внешне кажется логичным. Оно создает иллюзию, будто определенные виды идеологического воздействия на людей рождаются сами по себе и не имеют поэтому отношения к политическим действиям и целям буржуазии.

Буржуазная социология не впервые выдвигает такое представление. В данном случае французский социолог лишь повторяет тезис, сформулированный апологетами капиталистического строя. Стремление господствующей буржуазии внедрить свою идеологию с помощью навязывания образа жизни ни в коей мере нельзя признать случайным, непреднамеренным, возникающим независимо от общих стратегических замыслов этого класса.

Эллюль сам вынужден признать, что суть «социологической пропаганды» — своеобразное проникновение идеологии. Но идеологический процесс не разворачивается спонтанно, стихийно. Он направляется господствующими силами общества, которые используют различные средства духовного влияния для целеустремленного навязывания массам своих интересов, выгодных буржуазии взглядов и идей.

Французский социолог на первый план выдвигает задачу пропаганды с помощью реальных, не обработанных словом вещей, предметов, событий. Например, роскошный лимузин, стоящий у подъезда особняка, — это не просто конкретный автомобиль, но и примета опреде-

ленного образа жизни, символ «обеспеченного» социального существования. Следовательно, вести обработку сознания, как показала практика империалистической пропаганды, можно не только словом, но и буржуазным образом жизни.

По мнению Эллюля, привычки, «ценности», бытующие в капиталистическом мире, по своему характеру «деидеологизированы», лишены политического содержания. Однако на самом деле в «ценностях» находят свое отражение те или иные идеологические представления. В условиях классового общества нравственные нормы, традиции, идеалы не нейтральны. В них выражена господствующая идеология.

Представление о «реидеологизации» в буржуазной пропаганде поддерживается также развитием так называемых специализированных средств информации. Западные исследователи говорят о том, что сфера политического воздействия может быть значительно усилена, ссылаясь при этом на развитие магнитофонов, видеокассет и т. д. Эта, казалось бы, чисто техническая проблема получила специфическое концептуальное разъяснение. Многие западные социологи обратили внимание на рост специализации внутри коммуникационного процесса. Эта закономерность, по их мнению, присуща всем средствам информации. Особенно наглядно она проявляется в структуре журналов, в типологии радио- и телевизионных программ.

Наиболее отчетливо эта тенденция проступает в работе Р. Мейзела «Закат средств массовой информации»¹⁹. Он говорит о «доиндустриальной», «индустриальной» и «постиндустриальной» стадиях исторического процесса. Если прежде теоретики пропаганды прогнозировали дальнейший стремительный рост средств информации, то теперь на третьей стадии, стадии «постиндустриальной», СМИ ожидает иное будущее. Они придут в упадок, уступив приоритет ССК (специализированным средствам коммуникации), то есть средствам, которые, в отличие от СМИ, обслуживают потребности неоднородных аудиторий. Именно в этой тенденции — переходе от массовой к специализированной информации — усматривается ведущая «реидеологизаторская» направленность пропаганды. Предполагается, что возрождение идеологии вызовет к жизни такую коммуникацию, когда общение станет осуществляться на разных уровнях. На-

пример, элита начнет общаться с элитой, различные группы массовой аудитории вступят в контакт строго «по интересам».

Автор сопоставляет темпы роста ССК и СМИ за период с 1960 по 1975 год. Он отмечает, что по объему средств, израсходованных на ССК и СМИ, можно видеть следующую тенденцию. За отмеченный период темпы роста ССК (для системы образования) увеличились в 2,58 раза, межличностных средств связи — в 2,45 раза, а средств массовой информации — лишь в 1,77 раза. Можно согласиться с автором в оценке перспектив специализированных каналов средств коммуникаций. Например, для системы образования таким каналом можно считать высшее образование, более специализированное, чем начальное или среднее. На радио и телевидении образовательные станции более специализированы, нежели коммерческие.

Анализируя эмпирические данные, накопленные буржуазными исследователями, можно прийти к выводу, что темпы роста тиражей газет, издающихся в пригородах, выше, чем центральных городских газет; объем издаваемой научно-технической литературы увеличивается быстрее, чем художественной; количество и тираж изданий, выходящих раз в 2—3 месяца, растут быстрее, чем еженедельных или ежемесячных изданий.

Подобная тенденция к специализации прослеживается и на примере театра, где число спектаклей, предназначенных для специализированной аудитории и поставленных вне Бродвея, в 1965—1975 годах увеличилось в 1,76 раза, тогда как за тот же период показатель количественного роста спектаклей бродвейских театров, рассчитанных на более широкую аудиторию, был равен лишь 0,86 раза. Аналогичная тенденция характерна и для кино: за последние годы увеличивается число небольших кинотеатров, рассчитанных на более однородную аудиторию. Специализация изданий, радио- и телевизионных программ трактуется в работах буржуазных социологов как результат выявляющихся потребностей людей и их «безупречного» удовлетворения со стороны технических и социальных институтов.

Между тем структура изданий в большей мере отражает интересы монополий слова, которые ищут способы дифференцированного охвата всей аудитории, более тонкого проникновения в умы людей под видом удовлетво-

рения их потребностей. Не случайно ни один из авторов не в состоянии сегодня охарактеризовать наметившуюся тенденцию к специализации с точки зрения ее содержания. Предполагается, будто обслуживаются самые различные группы, будто менее подготовленные слушатели, читатели получают путь к высшему знанию.

Между тем действительная структура специализированных средств информации отражает социальное расщепление буржуазного общества, бытующее в нем деление на «избранных» и «массы», закрепляет и консервирует психологические и культурные запросы людей, приспособляя их к наличной социальной организации, к запросам социально-экономической практики капиталистического мира.

Апологетическая оценка специализированных средств коммуникации сводится к представлению, будто, скажем, видеокассеты откроют «новую эру» в общении. Однако не подлежит сомнению тот факт, что господствующая в буржуазном обществе тенденция к концентрации и монополизации приведет к тому, что производство и распространение домашних видеокассет станет делом гигантских монополистических комплексов. В этом отношении видеокассеты разделят участь всех предыдущих средств коммуникации.

Буржуазные исследователи, доказывая, будто произойдет ослабление централизованного идеологического воздействия на массы со стороны буржуазного государства и монополий, вместе с тем не скрывают своих намерений повысить массивность воздействия на аудиторию с помощью новых технических средств.

ГЛАВА IX

УСИЛЕНИЕ ДИКТАТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Новые идеологические установки, разрабатываемые совместными усилиями буржуазных теоретиков и политиков, вносятся в общественное сознание через посредство разветвленной системы пропаганды.

Внедрение новых концепций в практику — процесс сложный, противоречивый. Социологические доктрины проходят апробирование на нескольких этапах (вклю-

чая научные издания, популяризацию в учебниках, лекционных курсах и т. д.), прежде чем стать достоянием массовой пропаганды. Правда, нередко актуальные запросы идеологической борьбы сокращают цикл прохождения новой концепции от профессорских кабинетов и лабораторий до массового издания с многотысячным тиражом. Начавшаяся на Западе «реидеологизация», если рассматривать ее в целом как процесс поиска новых и обновления уже имеющихся концепций и доктрин, повлекла за собой изменение методов воздействия на общественное сознание. Развиваясь в рамках официальной идеологии, этот процесс прежде всего стимулировал более активное использование приемов буржуазной пропаганды, отличающихся открытой антикоммунистической и антисоциалистической направленностью, откровенной апологетикой империализма и милитаризма. И в пору «деидеологизации» буржуазные средства массовой информации и пропаганды носили антикоммунистический характер, были тесно связаны с военно-промышленным комплексом, однако они облакали истинные цели и устремления своих хозяев в более завуалированные формы.

В настоящее время стала явной тенденция возвращения к «холодной войне». Западные политики призывают к единству внутри буржуазного общества, рассчитывая скрепить его на основе мифов и фальсификаций времен «холодной войны», приспособляемых к новой действительности.

На страницах западных изданий, на телевизионных экранах вновь появился «русский медведь», устрашая обывателя. В 1979 году британская корпорация Би-би-си, например, представила своей аудитории клеветнический телефильм, рассказывающий о якобы агрессивной политике Советского Союза, — «Медведь на пороге». К этому фальсифицированному образу начали прибегать все чаще американские пропагандисты. Американский еженедельник «Тайм» на обложке одного из своих номеров дал стилизованное изображение карты того района планеты, где расположены Афганистан, Иран, Пакистан, Ближний Восток, Эфиопия, и здесь же поместил устрашающую фигуру медведя. Под рисунком шло название «гвоздевого» материала номера: «Дуга кризисов». «Респектабельное» издание «доказывало» существование русской угрозы, ссылаясь на вымышленные

факты из истории России, включая никогда не существовавшее «завещание Петра I». Смысл статьи сводился к тому, что Советский Союз «заинтересован в распространении своего влияния на всю зону, охваченную кризисом». Уже заголовки в буржуазных изданиях свидетельствуют о планомерном нагнетании антисоветской истерии: «Новая советская угроза НАТО», «Можем ли мы остановить советскую военную машину в Афганистане?» и т. д. — инсинуациям и ложным измышлениям нет числа.

Из арсенала «холодной войны» буржуазной пропагандой извлечен миф о советском вмешательстве во внутренние дела суверенных государств и «экспорте» революции. Провокационные кампании в органах информации Запада против революционных преобразований в Афганистане, Эфиопии, Никарагуа, против свержения шахского режима в Иране были построены на этих фальсификаторских посылках.

При этом ввиду отсутствия реальных фактов иные органы буржуазной прессы прибегают к откровенно мошенническим трюкам с информационными материалами, рассчитывая таким образом склонить общественное мнение в поддержку реакционной политики империализма. В одном из номеров западноберлинской газеты «Бэ-Цет», принадлежащей концерну Шпрингера, например, был помещен снимок, сделанный корреспондентом американского агентства Ассошиэйтед Пресс (АП), с подписью под ним: «Молодые афганцы преградили дорогу советскому танку Т-34 на подступах к Кабулу». В действительности агентство АП сопровождало фото следующим текстом: «Афганская молодежь собирается около броневой машины пехоты Красной Армии, чтобы поговорить с советскими солдатами и продать им сигареты. Русские солдаты в ответ раздают сладости»¹. Материалы АП, безусловно, не могут служить эталоном объективного освещения афганских событий. Субъективистские оценки, предвзятые мнения, несправедливые суждения присутствуют также в сообщениях агентства о революционных преобразованиях в Афганистане. Но даже когда АП не искажает реальные факты, за него это охотно делают другие буржуазные издания, пользующиеся его услугами.

Агентство Франс Пресс тоже не брезгует выдуманными сенсациями, рассылая клиентам телеграммы о

том, как один «перебежчик» осудил «советские бомбардировки» афганских деревень и т. п. Не вызывает сомнения, что подобные акции проводятся для того, чтобы оклеветать социализм и создать пропагандистскую ширму, прикрывающую подрывные действия империализма против мира и социализма, против освободительной борьбы народов.

Наряду с возрождением вульгарных методов откровенной «психологической войны» «реидеологизация» на Западе нашла отражение в попытках повысить в средствах пропаганды удельный вес так называемого «теоретического образования», цель которого — способствовать внедрению определенных идейных установок. Пропаганда их преследует цель, с одной стороны, заполнить образовавшийся мировоззренческий «вакуум», с другой — внушить «незримой аудитории», что существуют рецепты для «исправления» капиталистического общества, следуя которым можно якобы устранить некоторые недостатки «совершенной» в целом капиталистической системы.

Буржуазная печать, радио, телевидение все чаще привлекают к освещению модных направлений западной социологии видных теоретиков для того, чтобы привить сознанию масс «подмалеванные идеалистические представления буржуазных философов»². Открывая новые рубрики, рассказывая в форме интервью или авторских выступлений о «последнем» слове европейской науки, западные пропагандисты отдают предпочтение различным футурологическим воззрениям, разработкам «метаидеологии», направленным на создание неких духовных ценностей, способных «объединить» все человечество. Сегодня, когда капиталистическое общество вступило в полосу резкого обострения присущих ему противоречий, когда в один узел сплелись все кризисы — социально-политический, морально-культурный, экономический — буржуазная пропаганда с удвоенной энергией начала популяризировать такие новые или обновленные концепции, которые снимают с капитализма ответственность за возникновение кризисных явлений и призывают трудящиеся массы к «национальному согласию».

Во имя этих целей наряду с буржуазными теоретиками афишируются взгляды мелкобуржуазных «левых», таких как А. Горц. Французская буржуазная газета «Матэн», например, поместила рецензию на его книгу, пред-

ставляющую собой не что иное, как дальнейшие вариации на тему о «технотронном» обществе. Обозреватель газеты Пьер Розанвайон подробно изложил основные теоретические положения Горца, который якобы «весьма просвещенным образом» обосновывает «кризис пролетариата». Горц говорит о возникновении «не класса не трудящихся», поскольку, по его мнению, пролетариат технически развитого капиталистического общества уже не может представлять собой класс, единству которого раньше способствовала борьба за осуществление проекта создания нового общества. Цель современной классовой борьбы, в представлении Горца, — в освобождении от бремени тяжелого физического труда. А поскольку научно-технический прогресс, рассуждает Горц, широкая повсеместная автоматизация производства способствовали разрешению этой проблемы, то и классовая борьба потеряла свою актуальность.

Осуществляемое таким образом теоретическое образование, естественно, не может снизить накала классовой борьбы в капиталистических странах. Однако показательно, что «реидеологизаторская» волна вынесла на страницы буржуазной прессы именно идеи об отсутствии классов в современном капиталистическом обществе. Пропагандируя мысль о том, что рабочие и предприниматели — представители одной нации, которые должны сплотить ряды перед лицом внешних и внутренних неурядиц, буржуазные манипуляторы таким образом внедряют в сознание масс идеологию «социального диалога». На смену материальным ценностям, внушают они, должны прийти нематериальные ценности, то есть духовные, которые можно обрести приобщением к идеям «социального партнерства» и «социального согласия».

Анализируя западную печать, нетрудно обнаружить, что одна буржуазная идеологическая доктрина спешит сменить другую, не успевая оформиться в сколько-нибудь состоятельный свод идей. Но то, что к ним несравненно чаще, чем прежде, обращается пропаганда, свидетельствует о повышении роли идеологического фактора в общественной жизни Запада.

«Реидеологизация» повлекла за собой разнообразные меры по укреплению и реорганизации широко разветвленного информационно-пропагандистского комплекса империализма, в том числе аппарата внешнеполити-

ческой пропаганды. Этот процесс развернулся сразу по нескольким направлениям. Во-первых, наметилась определенная тенденция к ужесточению государственного контроля над средствами массовой информации с одновременным расширением правительственных ассигнований на различные пропагандистские мероприятия. Во-вторых, в ряде капиталистических стран были проведены реформы аппаратов внешнеполитической пропаганды, которые в соответствии с новым направлением внешней политики империализма активизировали свое участие в организации мероприятий «психологической войны» и идеологических диверсий, направленных против социалистического содружества. В-третьих, претерпевают определенные изменения методы буржуазной пропаганды, которая постепенно отходит от внешне опосредованных, аполитичных форм, отводя больше места мировоззренческим аспектам. В этой связи на Западе происходит своеобразная переоценка роли и значения отдельных средств массовой информации. Особое внимание уделяется развитию тех из них, которые более оперативно могут включиться в процесс формирования «мировоззрения Запада», в частности радиовещанию, телевидению, а также специализированным средствам информации, о которых пойдет речь ниже.

С середины 70-х годов в буржуазной литературе появилось много статей об усилении роли СМИ в современном обществе и их влиянии на различные социально-культурные слои общественности, на позиции и мнения индивидов и групп.

В ходе обсуждения этих проблем высказывались подчас диаметрально противоположные точки зрения. Одни выступали за сохранение привилегий «свободной прессы», защищающей общественно-политическую систему. Другие с негодованием отмечали злоупотребления со стороны средств массовой информации, критически оценивали практику «свободного рынка» в области массовой информации и как панацею от этого предлагали правительственное регулирование печати посредством законодательных санкций, экономического контроля и т. д. Все эти выступления служили как бы фоном, на котором закономерно должны были выглядеть новые меры исполнительных властей капиталистических держав по усилению контроля над средствами массовой информации.

Тенденция к ужесточению такого контроля проявилась наиболее ярко в США. Только за первые шесть месяцев 1977 года, например, в конгрессе Соединенных Штатов было внесено 98 новых законопроектов, накладывающих различные ограничения на прессу. По данным американского «комитета репортеров за свободу прессы», примерно такое же в общей сложности число предложений по данному вопросу было передано в конгресс за два предшествующих года³. Хотя не все проекты проходят даже стадию слушания в высшем органе законодательной власти США (среди множества факторов, объясняющих это обстоятельство, не в последнюю очередь следует назвать активное сопротивление буржуазной печати, тщетно, правда, пытающейся сохранить за собой хотя бы иллюзорную свободу выбора и действий), некоторые из них получают статус закона. Так, был одобрен американским сенатом законопроект С-1437 «О кодификации, пересмотре и реформе федерального уголовного кодекса», который содержал пункты, ограничивающие действия печати. В 1977 году в США вступил в силу подписанный еще президентом Фордом закон, суть которого, на первый взгляд, заключалась в расширении доступа печати к правительственной информации, поскольку речь шла об открытии для прессы заседаний более 50 правительственных учреждений. Однако закон содержал исключения, пользуясь которыми администрация получала возможность ограничить доступ к информации, не нуждающейся, по ее мнению, в гласности. Журнал «Эдитор энд паблишер» привел данные, из которых видно, что в течение первых трех месяцев после вступления в силу вышеупомянутого закона исполнительные власти из 591 заседания правительственных органов оставили открытыми для прессы и публики только 216, остальные прошли за закрытыми дверями⁴.

Углубились конфликты между прессой и судом, который используется американским правительством как одна из форм контроля над средствами массовой информации и пропаганды. Суть большинства конфликтов состоит в том, что судебные власти оценивают отказ журналистов сообщать конфиденциальные источники информации как неуважение к их авторитету и на этом основании обвиняют репортеров в клевете, штрафуют и даже сажают в тюрьму. Американский журнал «Тайм» отме-

чал, что высшие должностные лица в судах занимаются «вендеттой против прессы по никсоновскому образцу»⁵. В августе 1978 года, например, суд потребовал от М. Аллена, корреспондента газеты американских коммунистов «Пиплз уорлд», выходящей на Западном побережье, представить его блокноты с записями, в которых содержался перечень имен организаторов стачки на предприятии, что фактически означало угрозу расправы над профсоюзными деятелями⁶. Решение Верховного суда США от 31 мая 1978 г. по делу о студенческой газете «Стэнфорд дейли» вызвало широкое возмущение среди американской общественности. Согласно этому постановлению, полиция получала разрешение на обыск в редакции газеты с целью обнаружения следов «преступления», разбираемого в суде, несмотря на то, что никто из сотрудников редакции в нем не подозревался.

Как отмечает американский обозреватель Дж. Крафт, по типичному вашингтонскому образцу новости фабрикуются в правительстве различными заинтересованными лицами, а затем передаются прессе в таком виде, который в полной мере устраивает «источник» информации⁷. Пресс-службе Белого дома в первую очередь вменяется в обязанность неустанно приукрашивать образ президента, выставляя его радетелем за национальные интересы.

Однако, по свидетельству многих западных журналистов, отношения между ними и представителями пресс-службы правительства обычно «самые сердечные», несмотря на отдельные случайные стычки. Профессор Висконсинского университета Б. Коэн отмечал, в частности, что госдепартамент может «играть на прессе с такой же легкостью, как вы бы играли на фортепьяно»⁸. Щедро вознаграждаемые за свои труды, публицисты «дяди Сэма», работающие в правительственных пресс-службах (наиболее высокооплачиваемые из них зарабатывают до 40—50 тыс. долл. в год), устанавливают контакты с представителями буржуазных средств массовой информации, соревнуясь за внимание американцев, «подобно компаниям по продаже зубной пасты».

Итак, с одной стороны, политика «закручивания гаек» — и с этой целью в ход пущены законодательная и судебно-исполнительная машины «демократического» общества. С другой стороны, политика лести и подку-

пов, руководствуясь которой большой капитал намерен эффективно влиять на образ мысли людей, идеологически обрабатывая их с помощью средств массовой информации.

«Реидеологизация» активизировала все процессы, связанные с обработкой общественного мнения через каналы средств массовой информации, в том числе наращивание мощи государственных пропагандистских аппаратов империализма. В Соединенных Штатах, например, такой аппарат обходится ныне американским налогоплательщикам по крайней мере в 2,5 млрд. долл. в год, а если учитывать тайную деятельность, то гораздо больше. По свидетельству американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», эта сумма превышает общие расходы федерального правительства на пособия потерпевшим бедствие, на исследование раковых заболеваний, а также энергетических проблем⁹. Вашингтонская машина пропаганды столь объемна, что практически никто не знает, сколько служащих занимается «прославлением деятельности правительства», число их определяют цифрой в 20 тыс., но день ото дня оно продолжает расти. Вашингтон прослыл «Голливудом на Потомаке», отмечает журнал, подчеркивая, что правительственные ведомства ежегодно расходуют 600 млн. долл. только на производство кинофильмов и других аудиовизуальных программ¹⁰. Перед этой суммой расходы крупнейших американских кинокомпаний, таких как «Твентис санчурри — Фокс» и «Парамаунт пикчерс корпорейшн», просто меркнут. Продолжает расти и поток печатной продукции: в 1978 году правительственные издания обошлись заказчику в 500 млн. долл., а дополнительные расходы составили сумму еще в 800 млн. долл. По ироничному замечанию «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», общего количества пресс-релизов, отчетов и докладов, выпущенных правительственными пресс-службами, хватило бы на возведение четырех статуй Вашингтону¹¹. Но и все эти цифры не отражают истинного положения дел. Как заявил сенатор Абрахам Рибикоф, центральному финансово-контрольному управлению США не удалось установить окончательную сумму расходов федерального правительства на пропаганду¹². Практически во всех государственных ведомствах США создана служба «паблик рилейшнз», призванная наводить лоск на программы, разрабатываемые в стенах правительственных уч-

реждений, и создавать благоприятные «имиджи» руководящих деятелей. Наиболее представительная служба такого рода имеется при министерстве обороны США, что весьма симптоматично на нынешнем этапе эволюции американской внешней политики. Ее штат состоит из 1227 служащих-специалистов по вопросам информации, экспертов по связи с общественностью и т. д., а общий бюджет составляет сумму 25 млн. долл. По заключению специальной ревизионной комиссии по проверке федеральных документов, министерство обороны и соответствующие ведомства, связанные с вопросами национальной безопасности, наиболее эффективно, почти в высокохудожественной форме манипулируют информацией, сообщая о реальной или вымышленной угрозе для того, чтобы восполнить дефицит в бюджете*.

Методы правительственных специалистов по информации, призванных обрабатывать общественное мнение, используя все имеющиеся в их распоряжении средства, включая многочисленные каналы СМИ, сродни приемам и методам буржуазной пропаганды в целом. Не случайно бывший помощник министра обороны США по связи с общественностью А. Сильвестр отмечал, что «правительство обладает неотъемлемым правом лгать народу»¹³. В буржуазной прессе цитировали его же слова о патриотическом долге, сказанные американским репортерам в то время, когда шла война во Вьетнаме. Долг этот в интерпретации Сильвестра заключался в «распространении такой информации, которая выставляет США в выгодном свете»¹⁴. На вопрос, не означает ли это, что пресса должна быть служанкой правительства, он ответил: «Да, именно это я и имел в виду... Если вы думаете, что кто-то из американских деятелей собирается говорить правду, тогда вы глупцы. Вы слышите это? Глупцы!»¹⁵.

Наиболее распространенным приемом правительственной техники манипулирования массовым сознанием является, по словам одного из директоров бюро по связи с общественностью, обыгрывание «грехов прошлого»

* Только за один год (1978) служба «паблик рилейшнз» министерства обороны США выпустила 3560 телевизионных фильмов и 3412 аудио- и других информационных материалов. Снабженные пикантными, вводящими в заблуждение названиями, эти аудиовизуальные и печатные материалы служат нагнетанию военной истерии, прославляя генералов Пентагона и американское оружие.

при одновременном обстоятельном описании новых правительственных программ и усилий администрации, направленных на «устранение недостатков». В контексте установки на «реидеологизацию», понимаемую как мобилизация политических мифов, различных идеологических фикций и стереотипов, версия о возможном «подновлении», «исправлении» капиталистического общества развивается наиболее активно. Речь идет о закреплении в массовом сознании идейно-психологических представлений, которые неустанно навязываются буржуазной пропагандой на протяжении уже не одного десятилетия. Неточности и откровенная ложь, инсинуации, вводящие в заблуждение, тенденциозность фактического изложения и комментариев — все эти практические уловки манипуляторы используют и сегодня, когда «реидеологизаторская» тенденция начинает отчетливее проявляться в повседневной журналистской деятельности. Более того, в связи с нынешней ориентацией империализма на усиление «психологической войны» против социалистического содружества, цель которой — отвлечь внимание масс от внутренних проблем, переведя их недовольство капиталистической эксплуатацией и насилием в другое русло, буржуазная пропаганда еще интенсивнее начала использовать наиболее дискредитированные приемы и методы. Даже буржуазным критикам приходится признавать, что эти приемы часто сомнительно законны и безнравственны.

«Это неизбежно, — подчеркнул Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл. — Капиталистические пропагандисты защищают иррациональную, несправедливую и устаревшую систему. И они могут делать это только с помощью лжи»¹⁶. В статье «Идеологическая война», помещенной в газете «Дейли уорлд», Г. Холл приводит убедительные примеры того, как органы массовой информации ежедневно утаивают и искажают факты, вступая с правящим классом в сговор против трудящихся. «Мы живем в обществе, — отмечает он, — в котором идет классовая борьба и в котором решающим орудием этой борьбы являются идеи... Из идеологической машины империализма, как из автомата, непрерывным потоком льется пропаганда, направленная против трудящихся»¹⁷.

Лидер коммунистического движения в США разоблачает идеологическую установку правящего капитала,

трактуемую средствами пропаганды как призыв к достижению «национального единства», но в действительности направленную на разъединение рабочего класса, трудящихся масс, на то, чтобы лишить классовую борьбу политического содержания, восстановив общественное мнение против любых ее проявлений.

Трудящиеся страдают от инфляции. Но буржуазные СМИ избегают показывать, что означает она для миллионов простых американцев, не пытаются правдиво объяснить стремительный рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости, на жилье, топливо, транспорт. Они муссируют ложную идею о том, будто трудящиеся своими требованиями о повышении заработной платы способствуют дальнейшему росту инфляции вместо того, чтобы подтянуть ремни «в интересах всей страны, всей нации».

Трудящиеся бастуют. Но, рассказывая, например, о забастовках горняков, средства массовой информации не сообщают о том, как гибнут шахтеры по вине предпринимателей, не обеспечивающих в должной степени технику безопасности. Буржуазные СМИ не объясняют, почему бастуют шахтеры, подчеркивая только, что горняки «ставят свои корыстные интересы выше интересов всей страны»¹⁸. Информирова общественность о выступлениях рабочих и служащих нью-йоркского метрополитена, они тут же запугивают ее возможным повышением платы за проезд и сокращением числа рейсов поездов. И здесь буржуазная пропаганда применяет испытанную временем стратегию. Против лживых, лицемерных приемов империалистической прессы не раз обращались гневная критика и сарказм В. И. Ленина. «Пугай как можно усерднее — таков лозунг всей буржуазной печати, — писал он. — Пугай изо всех сил! Лги, клеветщи — только пугай!»¹⁹.

В западной литературе, посвященной проблемам журналистики, рекламы, средств массовой информации, часто можно встретить слово «продажа» в сочетании с названиями различных политических феноменов, когда речь идет фактически о пропаганде. В капиталистическом обществе, где индустрия информации — такой же большой бизнес, действующий во имя прибылей под защитой «свободной экономической системы», как нефтеперерабатывающая отрасль промышленности или любая другая, вполне естественной выглядит «продажа»

общественности новых направлений политики, нового президентского курса, новых идеологических концепций. «Продается» даже Капитолий (!) — по крайней мере так оценивают некоторые буржуазные критики факт создания в американском конгрессе разветвленной мобильной системы для связи с общественностью. В обход закона конгресса США 1913 года, запрещающего использование правительственных фондов для оплаты «экспертов по вопросам гласности», в последние годы там создан мощный аппарат «паблик рилейшнз», осуществляющий связь с представителями буржуазных СМИ. Намерения конгрессменов не представляют тайны: ими движет желание как можно эффектнее представить собственную деятельность в средствах массовой информации в целях оказания влияния на общественность и завоевания доверия избирателей. Бюллетени, издаваемые в конгрессе (в том числе «Конгрешнл рекорд», наиболее часто вводящий в заблуждение, по свидетельству американской печати), обходятся налогоплательщикам в 64,9 млн. долл., а зарплата обслуживающего персонала радиотелевизионной студии Капитолия — в сумму около 839 532 долл. в год.

Закономерно с этой точки зрения выглядит идентификация принципов капиталистической торговой рекламы (не обманешь — не продашь) и пропаганды, поскольку невозможно искренне убеждать массы в справедливости существования системы монополистического капитализма, основанной на неравенстве, эксплуатации и репрессиях. К подобным ухищрениям прибегает капитализм и в идеологической борьбе против стран социалистического содружества, с каждым годом все более увеличивая расходы на деятельность системы средств внешнеполитической пропаганды.

Начиная с 1977 года в США, например, проводилась объявленная Дж. Картером программа «повышения эффективности» всего аппарата внешнеполитической пропаганды. В соответствии с ней была проведена реорганизация Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА), на базе которого создано Управление по международным связям (УМС). Несмотря на заявление Картера о том, что управление «не будет принимать действий, квалифицируемых как манипулятивные или пропагандистские»²⁰, это новое правительственное агентство сориентировано целиком на усиление

ние «психологической войны» против стран социалистического содружества и оказание давления на общественность зарубежных стран. Бюджет УМС составляет сумму примерно 433 млн. долл. в год, почти 9 тыс. его сотрудников работают в представительствах управления, размещенных в 126 странах. Являясь координатором глобальных пропагандистских кампаний Вашингтона, управление по международным связям издает 12 журналов на 22 языках, производит около 90 фильмов в год, программы его радиостанции «Голос Америки» составляются на 37 языках, объем радиопередач — примерно 800 часов в неделю²¹, библиотеки и читальные залы созданы более чем в 100 странах. Ассигнования на пропагандистские ведомства Вашингтона неуклонно растут. Если в 1973 году на нужды радиостанций ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа» (РС-РСЕ) конгресс США ассигновал из государственного бюджета 38,5 млн. долл., в 1974 и 1975 — по 50 млн. долл., в 1976—60 млн. долл., то в 1980 году было выделено 93,9 млн. долл. Более того, комиссия палаты представителей по иностранным делам проголосовала за дополнительные ассигнования в 3 млн. долл. В 1980/81 фин. году бюджет РС-РСЕ достигнет 113,5 млн. долл., а «Голоса Америки» — примерно 100 млн. долл.²² Совершенствуется и техническое оснащение пропагандистского аппарата империализма, предназначенного для распространения идей антикоммунизма, антисоветизма. На территории Португалии и ФРГ завершается строительство 11 радиопередатчиков для РС-РСЕ, в конгрессе США обсуждается возможность использования спутникового радио и телевидения. Поворот администрации США от разрядки международной напряженности к конфронтации с социалистическим содружеством обусловил расширение акций «психологической войны», в которой основная роль отводится радиоверсиям. Было естественно, что сразу же после совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки некоторые американские политики выступили за прекращение дальнейших ассигнований на радиоцентры, расположенные за пределами США. «Мы принесли бы гораздо больше пользы американскому народу и народам всего мира, — отмечал в этой связи американский конгрессмен Г. Бэрк, — если бы способствовали уменьшению международной напряженности»²³. Но в последующие годы позиция по этому вопросу резко изменилась.

В 1978 году по указанию Дж. Картера был создан специальный координационный комитет, который под руководством помощника президента по национальной безопасности З. Бжезинского стал осуществлять контроль над деятельностью РС-РСЕ, а также «Голоса Америки» в ходе широкомасштабных операций «психологической войны». Одновременно Соединенные Штаты расширяют круг партнеров, принимающих участие во внешнеполитических пропагандистских операциях Вашингтона: Египет и Израиль предоставили на своей территории место для строительства американских ретрансляционных станций, крепнут связи между УМС и пекинскими антисоветчиками.

Все эти процессы, свидетельствующие о четко выраженной тенденции усиления внимания в капиталистическом обществе к вопросам идеологии и пропаганды, проходят в настоящее время во всех странах империалистического лагеря, хотя и не так интенсивно, как в США. В этой связи правомерно воспользоваться сравнением В. И. Ленина, охарактеризовавшего универсальные и планомерные кампании «всемирного синдиката» капиталистической прессы как «один хор, один оркестр», которым дирижирует «международный капитал способом, менее заметным, чем дирижерская палочка»²⁴.

Последние годы проходят в капиталистических странах под знаком небывалого интереса со стороны правящих кругов к проблемам средств массовой информации и пропаганды, к их настоящему и будущему. Практически во всех европейских странах прошли на правительственном уровне обсуждения проблем печати, радиовещания, телевидения. Так, в 1978 году состоялись дебаты в британском парламенте относительно положения прессы. По мнению газеты английских коммунистов «Морнинг стар», они не коснулись самого животрепещущего вопроса — демократизации печати, но в ходе их проявилась заинтересованность правящих кругов в усилении правительственного контроля над газетами и журналами. В апреле 1978 года в Бонне прошла конференция объединения западногерманских профсоюзов, посвященная политике в области СМИ, а в ноябре там же состоялся чрезвычайный съезд ХДС/ХСС с аналогичной повесткой дня. Эксперты основных политических партий ФРГ подготовили ряд документов, свидетельствующих о намерении их лидеров активизировать политику в обла-

сти средств массовой информации. Осенью того же года был опубликован второй отчет (первый появился в 1974 г.) федерального правительства о положении в СМИ²⁵. Западногерманские монополии начали широким фронтом осуществлять экономическую и сопутствующую ей идейно-политическую экспансию в развивающихся странах. По свидетельству официальных лиц, ФРГ только за два года (1977—1978 гг.) участвовала в осуществлении 64 проектов создания инфраструктур в области СМИ в 38 развивающихся странах²⁶.

После парламентских выборов во Франции в 1978 году и формирования нового правительства в его составе появилась должность министра культуры и коммуникаций, в обязанность которого декретом премьер-министра вменялось «осуществлять полномочия, вытекающие из закона о прессе от 17 ноября 1944 г. и закона о радиовещании и телевидении от 7 августа 1974 г., ...возглавлять Высший совет по аудиовизуальным средствам, разрабатывать и проводить в жизнь политику правительства в деле ориентации и развития аудиовизуальной техники»²⁷. Характерно, что во Франции в последнее время буржуазными политиками открыто признается пропагандистская функция СМИ, в частности радио и телевидения, играющих все возрастающую роль в идеологическом воздействии на сознание масс. Так, в докладе сенатской комиссии, изучавшей деятельность радиотелевизионных компаний, отмечалось, что телевидение является ставкой в политическом противоборстве, поскольку «большинство», стоящее у власти, так же как и оппозиция, стремится к контролю над телевидением в силу пропагандистской роли последнего²⁸.

Активизировался процесс государственного вмешательства в сферу идеологии в Швеции, одной из развитых капиталистических стран Европы. В настоящее время государство взяло на себя ответственность за развитие не только государственного, но и частного идеологического аппарата. Тенденция поставить пропаганду под государственный контроль в целях массированного насаждения буржуазного мировоззрения усилилась здесь значительно раньше, когда была образована государственная комиссия по делам прессы. Как отмечают исследователи Робин Чизмен и Карл Оле Нильсон, в настоящее время большая часть ежедневных газет Швеции зависит от прямых субсидий со стороны государства.

С 1970 года в Швеции действует национальный совет по общественной информации, который осуществляет контроль над развитием и планированием государственной информационной деятельности. В стране, где так много говорят о «свободе слова и плюрализме», объявляя эти идеи господствующими в рамках развитого капиталистического общества, на практике тем не менее активизируется процесс, связанный с усилением государственного аппарата в области идеологии и культуры. При этом провозглашается, что общественная, или государственная, информация имеет своей целью «опровергать информацию, противоречащую интересам общества», способствовать «направлению развития в нужное русло»²⁹. Несомненно, под «интересами общества» понимаются интересы господствующего класса и капиталистического государства, стремящихся любыми способами приостановить развитие демократических общественных тенденций, проявляющихся в росте забастовочного и антиимпериалистического движения, радикализации интеллигенции на Западе и т. д. По свидетельству Чизмена и Нильсона, в Швеции государственное вмешательство в область идеологии и пропаганды носит явно или скрыто репрессивный характер, что нашло отражение, например, в требовании представителей капитала не допускать людей с прогрессивными взглядами на работу в те сферы, где они могут оказывать определенное влияние на информационный процесс.

Во многих капиталистических странах, в том числе в Швеции, были изменены законы о радиовещании, прессе, общественной информации, поставившие выпуск информационной продукции под контроль капиталистического государства.

ГЛАВА X

ПЕРЕСТРОЙКА БУРЖУАЗНЫХ СРЕДСТВ ПРОПАГАНДЫ В ДУХЕ «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ»

Буржуазная журналистика и пропаганда, приспособившись к новым идеологическим принципам и установкам, отражающим курс на «реидеологизацию», ищут пути, которые с точки зрения эффективности планируемых и проводимых пропагандистских кампаний приве-

дуг, по мнению практиков, к более значительным результатам, чем прежде. Вследствие этого, на наш взгляд, на Западе возникли некоторые специфические процессы и явления, свидетельствующие о том, что афишировавшие свою «беспартийность» средства массовой информации ныне приобретают все более открытый политический характер. Это нашло отражение в более гибком использовании пропагандистских возможностей радиовещания, роль которого возросла в наши дни; в появлении некоторых новых форм и методов воздействия на сознание массовой аудитории в средствах информации, включая периодическую печать и телевидение. Выпукло проявилось это в расцвете так называемых специализированных изданий, обращенных к менее обширной и сравнительно однородной аудитории*.

Следует подчеркнуть, что изменения, происходящие сейчас в империях информационно-пропагандистского комплекса капиталистической системы, вызваны не только банкротством теории «деидеологизации», но и кризисными явлениями самой буржуазной журналистики, столкнувшейся с опасностью потери веры людей в информацию вообще.

По свидетельству Э. Саноффа, заместителя редактора журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», в США, например, в настоящее время специализированные журналы процветают, в то время как общепериодические издания борются за свое существование. Санофф утверждает, что журналы вообще переживают тенденцию к сужению специализации. Этот процесс характерен для многих капиталистических стран, и он начался не сегодня. По данным ЮНЕСКО на 1975 год, в США, например, из 9573 периодических изданий, выходящих в основном на английском, но также и на 34 иностранных языках, 4314 рассчитаны на аудиторию со специализированными запросами; во Франции наряду с 3800 наименованиями массовых журналов общим одноразовым тиражом 31 млн. экз. выходят 1663 специализированных журнала (по вопросам теологии, религии, права, социального обеспечения и т. д.), общий тираж которых составляет более $\frac{2}{3}$ тиража массовых изданий — 24,3 млн.

* Советские исследователи относят к их числу «деловые» журналы, предназначенные для научно-технической интеллигенции, бизнесменов, промышленников, церковные журналы и некоторые другие типы изданий по вопросам литературы, образования и т. д.

экз. (для сравнения: в 1957—1958 гг. было 317 наименований журналов тиражом 3 млн. экз.). В Канаде из 1015 наименований половина принадлежит профессиональным, промышленным и финансово-экономическим изданиям общим тиражом 4,4 млн. экз., еще 300 журналов посвящены вопросам религии, образования и т. д. и только 215 — массовые издания (но и их существование находится под постоянной угрозой в силу того, что растет импорт продукции такого рода из США) ¹.

Рост специализированных изданий в странах капитала обусловлен не в последнюю очередь потребностями научно-технической революции, в результате которой возникли новые отрасли знаний, появились новые профессии, а в связи с этим — и необходимость в специалистах более высокой квалификации. Призванные ориентировать читателей в сложных проблемах НТР, в различных сферах бизнеса, повышать их профессиональный уровень, знакомить с последними достижениями определенной отрасли знания и смежных с нею наук, специализированные журналы в то же время несут четкую идеологическую нагрузку, прямо и завуалированно пропагандируя преимущества капиталистической системы. Задачу буржуазных манипуляторов в значительной степени облегчает то обстоятельство, что эти издания рассчитаны на более однородную аудиторию, вкусы и интересы которой можно определить с большей степенью точности. «Деловая» журналистика имеет безусловно классовый характер: ставка делается на разобщение членов капиталистического общества, на их искусственное разделение в зависимости от профессиональной ориентации с целью отвлечения от насущных социально-экономических и политических проблем, потрясающих ныне основы капитализма.

На Западе, правда, высказываются опасения по поводу возможных последствий своеобразного бума в области средств информации, обращенных к специальной аудитории. В частности, некоторые критики заявляют о том, что широкое общество будет в результате лишено «информационного клея», объединяющего его в единое целое. Тем не менее большинство буржуазных исследователей склоняются к тому, что будущее принадлежит специализированным журналам. Неизвестно, суждено ли оправдаться этим прогнозам, но в настоящее время, когда апологеты империализма активизируют

вали поиски идей, способных увлечь массы, западные пропагандисты интенсифицировали специализацию периодических изданий журнального типа, представляющих удобный плацдарм для апробирования этих «новых идей».

К тому же, сужая специализацию, журналы одновременно испытывают на себе воздействие концернов и конгломератов, что уже автоматически ставит их под контроль экономических и политических интересов представителей большого бизнеса. В США, например, только компания Си-би-эс владеет более чем 60 журналами, предназначенными для различных аудиторий со специализированными запросами.

В связи с ростом подобных изданий наметились определенные процессы, связанные с развитием других буржуазных средств информации. Это относится в первую очередь к так называемым «качественным», или «солидным», газетам, читатели которых принадлежат к буржуазному истеблишменту. На фоне общего сокращения тиражей газет в капиталистических странах тиражи «качественных» газет имеют тенденцию к увеличению: например, в Великобритании в период с 1961 по 1975 год он увеличился на 14,5% (при этом в целом тираж ежедневной национальной прессы сократился примерно на 11%).

Разумеется, «респектабельные» газеты получают особенно большие доходы от рекламы и располагают, таким образом, лучшими возможностями для того, чтобы справиться с проблемой растущих издержек производства. Возрастающая неустойчивость буржуазного мира, бурная динамика и внезапные повороты в развитии мировых событий увеличивают потребность элиты буржуазного общества в ориентировании в сложных лабиринтах социальных процессов.

Более обильная в сравнении с другими изданиями информация на страницах «респектабельных» газет о внутренней и международной жизни содействует росту их тиражей.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что декларированный на протяжении долгого времени якобы чисто информативный характер этих изданий все более очевидным образом уступает место интерпретированной подаче новостей. Иными словами, информа-

ция сопровождается истолкованием, оценкой в соответствии, разумеется, с позицией владельца газеты.

Все большую популярность среди буржуазных пропагандистов приобретает идея превращения газеты в своеобразный дискуссионный клуб, поскольку таким образом создается иллюзия участия широких слоев общественности в социально-политической жизни страны. Эта идея находит отражение в создании новых рубрик и специальных полос, на которых помещаются аналитические обзоры по вопросам внешней и внутренней политики, теоретические статьи видных философов, историков, экономистов, в увеличении числа публикуемых читательских писем.

Характерно, что в последние годы даже крупнейшие информационные агентства, как, например, Юнайтед Пресс и Ассошиэйтед Пресс, в числе клиентов которых состоят и «респектабельные» буржуазные газеты, начали уделять большое внимание так называемому интерпретирующему репортажу. Руководство агентств, правда, заявило, что эта деятельность развивается параллельно с подготовкой более традиционных чисто информационных сообщений. И, хотя принципиальной разницы между двумя указанными направлениями не существует, на наш взгляд, симптоматичным кажется официальное признание этой тенденции в развитии буржуазной журналистики: ее сторонники считают, что такой подход, связанный с анализом и комментированием новостей, даст возможность эффективнее сориентировать общественность в нужном ключе.

В странах государственно-монополистического капитала действует сегодня организационно отлаженный, технически оснащенный пропагандистско-информационный комплекс, интегрированный с идеологическими институтами буржуазного общества. В советской литературе неоднократно отмечалось, что между различными отраслями пропагандистской индустрии — печатью, радиовещанием, телевидением — сложилось специфическое разделение труда. Вместе с тем в капиталистическом государстве существует ряд организаций, выполняющих своего рода координационные функции. К ним относятся прежде всего правительственные пропагандистские учреждения, рекламные и информационные агентства, обладающие широкими возможностями для влияния на политику различных органов СМИ, компании по связи

с общественностью — «паблик рилейшнз» и пресс-синдикаты, которые поставляют газетам готовые материалы, включая комментарии на политические темы, молодежную информацию, карикатуры, иллюстрации. Весь этот механизм, различные инстанции которого всегда находятся в состоянии тесной взаимозависимости, позволяет большому капиталу обеспечивать идеологическую унификацию. В таких условиях понятие «свобода информации» оказывается лишенным всякого смысла, поскольку группам, осуществляющим капиталистическую гегемонию, практически всегда удается придать основным информационным потокам нужные им идеологические направления. Диалектика отношений между различными звеньями идеологическо-пропагандистской индустрии капиталистической системы, отмечает руководитель миланского исследовательского центра «ИНДЕКС — критический архив информации» Ф. Сириато, является азбукой контроля, который капитализм осуществляет над обществом.

При определенной социально-политической конъюнктуре и в зависимости от стратегических целей буржуазных пропагандистов на том или ином этапе возникает тенденция, направленная на укрепление и развитие какого-то конкретного средства информации, которое становится одним из главных распределителей пропагандистской продукции.

Так, на Западе сегодня все чаще пишут о ренессансе радиовещания, которое после кризиса, обусловленного развитием телевидения, ныне заявляет о себе в качестве послетелевизионного средства массовой коммуникации. Потенциальные возможности радио далеко не исчерпаны, отмечает, в частности, английский исследователь и журналист-практик Ф. Берригэн². Группа американских исследователей, среди которых сотрудник исследовательского института по проблемам коммуникаций Стэнфордского университета Х. Хадсон и адъюнкт-профессор Пенсильванского университета Л. Хичхорн, также приходит к выводу о повышении роли радио в распространении «от центрального источника к населению» знаний и информации, содействующих социальному развитию. Радио, подчеркивают они, «способно стать участником общения, в ходе которого люди смогут высказывать собственные суждения и поддерживать друг друга»³.

Интерес к радиовещанию в условиях новой идеологической стратегии монополистического капитализма вызван несколькими причинами. Прежде всего следует принять во внимание доступность этого средства пропаганды для населения. По данным ЮНЕСКО, в США, например, зарегистрировано 1695 радиоприемников на 1000 человек (при этом на такое же количество населения приходится только 314 ежедневных газет и 472 телевизора); в Великобритании количество радиоприемников на 1000 человек также опережает количество ежедневных газет и телевизоров: 699, 437, 299 соответственно; во Франции на 1000 человек приходится 312 радиоприемников, 233 ежедневные газеты, 244 телевизора; в Италии — 230 радиоприемников, 142 ежедневных издания и 201 телевизор⁴. Всего в мире насчитывается 1 млрд. радиоприемников, примерно 1 приемник на каждых 4 человек. Несмотря на то что средние показатели по регионам дают различную картину, радиовещание во всех районах мира остается самым распространенным средством массовой информации.

Радиовещание более оперативно по сравнению с другими средствами коммуникации. Как отмечает советский исследователь Я. Н. Засурский, оно остается «и наиболее гибким и опасным оружием «психологической войны» и пропаганды — радиодиверсант не связан ничем».

«Образ, видеоряд (на телеэкране. — Авт.) можно интерпретировать по-разному, можно давать ему различную оценку, но тем не менее он ограничивает фантазию, тем более что его необходимо еще заранее и подготовить, — отмечает Я. Н. Засурский. — Радиодиверсанта же связывает только известная поговорка: „Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь“»⁵.

Кроме того, в большинстве капиталистических стран государство взяло на себя функции управления радиовещанием. Даже там, где существует коммерческое радио и телевидение, как, например, в Соединенных Штатах, государственные и полугосударственные учреждения оказывают огромное влияние на его деятельность. Об этом можно судить хотя бы по перечню организаций, представленных в крупнейшей радиокорпорации США Си-би-эс, который включает в себя совет по международным отношениям, комитет по экономическому развитию, институт анализа оборонных проблем, радио

«Свободная Европа», фонд Рокфеллера и т. д. В руководящие органы радиотелевизионных корпораций входят бывшие сотрудники ЦРУ, ФБР, Верховного суда США, научных центров, работающих по заданиям Пентагона. Государственное владение радиовещанием и государственный контроль над ним обеспечивают согласованность действий, направленных на идеологическую обработку сознания масс.

Все эти факторы обуславливают повышение роли радиовещания, которое активно включается сегодня на Западе в контекст углубляющейся идеологической борьбы. Следует также подчеркнуть, что в связи с так называемой «реидеологизацией», понимаемой нередко буржуазными пропагандистами как активизация скоординированных подрывных кампаний против социалистического содружества, против коммунистического и национально-освободительного движения, увеличивается нагрузка на радио при осуществлении внешнеполитической пропаганды. Этому способствует также развитие коротковолнового радиовещания, программы которого могут беспрепятственно распространяться через национальные границы.

Уже к началу 70-х годов количество коротковолновых передатчиков в мире возросло до 1365 по сравнению с 385 в 1950 году. Международные коротковолновые передачи США, например, в основном осуществляются радиостанцией «Голос Америки», в распоряжении которой имеется 113 ретрансляторов, расположенных на территории страны и за океаном: в ФРГ, Греции, Марокко и т. д. Многие буржуазные политические деятели не скрывают, что коротковолновое радиовещание играет большую роль в идеологической обработке общественного мнения в мире. «Я полагаю, — заявил американский сенатор Черч, — что, когда мы решили создать «Голос Америки», речь шла о правительственном пропагандистском агентстве, целью которого было распространение наших взглядов за границей... «Голос Америки» является продолжением правительственной политики...»⁶.

Наряду с развитием радиопропаганды большое внимание на Западе уделяется дальнейшему распространению телевидения, являющегося важным идеологическим институтом. Превратившись в главный источник «образов», буржуазное телевидение играет важную роль в

системе контроля над взглядами и поведением людей, препятствуя объективному познанию социально-политической действительности. «Роль средств массовой информации и состоит в том, — заявляет американский исследователь Дж. Мэндер, — чтобы утверждать реальность произвольного мира, в котором мы живем. Телевидение же путем создания образов призвано внедрять этот мир в наши головы, всем нам одновременно»⁷. По мнению Мэндера, телевидение тем самым наносит непоправимый ущерб личности и обществу в целом. Не поднимаясь до обобщений классового анализа, автор объясняет недостатки этого электронного средства коммуникаций самой природой телевидения. Рассуждать о возможности его изменения, утверждает Мэндер, «так же абсурдно, как и говорить о реформе огнестрельного оружия»⁸.

Рассуждения американского исследователя можно принять, когда речь идет о буржуазном телевидении, выполняющем манипуляторские функции в процессе идейной и психологической обработки сознания масс. «...Мы потеряли контроль над нашим разумом»⁹, — приходит он к заключению, анализируя влияние телевизионных «образов» на различные модели человеческого поведения.

Но никакие особенности телевизионной технологии, на которые ссылается Мэндер, не дают убедительных доказательств в пользу того, что телевидение вообще гораздо лучше приспособлено для выражения отрицательных эмоций, антисоциальных поступков — ненависти, страха, насилия — и рекламирования «потребительской психологии». И если большая часть программ буржуазного вундеркинда XX века, как называют телевидение на Западе, посвящена изображению насилия и прославлению «потребительских ценностей», этот факт служит иллюстрацией конкретного проявления идеологических, политических, экономических мотивов, которыми руководствуется буржуазная пропаганда.

Являясь наиболее наглядным средством воздействия на психологию массовой аудитории, телевидение обладает большим потенциалом в плане манипулирования сознанием индивидов. Интересно в этой связи вспомнить дело Заморы, привлечшее внимание американской общественности более года назад. Речь идет о подростке из курортного города Майами-Бич, который вместе

со своими друзьями ограбил и убил восьмидесятидвухлетнюю старуху, а затем тут же после убийства отправился на веселую прогулку в «Дисни уорлд» («Мир Диснея»). Это преступление, одно из многих, совершаемых в Америке подростками, стало сенсацией только потому, что адвокат юного убийцы Рональда Заморы, собирая материалы для защиты, обнаружил поразительное совпадение: мальчики совершили убийство по сценарию просмотренных накануне телевизионных фильмов. Два эпизода — один из уголовной серии «Коджэк» и второй из серии ужасов «Дракула» — были точно воспроизведены преступниками в жизни. Психиатры пришли к выводу, что подсудимый страдал «от длительной, интенсивной, недобровольной и подсознательной телевизионной интоксикации». Пятнадцатилетний Замора стал жертвой «электронного промывания мозгов, электронного гипноза», потому что он жил в «фантастическом мире телевидения, которое притупило его понимание добра и зла, заменило ему родителей, школу и церковь... Он думал, что действует, согласно телевизионному сценарию, и только»¹⁰.

Дж. Мэндер, упоминавшийся ранее, сформулировал 33 пункта, в которые, как он считает, укладываются содержание и характер телевизионных передач американского телевидения. В перечень лиц, событий, тем, которые получают преимущественное освещение на телевизионном экране, входят политические лидеры, знаменитости всякого рода, включая кинозвезд и популярных преступников, война, насилие, смерть, секс, «потребительские товары», конкуренция, конфликты и т. д. Из всех средств массовой информации телевидение, на наш взгляд, в наибольшей степени поставлено в зависимость от законов капиталистического рынка. Даже в тех странах, где телевидение находится под государственным контролем (Италия, Франция), реклама является своеобразным регулятором между системой рынка и системой информации. Коммерческое телевидение стало просто инструментом крупных промышленных монополий, поскольку они определяют его основной доход. В Соединенных Штатах, например, одна минута рекламного времени в программе, которую смотрят 30 млн. зрителей, стоит 120 тыс. долл. Если в начале 40-х годов все виды рекламы обошлись американским промышленникам в 3 млрд. долл., то к 1978 году расходы на

нее возросли в 10 раз, причем большая часть из 30 млрд. долл. была израсходована на телевидение¹¹.

В Латинской Америке, например, где подавляющее число радио- и телестанций принадлежит частному сектору, основной источник финансирования аудиовизуальных средств информации — это поступления от рекламы (94% в радиовещании и 95% в телевидении). Соответственно реклама занимает немалую часть трансляционного времени: 30—40% в радиовещании и 20—30% в телевидении (в некоторых латиноамериканских странах телевизионные передачи продолжаются 14 и более часов в сутки).

Крупнейшие радиотелевизионные корпорации США связаны с верхушкой финансовой олигархии, в частности с кланом Рокфеллера, естественно, оказывающей существенное влияние на содержание программ. В Эй-би-си крупнейшие финансисты совместно с членами правления этой корпорации держат в руках 76% акций (при этом 12 из 18 членов правления представляют банки и страховые компании). Почти половина акций Си-би-эс принадлежит коммерческим банкам (47,1% — данные на 1972 г.), что обеспечивает контроль над этой компанией.

В свою очередь и большой капитал зависит от телевидения, помогающего ему внедрять в сознание индивидов философию потребления, регулировать спрос и предложение в системе частного предпринимательства. Именно телевидение сыграло определяющую роль в формировании личности такого типа, который соответствует идеалам буржуазного общества потребления. Несомненно также, что стиль и содержание многих программ буржуазного телевидения также определяются коммерческим интересом монополий. Основная их цель — привлечь аудиторию.

В последнее время телевизионные станции Запада повысили удельный вес теоретических и политических программ, которые проходят в форме пресс-конференций с представителями общественных наук, заседаний «круглого стола» и т. д. В этой связи можно вспомнить серию политических телепередач компании Си-би-эс, посвященных сепаратным переговорам египетского президента Садата с израильскими лидерами в 1977 году. В то время заголовки американских газет гласили: «Телевидение успешно заменяет дипломатию», «Дипломаты,

учитесь у Ти-ви». Подготавливая общественное мнение к позитивному восприятию предательского курса Садата и позиции американской администрации по этому вопросу, компания Си-би-эс организовала телевизионную встречу Садата и Бегина, предшествовавшую поездке египетского президента в Иерусалим. По свидетельству буржуазной прессы, американское телевидение стало таким образом «побудителем» и «организатором» сепаратных переговоров, расцененных, однако, прогрессивной общественностью как капитуляция перед агрессором¹².

Ряд специализированных тележурналов, посвященных различным социальным и экономическим проблемам и призванных «объяснять» происходящие события, «углублять» знания, введен, например, на французском телевидении компанией «Теле-Франс-1». Ее генеральный директор Ж.-Л. Гийо отмечал в этой связи, что эпоха «охоты за изображением» миновала, так же как время информационно-политических журналов. «Французам надо много узнать, особенно в экономической области. Отсюда и появление нового экономического журнала „Ставка“»¹³.

Телевидение как одно из средств массовой информации стало предметом более пристального внимания со стороны буржуазных теоретиков, которые в рамках различных идеологических концепций создают рекомендации для империалистической пропаганды. Такие крупнейшие современные западные философы, как Д. Белл, Э. Фромм и др., специально останавливаются на вопросах, связанных со спецификой телевидения и его воздействием на структуру духовных явлений.

Концептуальный подход некоторых западных теоретиков, занимающихся непосредственно вопросами электронных средств коммуникации и их влияния на общество, отражает в определенной мере «реидеологизаторские» настроения и тенденции. Критика американских исследователей Р. Стенли и Р. Рамсея, в частности, направлена против развлекательного характера политических передач. Они полагают, что, обеспечивая аудиторию неиссякающим потоком материалов «бездумно карнавального» содержания, телевидение не стимулирует индивида ни к серьезному размышлению, ни к действию. Новости на американском экране, по их мнению, не информируют, а развлекают, отвращая публику от

желания иметь собственное суждение. «Такой подход к новостям, — пишут Р. Стенли и Р. Рамсей, — неизбежно приводит к поверхностным оценкам в сфере политики и к отсутствию осведомленности, что в свою очередь порождает скуку... или презрение к идеям, которым просто некогда развиться в умах зрителей»¹⁴.

На «телеярмарке», с сожалением констатируют эти буржуазные теоретики, преобладает тенденция больше внимания уделять коммерции, а не идеологии.

Аналогичную позицию занимает профессор социологии Корнуэльского университета Роуз Голдсен. «Телевизионная атака на зрителей, — отмечает она, — ведется таким образом, что мы воспринимаем образ, музыку, ритм без участия сознательной рефлексии, не рассуждая по поводу того, что следует одобрить, а что — отвергнуть»¹⁵. Подчеркивая иррациональную подоснову телекоммуникации, Р. Голдсен критически оценивает существующую технологию воздействия на различные уровни сознания масс. Комбинация из телевизионных образов рекламы и меняющегося музыкального сопровождения подается таким образом, по ее мнению, что даже «достаточно внимательная и зрелая аудитория» не в состоянии логически осмыслить материал.

В то же время «образность» телевизионной пропаганды предопределяет ее потенциально огромные возможности в процессе идеологической обработки аудитории. Любое информационное сообщение, любой комментарий, претендующий на анализ общественных закономерностей, на фоне документальных кадров — видеоряда выглядит более убедительно и достоверно. Эффект присутствия, возникающий во время просмотра телепередач, способствует созданию атмосферы доверительного общения, что дает возможность буржуазным манипуляторам завладеть сознанием каждого, предлагая вместе с тем унифицированные ориентиры поведения для всей аудитории в целом.

Позиции многочисленных буржуазных исследователей, изучающих проблемы и перспективы телевидения, иногда расходятся. Одни продолжают видеть в нем социальное зло, считая, что телевидение создает неправильную субъективную картину общественного развития. Теоретизируя в этом направлении, Дж. Мэндер, например, выступает за ликвидацию телевидения вообще, полагая, что оно оказывает «вредное влияние на

умственную, психическую, экологическую, экономическую и политическую сферы» и его следует лишить «права на дальнейшее существование»¹⁶.

Но большинство буржуазных исследователей, хотя и рассматривают телевидение как самостоятельный феномен вне рамок общества, в котором оно функционирует и чьи задачи выполняет, однако превозносят его социальную эффективность. Они особо выделяют «просветительную» функцию буржуазного телевидения. Приверженцы этой позиции, заботясь об укреплении основ «свободного предпринимательства», отмечают необходимость улучшения телевидения путем ограниченных реформ, направленных прежде всего на совершенствование техники внушения и идеологического воздействия.

Поиски обновления форм и методов идеологической деятельности телевидения старательно ведутся буржуазными практиками и теоретиками, которые работают в русле общей установки правящего капитала: создать видимость идеологической стабильности.

«Чем бы ни была пропаганда в прошлом, — отмечает Т. Морен, руководитель программы по коммуникационной экологии при Нью-Йоркском университете, — сегодня она — дитя современной технологии... Невинная ложь и индивидуальный обман, вид которых принимала пропаганда в прошлом, так же мало напоминают современную крупномасштабную пропаганду, как лук и стрелы — ядерные ракеты»¹⁷. Углублению процесса массированного идеологического воздействия на сознание людей в капиталистическом обществе во многом способствуют дальнейшая концентрация печати и монополизация средств массовой информации в западном мире. С каждым днем расширяются концерны, владеющие акциями в одной из отраслей издательского бизнеса, и конгломераты, которые одновременно с приобретением газетных, телевизионных, журнальных и книжных предприятий вкладывают значительную часть своих средств в различные отрасли военно-промышленного комплекса, не имеющие вовсе отношения к информации. Таким образом информационно-пропагандистская продукция в капиталистических странах оказывается под контролем немногих предпринимательских групп, осуществляющих главную цель господствующего класса: обеспечить национальное согласие в соответствии с его интересами и его идеологией. «В высокой степени концентрирован-

ная и монополизированная пресса (Запада. — *Авт.*), — подчеркивается в советской монографии «Журналистика в буржуазном обществе», — является надежным оружием правящих кругов в защите своих классовых интересов»¹⁸.

Наряду с этим наблюдается все большая интернационализация и, можно сказать, американизация информационно-пропагандистской деятельности капиталистических стран. Это явление находит отражение прежде всего в усилении влияния транснациональных монополий, развитие которых советские исследователи оценивают как качественно новую ступень концентрации прессы¹⁹. Колыбелью большинства из них являются Соединенные Штаты.

Стремление к захвату новых рынков сбыта информации с одновременным расширением идеологической экспансии стимулирует деятельность транснациональных монополий, развитие которых повлекло за собой закрепление практики «информационного неокOLONиализма». Используя финансовое и техническое превосходство, буржуазные информационные монополии поставили под контроль развивающиеся страны, намереваясь удержать в сознании общественности развивающихся стран стереотипы колониальных времен. Как подчеркивает известный индийский журналист, председатель координационного комитета пула информационных агентств неприсоединившихся стран Д. Р. Манкекар, при этом «транснациональные агентства не несут ни социальной, ни юридической ответственности за свои действия ни перед страной, в которой они функционируют, ни перед международной общественностью»²⁰. Вместе с тем география их деятельности не ограничивается рамками тех стран и районов, в которых отсутствуют или слабо развиты современные средства коммуникации. Транснациональные монополии информации в настоящее время прочно удерживают позиции в ведущих странах капитала, включая США, Великобританию и Канаду.

Информационно-пропагандистская система капитала интегрируется на международном уровне, и это проявляется, в частности, в том факте, что в настоящее время четыре крупнейших западных информационных агентства (американские ЮПИ, АП, английское Рейтер, французское Франс Пресс) сообща контролируют около 85%

общего потока новостей в несоциалистическом мире. Только Ассошиэйтед Пресс, например, снабжает информацией 10 тыс. газет, выходящих в 104 странах. По свидетельству одного из руководящих деятелей этого агентства Стенли Суинтона, более миллиарда людей ежедневно выносят свои суждения относительно событий в мире на основе информации АП.

Даже для многих буржуазных исследователей становится очевидным, что все рассуждения о беспристрастном отборе информации, о разнообразии стиля и содержания различных изданий и аудиовизуальных программ, отвечающих якобы интересам различных политических группировок и выражающих мнения всех слоев общественности, превратились в риторику буржуазной демократии. Очевидна заинтересованность правящей элиты капиталистических стран в концентрации-унификации информации, обуславливающей ее идеологическое единообразие. Помимо экономических выгод, это дает возможность распространять одни и те же идеологические концепции, используя различные пропагандистские методы, что позволяет сохранять видимость разнообразных и индивидуальных подходов к той или иной проблеме. На первый взгляд, весьма несхожие газеты, отличные по художественному решению телепередачи навязывают западной общественности одно и то же представление о так называемых «национальных интересах», которые необходимо защищать. В действительности монополисты отождествляют с национальной политикой прежде всего финансовые интересы своей группы. Тем самым они защищают капиталовложения в огромные заводы военной продукции, громко именуемые предприятиями национальной обороны.

Не случайно терпят неудачу любые попытки на Западе приостановить нарастающий процесс концентрации СМИ. Мертвой буквой остаются документы различных комиссий, доказывающих необходимость принятия законодательных мер, которые могут ограничить число изданий, контролируемых одним хозяином или группой владельцев, как это случилось, например, в ФРГ с так называемым «докладом Гюнтера», подготовленным комиссией по вопросам печати, учрежденной в 1968 году коалицией СДПГ—ХДС/ХСС.

Есть страны, где требования ограничить власть концернов приобретают форму закона, подобно Акту о со-

хранении газет, принятому в 1970 году в США. Но никакое антитрестовское законодательство все равно не становится серьезной преградой для владельцев крупных монополий. Легко обнаруживаемая структурная общность между информационными гигантами и правящими промышленно-финансовыми монополиями, связанными между собой через общие инвестиции, объединенными правлениями и даже семейными узами, обуславливает общность интересов: и те и другие выступают за сохранение существующего политического статус-кво. Бывший министр финансов и губернатор штата Техас Дж. Коннэли, характеризуя роль и значение американских СМИ, заметил, что «средства массовой информации — это четвертый из гигантских институтов наряду с большим правительством, большим бизнесом и большими профсоюзами, на который возлагается большая ответственность за сохранение системы свободного предпринимательства»²¹.

Вследствие такого подхода концентрация и централизация капитала в области средств массовой информации продолжают усиливаться как в национальном, так и в международном масштабах. Так, в Великобритании 4 концерна контролируют 99% тиражей популярной массовой прессы. К «большой четверке» принадлежат гигантский международный конгломерат «Рид интернэшнл», компании «Ньюс интернэшнл», «Бивербрук ньюспейперс» и «Дейли мейл энд дженерал траст». Группы стремятся распространять влияние на другие СМИ. «Рид интернэшнл», например, приобрела акции в «Ассошиэйтед телевизион корпорейшн», владеющей монополией на телевизионные передачи в средних графствах Великобритании, став первым английским экспортером коммерческого телевидения. Концентрация проявляется и в тиражах газет: на 9 из 111 газет в Великобритании приходится 60% общего тиража.

В Соединенных Штатах концерны и конгломераты контролировали в 1960 году 30% газет страны и 46% читателей газет. Сегодня на их долю приходится 59% газет и 71% читателей²². 1095 американских ежедневных газет из 1760 находятся во владении газетных монополий. 20 крупных монополий контролируют 50% общего тиража ежедневных газет, а 4 наиболее крупные из них — 21% тиража²³. Полагают, что недалек

день, когда в мире печатного слова воцарится ситуация сродни положению в области телевидения, где господствуют сейчас три гигантские корпорации: Эй-би-си, Эн-би-си, Си-би-эс. Постепенно расширяя круг своего пропагандистского влияния за счет присоединения журнальных и книжных предприятий, эти три монополистические корпорации контролируют сейчас около 600 телевизионных станций по всей стране. Естественно, что уже сейчас американские «бароны средств массовой информации», которым принадлежат крупные компании, обладают идеологической властью над тем, что читают американцы.

Тенденция к концентрации средств массовой информации и пропаганды отчетливо проявляется и в других капиталистических странах. В Канаде монополизировали рынок новостей несколько крупных пресс-синдикатов: «ФП пабликешнс лимитед», «Сатуэм инкорпорейтед», «Томпсон ньюспейперс лимитед», «Торстар корпорейшн». В ФРГ наиболее могущественными представителями информационного бизнеса остаются два концерна — Шпрингера и Бертельсмана. Политическое кредо, например, группы «Аксель Шпрингер гезельшафт фюр публицистик» недвусмысленно сформулировал ее владелец. «Сегодня, — заявил Аксель Шпрингер, — я делаю все, что могу, чтобы предотвратить распространение коммунизма. В сущности, в этом заключается смысл всей моей жизни»²⁴. Этот концерн контролирует в настоящее время более 40% общего тиража ежедневных газет по всей стране.

Одним из проявлений концентрации печати в капиталистических странах можно считать также сокращение числа изданий: например, за последние 10 лет во Франции — на 20%, в Бельгии, Дании, Швеции — на 30% и т. д.

Монополизированные СМИ, несмотря на отдельные факты оппозиции к тем или иным органам власти, в целом выполняют функции укрепления политического статус-кво и ведут согласованные активные кампании против социалистического содружества, сил мира, демократии и прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, многообразные процессы «реидеологизации» буржуазного общества обусловлены разворачиванием общего духовного кризиса капитализма. Вместе с тем они знаменуют новую фазу этого кризиса. Правящие верхи буржуазного класса вынуждены ходом событий вести активные поиски новых идеологических средств укрепления капитализма. Маска «деидеологизации» оказалась неэффективной.

Было бы, однако, ошибкой искать абсолютную грань и тем более абсолютную противоположность между обеими тенденциями. Речь идет о смене тактики, и смена эта остается в значительной мере условной, относительной. Обе тенденции преследуют единую цель: защиту идеологии буржуазии.

«Деидеологизация», разумеется, не имеет ничего общего с отказом буржуазии от своей идеологии. Распространившееся в 50—60-х годах в ее среде «разочарование в идеологии» объяснялось, с одной стороны, крушением надежд на устранение антикапиталистических, социалистических идей в ходе открытого идеологического наступления, а с другой — расчетами на решение этой идеологической задачи — укрепления веры в буржуазный строй — прежде всего иными, экономическими и политическими средствами. В идеологическом плане «деидеологизация» стала средством дезориентации масс, ослабления их сопротивления капитализму и одновременно прикрытием для проникновения буржуазных идей в общественное сознание под флагом «объективности», «беспартийности», их якобы «неидеологической» природы.

Под шум разговоров о «деидеологизации» продолжалось непрерывное расширение идеологических функций буржуазного государства, модернизировалась и продолжала разбухать громадная пропагандистская машина.

В свою очередь «реидеологизация» не означает разрыва с прежними основополагающими принципами идейной стратегии. Она не кладет конец раздробленности, противоречивой пестроте буржуазных теорий, школ, направлений, хотя в 70-х годах усилилась критика губительных последствий идеологического плюрализма на состояние умов в буржуазном мире, чаще стали слышаться призывы разрабатывать целостный подход к оценке и прогнозированию исторических процессов как противовеса единому марксистско-ленинскому мировоззрению.

Избавиться от множества сталкивающихся друг с другом идейных воззрений буржуазному сознанию, буржуазному обществу не дано. Сама его природа, его насквозь противоречивая социальная структура, противостояние друг другу основных социальных сил, образующих это общество, наконец, конкуренция между различными прослойками, группировками внутри самого правящего класса делают проблему ликвидации плюрализма с самого начала утопичной, неразрешимой. Как бы ни была велика потребность буржуазного общества в единой, монистической системе идеологических взглядов, плюрализм остается естественной, единственно возможной почвой буржуазного сознания. Она обрекает его в конечном счете на бессилие, обнаруживает основу духовного кризиса этого общества. Но другой духовной почвы у этого общества и быть не может.

Вот почему «деидеологизаторские» настроения и тенденции, отвергающие всякую целостную идеологию и считающие неограниченный плюрализм единственно возможной формой духовного бытия, не отмерли, не исчезли с поворотом к «реидеологизации», а лишь потеснились, отошли на второй план. Они продолжают существовать, приобретают новые формы, активизируясь временами то здесь, то там. Можно напомнить в этой связи о «новых философах» во Франции, появление которых сопровождалось во второй половине 70-х годов оглушительной рекламой буржуазной прессы и не менее беззастенчивой саморекламой представителей этого течения. Доказывая бесплодность социальных преобразований, объявляя прогресс враждебной силой, навязыва-

ваемой человеку, «новые философы» идут в поход против идеологии, объявляют войну «идеологическим текстам», предлагают людям вернуться от «идеологизма» к обыденной житейской логике.

С еще большим постоянством и активностью «деидеологизация» используется как средство подрыва социализма в развернутой службами Запада пропагандистской войне.

Доказывая ненужность идеологии, «деидеологизаторы» по сути дела имеют в виду только марксизм-ленинизм. Что же касается многочисленных буржуазных общественных теорий, то их авторы дружным хором отрицают их идеологический характер. Тщетно, однако, искать у них ответа на вопрос, в чем же, собственно, состоит особый, «неидеологический» смысл их теорий.

Одно не подлежит сомнению: поскольку миф о несовместимости идеологии с истиной направлен против социалистической идеологии, он неизбежно так или иначе служит целям протизоположной, буржуазной идеологии. Тезис об отказе от идеологии является насквозь идеологическим, партийным, буржуазным тезисом. Он еще раз подтверждает ленинскую мысль: «...Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому *всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое* *отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»¹.

Вместе с тем, говоря о «реидеологизации», нельзя не видеть происшедших вместе с этой тенденцией изменений в буржуазных теориях идеологии и в тактике идеологической борьбы. Более решительно стал подчеркиваться социальный, общественный (а не только субъективно-индивидуальный) характер идеологии, ее значение как активного фактора в изменении социальной действительности. Типичным для буржуазных теоретиков становится частичное признание научных элементов, моментов, сторон в идеологических концепциях, все более заметный отход от понимания идеологии только как утопии, мифа, совокупности условно выбранных «ценностей». И в этом случае прослеживается определенный отход от субъективно-идеалистической или агностиче-

ской позиции отцов буржуазной социологии, таких как Дюркгейм, Парето, Мангейм и др.

Этот хотя далеко не последовательный и не полный отход некоторых буржуазных теоретиков от традиционных позиций, это всегда лишь частичное признание элементов научной истины в идеологии происходят прежде всего под воздействием марксистско-ленинской идеологии, получившей столь очевидное подтверждение во всемирном общественном развитии нашего столетия.

С другой стороны, такое частичное признание ценности идеологии используется для более утонченных нападков на марксизм-ленинизм как на учение, верное якобы лишь частично, но не в главном, не в основном.

Эти сдвиги являются также следствием вынужденного осознания буржуазной теорией и социальной практикой громадного политического значения идеологии, ее быстро растущей роли в классовой борьбе.

Это, наконец, попытка поднять престиж существующих и будущих буржуазных идеологических концепций в глазах общественного мнения, поскольку доверие к ним падает. Пренебрежительное отношение к идеологии оказывается бумерангом, работающим против самой буржуазии. В интересах буржуазных идеологов представить свои творения в качестве объективной, научной истины, «действительной рациональности». «Деидеологизаторские» настроения в этих условиях наносят вред.

Духовное смятение, захватившее все слои буржуазного общества, неизбежно ведет к идеологическому прозрению масс, к осознанию ими пагубности капитализма для человечества. «Реидеологизация» — это буржуазная реакция на «идеологизацию» сознания масс, на растущие повсюду в мире антикапиталистические настроения. Это попытка вернуть утраченную инициативу в борьбе против социализма, попытка организовать контрнаступление против коммунистического учения.

Таким образом, «реидеологизация» целиком подчинена потребностям борьбы против социализма, против марксизма-ленинизма. На современном этапе международных отношений, когда мировая реакция предпринимает яростные попытки подорвать разрядку, «реидеологизаторские» тенденции продолжают активизироваться.

Раскрывая их сущность, марксистская мысль исходит из признания активной роли идеологии в историче-

ском процессе. Марксизм противостоит здесь буржуазным и мелкобуржуазным теориям стихийности, приписывающим значение сознательной революционной деятельности трудящихся. Он противостоит как идеалистическим концепциям, приписывающим идеологии самодовлеющий неклассовый или надклассовый характер, так и взглядам вульгарного материализма, отрицающего относительную самостоятельность и активную роль идеологии по отношению к экономике и политике.

При социализме роль идеологии резко возрастает и приобретает качественно новые черты в сравнении с капитализмом. Прежде всего резко возрастает ее познавательная роль как ориентира в социальном развитии. Все более полно подтверждается предвидение Энгельса: «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»².

В обществе, где хозяевами являются трудящиеся массы, идеология выполняет огромную мобилизующую и организующую роль. Это относится и к экономическому строительству, которое ведется на плановых, сознательных началах и где определение целей, сравнительного значения социальных ценностей приобретает исключительно важное значение. Это относится в равной мере к политическому регулированию общественного развития, где руководство партии, творчество масс, другие субъективные факторы приобретают небывалое значение.

Буржуазные теоретики потратили немало сил на спекуляции по поводу того, что рост материального благосостояния трудящихся при социализме будет якобы неминуемо вести к росту «потребительских» настроений, к идеологической «эрозии» и «деидеологизации» социального общества.

Желаемое и здесь выдается нашими противниками за действительное. Процесс роста материального благосостояния людей идет вместе с развитием и укреплением всех сфер социалистического общества. Он действует

прежде всего в пользу социалистических, а не каких-либо иных принципов, он создает наиболее надежный, единственно прочный фундамент социалистического общества. Каждый шаг по этому пути демонстрирует правильность и необратимость социалистического пути развития.

Конечно, в тех или иных отраслях жизни, в тех или иных формах вместе с ростом благосостояния могут оживляться в той или иной мере мелкобуржуазная «потребительская психология», проявляться чуждые привычки, взгляды, нарушения социалистической законности и т. п. Социализм располагает необходимыми возможностями для преодоления этих тенденций. Это в первую очередь правильная социальная политика партии и государства, неуклонно следующая марксистско-ленинским принципам. Это — умелая идеологическая воспитательная работа, предусматривающая наряду с разоблачением реакционной идеологии и пропаганды творческую разработку марксистско-ленинских идей применительно к новой обстановке, поиск позитивных ответов на возникающие проблемы.

За последнее время значительно изменились условия, в которых живут и работают советские люди. Обогатились их знания, выросли духовные запросы. С другой стороны, усилились попытки классового противника оказывать разлагающее воздействие на сознание советских людей. «Политика нашей партии ясна, — подчеркивалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. — И мы готовы ответить на любые вопросы, которые возникают у советских людей. Надо смелее делать это, помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм»³.

Укрепление позиций социалистической идеологии в массах неотделимо от процесса укрепления социалистической демократии, расширения участия граждан в решении общественных дел. Не отвлеченное книжное знание, а прежде всего общественная практика определяют убежденность человека. Участвуя в решении общественных дел, люди и умом и сердцем воспринимают глубокую истину социализма, единственную правильность социалистического пути развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ См. Борьба идей в современном мире. В 3-х томах. М., 1975, 1976, 1978; Социальная философия франкфуртской школы. Москва — Прага, 1975; Москвичев Л. Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., 1976. В лабиринтах буржуазного сознания. Критика концепций духовного манипулирования. М., 1978; Митин М. Б. Философия и социальный прогресс. М., 1979; Кейзеров Н. М. Общественное мнение и современная идеологическая борьба.— Социологические исследования, 1979, № 2, с. 56—65; Философия и ценностные формы сознания. М., 1978; Социальная природа познания. Теоретические предпосылки и проблемы. М., 1979; Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978;
- ² Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 12.

Глава I

- ¹ The New Sociology. Essays in Social Science and Social Theory in Honour of G. W. Mills. N. Y., 1964, p. 284.
- ² Kennedy J. F. Der Weg zum Frieden. Düsseldorf, 1961, S. 349.
- ³ Ibid.
- ⁴ Ibid., S. 352.
- ⁵ Aron R. Colloques de Rheinfelden. P., 1960, p. 19.
- ⁶ Aron R. L'Opium des intellectuels. P., 1955.
- ⁷ См. Bell D. The End of Ideology. Glencoe — Illinois, 1960.
- ⁸ См., напр., Борьба идей в современном мире, т. I. М., 1975; т. II, М., 1976; Гранов В. Новые реальности и борьба идей. М., 1977.
- ⁹ См. Habermas J. Technik und Wissenschaft als "Ideologie". Fr. a. M., 1969.
- ¹⁰ Ibid., S. 74—79.
- ¹¹ Ibid., S. 80—89.
- ¹² Ibid., S. 84—89.

Глава II

- ¹ См. Il Messaggero, 1977, 8 Apr.
- ² Ibid.
- ³ New York Times, 1975, 28. Apr.
- ⁴ Business Week, 1975, 3. Jan.

- ⁵ Ibid.
- ⁶ New York Times. 1974, 25. Aug.
- ⁷ Цит. по: Правда, 1979, 24 марта.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См. Manning B. Goals, ideology and foreign policy.— Foreign affairs. 1976, No 2, p. 271—284.
- ¹⁰ Ibid., p. 271.
- ¹¹ Ibid., p. 271, 272.
- ¹² Ibid., p. 276, 277.
- ¹³ Time, 1980, 21 Apr.
- ¹⁴ См. речь З. Бжезинского в Бонне на заседании трехсторонней комиссии США, Западной Европы и Японии в октябре 1977 года. (Die Zeit, 1977, 10 Oct.).
- ¹⁵ См. Brzezinski Z. America in a hostile world.— Contemporary review. 1976, Nov., p. 225—244.
- ¹⁶ Die neue Gesellschaft, 1969, Nr. 2, S. 171.
- ¹⁷ Die neue Gesellschaft, Sonderheft, 1969, Mai, S. 90.
- ¹⁸ Janitschek H. Anfang einer neuen Ideologie. — Vorwärts, 1971.
- ¹⁹ Christian Science Monitor, 1979, 17 Apr.
- ²⁰ Цит. по: Известия, 1979, 17 июля.
- ²¹ Коммунист, 1980, № 10, с. 113.

Глава III

- ¹ См. Popper K. R. The logic of scientific discovery. N. Y., 1959. Kuhn T. S. The structure of scientific revolution. Chicago, 1970.
- ² См., напр., Impact: Science on society. Philad, 1975.
- ³ См. Impact of science on society. P., 1972, vol. 22, No 1/2, p. 111—122.
- ⁴ Ibid., p. 123—132.
- ⁵ См. Knelman F. Significant science or the scientist as revolutionary.— "Science forum". Toronto, 1972, vol. 5, No 3, p. 8—9.
- ⁶ См. Saint Mars Ph. Progrès au declin de l'homme? P., 1978.
- ⁷ Ibid., p. 91, 108.
- ⁸ Ibid., p. 194.
- ⁹ См. The journal of development studies. L., 1972, vol. 9, No 1, p. 19—37.
- ¹⁰ См. Курьер ЮНЕСКО. 1973, № 1, с. 20—23.

Глава IV

- ¹ Aron R. Remarques sur le nouvel âge idéologique. P., 1973, No 9, p. 20.
- ² См. Lemberg E. Antropologie der ideologischen Systeme. Weiheim und Basel, 1977.
- ³ См. Nisbet R. Three values and their modern perversion.— The St. Croix review, Stillwater (Minn.), 1978, vol. II, No 5, p. 23.
- ⁴ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1976, p. 26.
- ⁵ См. Wilhelm D. Creative alternatives to communism. Guidelines for to-morrow's world. L., 1977, p. 46.
- ⁶ Ibid., p. 56.
- ⁷ См. Lemaitre J. Le chaos ou la troisième voie. P., 1977.
- ⁸ Salamun K. Ideologie, Wissenschaft, Politik: sozialphilosophische Studien. Graz., 1975, S. 18.
- ⁹ Fromm E. The revolution of hope. N. Y., 1968.

- ¹⁰ Fromm E. To have or to be? N. Y., 1976.
- ¹¹ См. Sinai I. R. The decadence of the modern world. Cambridge (Mass.), 1978.
- ¹² Roszack T. Where the wasteland ends. N. Y., 1973, p. 17.
- ¹³ См., напр., Москвичев Л. Н. Теория «дендеологизации»: иллюзии и действительность. М. 1971; Лейбин В. М. Философия социального критицизма в США. М., 1976; Гуревич П. С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980.
- ¹⁴ См. Shils E. The end of ideology?—Encounter, 1955, vol. 5.
- ¹⁵ См. Bell D. The end of ideology: on exhaustion of political Ideas in the fifties. N. Y., 1960, p. 16.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ См. Aron R. L'opium des intellectuels. P., 1957.
- ¹⁸ Ibid., p. 26.
- ¹⁹ Ibid., p. 34.
- ²⁰ См. Friedrichs R. W. A sociology of sociology. N. Y., 1970, p. 20.
- ²¹ Aron R. Remarques sur le nouvel âge ideologique.—Contrepoint. P., 1973, No 9, p. 20.
- ²² Brzezinski Z. Between two ages. America's role in the technetronic era (далее: Between two ages...). N. Y., 1970, p. 241.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 118.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 37.
- ²⁵ См. Brzezinski Z. Between two ages... N. Y., 1970, p. 117.
- ²⁶ Критический анализ этой концепции см.: В лабиринтах буржуазного сознания. М., 1978, с. 105—110.
- ²⁷ Capitalism Today. Ed. by D. Bell and I. Kristol. N. Y., 1971, p. 24.
- ²⁸ См. Lipset S. M. Ideology and No End.—Encounter, 1972, vol. 39, p. 17—22.
- ²⁹ A socialist idea. A reappraisal. Ed. by Kolakovski and Hampshire. L., Melbourne, N. Y., 1976, p. 238.
- ³⁰ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. L., 1976, p. 29.

Глава V

- ¹ См. Holzle E. Idee und Ideologie. Bern, 1979.
- ² Ibid., p. 123, 211.
- ³ См. Salamon K. Ideologie, Wissenschaft, Politik: sozialphilosophische Studien. Graz., 1975.
- ⁴ Ibid., p. 23.
- ⁵ В лабиринтах буржуазного сознания, с. 14.
- ⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 357.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 41.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 325.
- ¹⁰ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 50.
- ¹¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 213.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 253.
- ¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 105—106.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 214.
- ¹⁵ См. Enzyklopädie der Zukunft. Hrg. von R. Youngk, R. Lutz e. a. Tübingen, 1978.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 362—363.
- ¹⁷ См. Welternahrung-Krasse Widerspruche und Probleme inteir Lösung.—Allgemeine Krise des Kapitalismus. B., 1979, S. 140.

- ¹⁸ Laszlo E. Goals for mankind. A report to the Club of Rome on the new horizons of global community. N. Y., 1977.
- ¹⁹ См. Mische G., Mische P. Toward a human World order. N. Y., 1977.
- ²⁰ См. Cornish E. Towards a philosophy of futurism.—Futurist, 1977, vol. II, No 6, p. 380—383.
- ²¹ Ibid., p. 381.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 115.
- ²³ См. Hayek F. A. New studies in philosophy, politics, economics and the history of ideas. Chicago, 1978.
- ²⁴ См. The relevance of liberalism, Boulder (Cal.), 1978, p. 203.
- ²⁵ Ibid., p. 210.
- ²⁶ См. Лэд Э. Американцы чтут традиционные ценности.—Америка, 1979, № 267, февр., с. 17.
- ²⁷ См. Aaron H. J. Politics and the professors. Wash., 1978.
- ²⁸ См. Six Decades that changed the world. The USSR after 60 years. N. Y., 1978.

Глава VI

- ¹ См. Conservatismus international. Stuttgart, 1973.
- ² Ibid., p. 14.
- ³ Koestler A. The ghost in the machine. L., 1971.
- ⁴ Lemberg E. Antropologie der ideologischen Systeme. Beltz-Verlag, Weinheim und Basel, 1977.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 25.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 89.
- ⁸ См. Dumont L. La communauté anthropologique et idéologie.—Homme, 1978, t. 18, No 3/4, p. 87—100.
- ⁹ См. Nisbet R. Three values and their modern perversion.—The St. Croix review, Stillwater, 1978, vol. II, No 5, p. 23.
- ¹⁰ Ibid., p. 24.
- ¹¹ Ibid., p. 25.
- ¹² Ibid., p. 26.
- ¹³ Ibid., p. 28.
- ¹⁴ Ibid., p. 29.
- ¹⁵ Ibid., p. 32.
- ¹⁶ См. Kristol J. On the democratic idea in America. N. Y., 1979.
- ¹⁷ См. Schelski H. Der selbständige und der betreute Mensch. Stuttgart, 1980.
- ¹⁸ См. Pelt J.-M. Lé Homme re-nature. P., 1977.

Глава VII

- ¹ См. Feuer L. S. Ideology and the ideologists. Oxford, 1975.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 411.
- ³ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 234.
- ⁴ Roszak Th. Where the Wasteland ends. N. Y., 1972.
- ⁵ Ibid., p. 372.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 227.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 592.
- ⁸ См. Fromm E. To have or to be? N. Y., 1976.
- ⁹ См. Lemaître J. Le chaos ou la troisième voie. P., 1977.

- ¹⁰ Ibid., p. 174.
- ¹¹ Цит. по: Правда, 1978, 30 окт.
- ¹² См. Escarpit R. Vivre la gauche. P., 1977.
- ¹³ См. Wiener A. Magnificent Myth. Oxford, 1979.
- ¹⁴ Ibid., p. 50.
- ¹⁵ Ibid., p. 162.
- ¹⁶ Michaud J. Violence et politique. P., 1978.
- ¹⁷ См. Laquer W. Terrorism. L., 1977.
- ¹⁸ См. O' Leary J. Envisioning interdependence.—Orbis, Philadelphia, 1978, vol. 22, No 3, p. 503—537.
- ¹⁹ См. Comblin J. Le pouvoir militaire en Amerique Latine. P., 1977.
- ²⁰ Ibid., p. 62.

Глава VIII

- ¹ Nimmo D. Political communication and public opinion in America. Santa Monica (Cal.), 1978.
- ² Ibid., p. 124.
- ³ Ibid., p. 130.
- ⁴ Ibid., p. 130, 156, 166.
- ⁵ См. Lasswell H. The structure and the Function of Communication in Society.—The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1974.
- ⁶ См. Lammers W. W. Presidential Politics: Putterns and Prospects. N. Y., 1976.
- ⁷ Time, 1977, April, vol. 88, No 11, p. 26.
- ⁸ См. Schramm W. Men, messages and media. N. Y., 1973.
- ⁹ Ibid., p. 250.
- ¹⁰ Ibid., p. 290.
- ¹¹ См. Fabris H. Massenmedien. Die Herrschaft der Souffleure.—Wiener Tagebuch, 1976, Nr. 12, S. 13—16.
- ¹² Ibid., p. 14.
- ¹³ См.: Mass communication in the modern world. N. Y., 1979, p. 103.
- ¹⁴ См. Ellul J. L'ideologie marxiste chretienne. P., 1979.
- ¹⁵ Ibid., p. 5.
- ¹⁶ См. В лабиринтах буржуазного сознания, с. 205—211.
- ¹⁷ См. Ellul J. Propaganda. N. Y., 1973.
- ¹⁸ Ibid., p. 64.
- ¹⁹ Maisel R. The decline of mass media. N. Y., 1979.

Глава IX

- ¹ За рубежом, 1980, № 12, с. 18.
- ² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 339.
- ³ См. Editor and Publisher 1977, 10 Sept., p. 6.
- ⁴ См. Editor and Publisher 1977, 8 Oct., p. 8.
- ⁵ Time, 1978, 18 Dec., p. 58.
- ⁶ См. Литературная газета, 1978, 16 июля.
- ⁷ См. US News and World Report, 1979, 27 Aug., p. 44—45.
- ⁸ Cohen, Bernard C. The Press and the Foreign Policy. Princeton, New Jersey, 1965, p. 29.
- ⁹ См. US News and World Report, 1979, 27 Aug., p. 43.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.

- ¹² Ibid.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Daily World, 1979, 7 June.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 214.
- ²⁰ US News and World Report, 1979, 27 Aug., p. 47.
- ²¹ Ibid.
- ²² См. Правда, 1980, 9 июня.
- ²³ Разведчики разоблачают. М., 1977, с. 14.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.
- ²⁵ См. Вестник МГУ. Серия X. Журналистика. 1979, № 4, с. 48—49.
- ²⁶ Там же, с. 50—52.
- ²⁷ Там же, с. 62.
- ²⁸ Там же, с. 60—61.
- ²⁹ Чизмен Р., Нильсон К. О. Государственное вмешательство в область идеологии: Доклад на XI Конгрессе МАИМК, Варшава, Польша, 4—9 сентября 1978 г. Варшава, 1978, с. 10.

Глава X

- ¹ См. World Communications. A 200-country survey of press, radio, television and film. Gower Press (UNIPAB), The UNESCO Press, 1975.
- ² См. Access: Some Western Models of Community Media. Ed. by Frances J. Berrigan. UNESCO, 1977, p. 166.
- ³ Ibid., p. 81.
- ⁴ См. World Communications. A 200-country survey of press, radio, television and film. Op. cit.
- ⁵ Вестник МГУ. Серия X. Журналистика. 1977, № 1, с. 38.
- ⁶ International Herald Tribune, 1977, 30 May.
- ⁷ Mander J. Four arguments for the Elimination of Television. N. Y., 1978, p. 68.
- ⁸ Ibid., p. 47.
- ⁹ Ibid., p. 260.
- ¹⁰ Новый мир, 1980, № 7, с. 206—207.
- ¹¹ См. Mander J. Op. cit., p. 134.
- ¹² См. Литературная газета, 1980, 30 апр., с. 14.
- ¹³ Вестник МГУ. Серия X. Журналистика. 1977, № 1, с. 67.
- ¹⁴ Stanley R. H., Ramsey R. G. Television News: Format as a Form of Censorship.—ETC. A Review of General Semantics. 1978, vol. 35, No 4, p. 434.
- ¹⁵ Goldsen R. K. Why Television Advertizing is Deceptive and Unfair?—ETC. A Review of General Semantics. 1978, vol. 35, No 4, p. 358.
- ¹⁶ Mander J. Op. cit., p. 348.
- ¹⁷ Moran T. P. Propaganda as Pseudocommunication.—ETC. A Review of General Semantics. 1979, vol., 36, No 2, p. 181—182.
- ¹⁸ Журналистика в буржуазном обществе. М., 1976, с. 36.
- ¹⁹ Там же, с. 36—37.
- ²⁰ Mankekar D. R. One-way Flow. Neo-colonialism via News Media. Delhi, 1978, p. 40.

- ²¹ The New York Times, 1977, 2 may.
²² См. US News and World Report, 1977, 15 Aug.
²³ См. The Quill, 1978, Dec., p. 12.
²⁴ За рубежом, 1980, № 12, с. 18.

Заключение

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39—40.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 227—228.
³ Брежнев Л. И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики, с. 102.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Раздел I</i> «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» — ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА.	7
<i>Глава I</i>	
Социальный смысл версий «деидеологизации» . . .	7
<i>Глава II</i>	
«Реидеологизация» — попытка преодоления духовного кризиса	24
<i>Глава III</i>	
«Реидеологизация» и буржуазная наука	43
<i>Раздел II</i> СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ ВАРИАНТЫ «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ»	56
<i>Глава IV</i>	
«Реидеологизация» и ее отражение в буржуазной социологии	56
<i>Глава V</i>	
Либеральные концепции «глобальной идеологии»	74
<i>Глава VI</i>	
«Неоконсервативная» «революция ценностей» как версия «реидеологизации»	101
<i>Глава VII</i>	
Социальная мифология как мелкобуржуазная «реидеологизация»	120
<i>Раздел III</i> «РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ» И ТЕНДЕНЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ПРОПАГАНДЫ	142
<i>Глава VIII</i>	
Активизация апологетических концепций пропаганды	142
<i>Глава IX</i>	
Усиление диктата империалистического государства в сфере массовой информации	161
<i>Глава X</i>	
Перестройка буржуазных средств пропаганды в духе «реидеологизации»	177
Заключение	196

Гранов Владимир Дмитриевич,
Гуревич Павел Семенович,
Семченко Алла Тихоновна

В ПОИСКАХ ДУХОВНОЙ ОПОРЫ

Общеполитические и международные аспекты
буржуазных концепций «реидеологизации»

Редактор *Н. И. Саконтиков*

Художественный редактор *В. В. Сурков*

Технический редактор *О. В. Кудрявцева*

Корректор *Л. А. Суркова*

ИБ № 605

Сдано в набор 16.01.81. Подписано в печать 03.04.81. А02331.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,24. Уч.-изд. л. 11,69. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1424. Цена 95 к. Изд. № 195—И/80.

Издательство «Международные отношения»
Москва, 107053, ул. Садовая-Спасская, 20

Набрано в Московской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Мало-Московская, 21.

Отпечатано в Московский типографии № 8 Союзполиграфпрома при Государст-
венном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Еще недавно буржуазные "духовные авторитеты" шумным хором утверждали, что приближается "конец века идеологий", что "деидеологизация" сознания, науки и вообще всей духовной жизни становится неизбежной. Теперь, на рубеже 80-х годов, представители тех же буржуазных кругов, а нередко те же самые люди драматическими красками рисуют "духовный хаос", царящий в капиталистическом "свободном мире", и лихорадочно ищут пути выхода из "кризиса веры в капитализм". Волна "реидеологизаторских" концепций в буржуазной общественной науке оттеснила с авансцены весьма распространенные в 50 - 60-е годы теории "деидеологизации" с их утверждениями о якобы происходящем упадке роли идеологического фактора в странах развитого капитализма.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА